И 427/298

КУЛЬТЪ КАВИРОВЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. И. НОВОСАДСКАГО.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская улица № 13.

1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
74575-46

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Культъ Кавировъ представляетъ одну изъ самыхъ неясныхъ сторонъ греческой религіи. Сохранившіяся до настоящаго времени извѣстія о немъ древнихъ авторовъ противорѣчивы, неопредѣленны и отрывочны. Кавиры представляются тутъ не въ свѣтѣ точныхъ и опредѣленныхъ указаній, а въ таинственномъ мракѣ, но этотъ то мракъ и привлекалъ къ себѣ взоры новѣйшихъ изслѣдователей.

Не свѣтлыя, а темныя мѣста требуютъ освѣщенія. Стремленіемъ освѣтить, по мѣрѣ возможности, культъ Кавировъ въ Греціи вызванъ былъ цѣлый рядъ изслѣдованій по этому вопросу въ западно-европейской литературѣ. При взглядѣ на значительное количество сочиненій, посвященныхъ изученію культа Кавировъ, которыя критически разсмотрѣны мною на первыхъ страницахъ моей книги, быть можетъ, возникнетъ мысль, что новое изслѣдованіе по этому предмету излишне, что оно не вызывается положеніемъ дѣла. Но такая мысль не явится у того, кто тщательно ознакомится со всѣми этими изслѣдованіями. Онъ увидитъ, какъ разнорѣчивы, какъ несогласны между собою мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ о Кавирахъ. Одни считаютъ ихъ божествами огня, другіе—божествами аграрными, иные видятъ въ нихъ демоническихъ покровителей винодѣлія, иные—силы, въ которыхъ олицетворено проявленіе электричества. И чѣмъ больше приходится читать изслѣдованій по этому предмету, тѣмъ болѣе нельзя не изумляться разнообразію взглядовъ на одно и то же

явленіе древнегреческой религіозной жизни, и неизбѣжно возникаетъ вопросъ, на какомъ изъ научныхъ выводовъ остановиться?

Съ моей стороны было бы смѣло надѣяться вполнѣ разрѣшить тѣ вопросы, надъ которыми безуспѣшно трудились такіе глубокіе умы, какъ Крейцеръ, Лобекъ, Шеллингъ, К. О. Миллеръ, Ф. Ленорманъ,—достаточно этихъ именъ, извѣстныхъ всему ученому міру, — но безпристрастная критика, думаю, признаетъ, что мое изслѣдованіе, какъ въ существенныхъ основахъ даннаго вопроса, такъ и во многихъ его частностяхъ не представляетъ только повторенія того, что высказано раньше меня, а вноситъ и свою долю въ дѣло изслѣдованія культа Кавировъ. Я пришелъ къ новымъ выводамъ относительно той идеи, которая лежала въ основѣ ученія о Кавирахъ: это были боги свѣта, и изъ этой основной черты развились всѣ другія приписывавшіяся имъ черты, подобно тому какъ тѣ же черты развились изъ того же основного представленія въ миѳахъ объ Аполлонѣ. Важный фактъ аналогіи миѳовъ о Кавирахъ съ миѳами объ Аполлонѣ отмѣченъ мною впервые; впервые же указано мною, что культъ Кавировъ, подобно культу Аполлона, развивался въ средѣ іонійскаго и дорійскаго племени. Я подвергъ критикѣ сообщаемое въ схоліяхъ къ Аполлонію родосскому объясненіе именъ Кавировъ и, разсмотрѣвъ несогласные съ нимъ факты изъ области ученія о Кавирахъ, указалъ на его неточность. Очень простыя, но не принятыя до настоящаго времени во вниманіе соображенія, привели меня къ тому выводу, что обыкновенно считавшіяся и теперь считающіяся мистическими имена Кавировъ, сообщенныя Мнасеемъ патарскимъ, совершенно не мистическія имена. Изслѣдуя эпиграфическіе памятники, открытые на Самоѳракіи, я нашелъ въ нихъ указанія на неотмѣченный никѣмъ изъ западно-европейскихъ ученыхъ фактъ существованія въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ трехъ степеней посвященія, подобно тому какъ это было въ мистеріяхъ елевсинскихъ. Мной высказаны новыя соображенія и относительно нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, напр., о положеніи Саевъ въ ряду другихъ лицъ самоѳракійскаго жреческаго персонала, о сходствѣ миѳовъ относительно παῖς Καβίρου съ миѳами объ Іакхѣ, о віотійскихъ парагогахъ и проч.

Культъ Кавировъ разсмотрѣнъ мною по отдѣльнымъ мѣстностямъ, при чемъ указывается, какъ на немъ отразились особенности природы каждой области и тѣ древнѣйшія мѣстныя вѣрованія, съ которыми приходилось встрѣчаться этому культу при его установленіи. Разсмотрѣны также различныя греческія и иноземныя вліянія, которымъ подвергалось ученіе о Кавирахъ при его развитіи въ разныхъ областяхъ древней Греціи.

Въ отдѣлѣ о проводившемся въ мистеріяхъ Кавировъ ученіи я рѣшился отступить отъ общепринятаго западно-европейскими учеными взгляда, что тутъ не проводилось никакого ученія. Такъ какъ мое мнѣніе по этому вопросу не голословно, а основано на цѣломъ рядѣ фактовъ и соображеній, то я желалъ бы, чтобы критика не опровергала его безъ доказательствъ, безотчетнымъ veto, какъ это обыкновенно дѣлается при вопросѣ объ ученіи мистерій, а, въ случаѣ несогласія, поставила бы своей задачей дать другое объясненіе тѣмъ фактамъ, на которыхъ основывается мое мнѣніе.

Въ заключеніе своего изслѣдованія я разсматриваю божества различныхъ народовъ древняго міра, представлявшія сходство съ греческими Кавирами. Теперь ослабѣло то увлеченіе сравнительнымъ изученіемъ греческой религіи, какое господствовало еще такъ недавно. Одинъ изъ выдающихся въ настоящее время знатоковъ греческой религіи О. Крузіусъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что сравнительное изученіе древнегреческихъ вѣрованій не оправдало возлагавшихся на него ожиданій. (O. Crusius, Beiträge zur Griech. Mythologie, S. 1). Но не было никакихъ основаній надѣяться, что сравнительное изученіе религій откроетъ характеристическія черты того или другого культа; онѣ могутъ быть опредѣлены только посредствомъ историческаго изученія отдѣльныхъ культовъ въ связи съ психическими особенностями того народа и физическими отличіями той страны, гдѣ они развивались. Сравнительное изученіе религій помогаетъ уясненію только общихъ, самыхъ основныхъ началъ культовъ отдѣльныхъ народовъ. Поэтому мною отведено незначительное мѣсто сравненію культа Кавировъ съ культами другихъ сходныхъ съ ними божествъ. Это сравненіе указываетъ на универсальность, все-

общность основной идеи ученія о Кавирахъ, охватившей, можно сказать, весь древній міръ.

Вопросъ о заимствованіи культа Кавировъ отъ Египтянъ, Пеласговъ и Финикіянъ рѣшенъ мною отрицательно (стр. 41) и принятъ намѣченный Крузіусомъ другой путь — Ѳракія. При этомъ я далекъ отъ мысли признавать ѳракійскій культъ Кавировъ самымъ древнимъ. Гдѣ впервые онъ былъ установленъ, въ Египтѣ или въ Индіи или въ какой-нибудь другой странѣ—это не входитъ въ предѣлы моего изслѣдованія и, конечно, не можетъ быть рѣшено силами одного человѣка. Для рѣшенія этого вопроса требуется совмѣстный трудъ многихъ лицъ.

Варшава.
20 Окт. 1891 г.

ГЛАВА I.

Литература вопроса о кавирахъ въ древности. Изслѣдованія о кавирахъ въ западно-европейской литературѣ.

Кавиры въ несохранившихся до настоящаго времени произведеніяхъ древнихъ авторовъ. Изслѣдованія о Кавирахъ западно-европейскихъ ученыхъ. Меурсій. Фабретти. Асторій. Реляндъ. Гутберлетъ. Фрерэ. Шеллингъ. С. Круа. Велькеръ. Лобекъ. Нейгайзеръ. Россиньоль. Конце. Изслѣдованія на Самоѳракіи австрійской археологической коммиссіи. Ленорманъ. Крузіусъ. Раскопки германскаго археологическаго института въ віотійскомъ святилищѣ Кавировъ.

Ce qui concerne les Cabires est un des points es plus importants et les plus compliqués de la mythologie grecque. Les traditions, qui les regardent, sont tellement confuses et si souvent opposées les unes aux autres, que l'analyse en paraît à peine possible. Les enciens eux-mêmes se contradisaient faute de s'entendre, et les modernes, en accumulant avec plus d'érudition que de critique leurs différens témoignages, ont embrouillé la matière au lieu d'éclaircir.

Freret.

Взятыя нами какъ эпиграфъ слова французскаго ученаго Фрерэ очень мѣтко характеризуютъ положеніе вопроса о Кавирахъ и въ древности, и въ настоящее время: столько запутанности, столько разногласій въ свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ и въ мнѣніяхъ новѣйшихъ ученыхъ едва-ли можно найти по какому-нибудь другому вопросу, какъ относительно культа Кавировъ. Мистическій мракъ, которымъ покрыты эти божества, еще болѣе увеличиваетъ затрудненія при изслѣдованіи ихъ культа. Древніе авторы, говоря о Кавирахъ, строго наблюдали, какъ бы не сказать чего-нибудь такого, что составляло тайну только посвященныхъ въ мистеріи. Смертная казнь, установленная закономъ для тѣхъ, которые открывали со-

кровенное ученіе мистерій, устрашала самыхъ смѣлыхъ людей, и такія лица какъ Діагоръ милосскій, не боявшіяся преслѣдованій и грозной кары, составляютъ исключительное явленіе. Но и ихъ смѣлость не принесла намъ никакой пользы, такъ какъ все запретное (ἀπόρρητα), высказанное въ ихъ книгахъ, было уничтожено ихъ современниками. Кромѣ разногласія и отрывочности упоминаній древнихъ авторовъ о Кавирахъ трудность изученія культа этихъ божествъ увеличивается еще оттого, что и изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній до насъ дошло очень немного. Не сохранились до настоящаго времени труды упомянутаго уже Діагора, о которомъ Аѳинагоръ говоритъ, что онъ дѣлалъ общимъ, народнымъ достояніемъ не только ученіе Орѳиковъ, но и ученіе елевсинское и то, что излагалось о Кавирахъ[1]). Не дошло до насъ то, что писали о Кавирахъ Димитрій скипсійскій[2]), Діонисодоръ тризенскій[3]), Акусилай аргосскій и Ферекидъ сирскій[4]). Такъ какъ культъ Кавировъ особенно славенъ былъ на островѣ Самоѳракіи, то съ полнымъ правомъ можно предположить, что тѣ древніе авторы, которые излагали исторію Самоѳракіи, касались также и прославленныхъ тамъ мистерій, установленныхъ въ честь Кавировъ. Сюда должно отнести Домиція Каллистрата, которому приписывается κεχωρισμένη ἱστορία περὶ Σαμοθράκης[5]), Идоменея[6]) и періигита Полемона. Среди отдѣльныхъ сочиненій послѣдняго Аѳиней указываетъ цѣлую книгу „о Самоѳракіи[7])“. Если взять во вниманіе общій характеръ литературныхъ трудовъ древнегреческихъ періигитовъ, которые преимущественно сосредоточивали свой интересъ на вопросахъ религіозныхъ, то нельзя не признать утрату этой книги Полемона очень важной

[1]) Athenag. Legat. II, 5 (Migne, partr. series graeca, VI, 897). Suid. ἀναδεῖ и ἐξεφοίτα, FHG II, 621.

[2]) Strab. X, 472.

[3]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917.

[4]) Strab. X, 472.

[5]) FHG IV, 355. cf. Dion. Hal. A R. I, 68.

[6]) Suid. см.: Ἰδομενεύς.

[7]) Athen. IX 372 A.

потерей. Кромѣ того Діогенъ Лаертій сообщаетъ о какомъ-то Димокритѣ, соименномъ великому философу, который, между прочимъ, писалъ о городѣ Самоѳракіи[1]). Тутъ могли быть приведены и разсказы о тѣхъ внѣшнихъ сторонахъ культа Кавировъ, которыя не запрещено было открывать непосвященнымъ.

Подобно тому, какъ миѳы елевсинскаго мистическаго культа разрабатывались трагиками и комиками[2]), такъ и миѳы, касавшіеся культа Кавировъ, ихъ жрецовъ и поклонниковъ, послужили сюжетами для драматическихъ произведеній. Такъ, Эсхилъ написалъ сатирическую драму „Кавиры“, отъ которой сохранились до настоящаго времени только небольшіе фрагменты[3]). Вслѣдствіе ихъ незначительности затруднительно составить ясное и отчетливое представленіе о ходѣ дѣйствія въ этой драмѣ. Несомнѣнно только то, что Эсхилъ поставилъ миѳъ о Кавирахъ въ связь съ миѳомъ объ Аргонавтахъ и что онъ изобразилъ Кавировъ шутливыми покровителями винодѣлія. У Аѳинея находимъ упоминаніе о комедіи Аѳиніона Σαμόθρακες[4]). Аѳиней приводитъ значительный отрывокъ изъ этой комедіи, но отрывокъ этотъ не освѣщаетъ вопроса о Кавирахъ и не представляетъ ничего существенно важнаго даже для ознакомленія съ внѣшней стороной праздника въ честь этихъ божествъ.

Незначительное число извѣстныхъ до настоящаго времени драматическихъ произведеній, въ основу которыхъ легли миѳы изъ области культа Кавировъ, можно увеличить послѣ раскопокъ германскаго археологическаго института въ ѳиванскомъ Кавиріи комедіей Алексида Κράτεια ἢ Φαρμακοπώλης. Относительно ея встрѣчаются указанія у Аѳинея[5]). Казобонъ предложилъ читать во

[1]) Diog. L. IX, 7, 14.

[2]) См. Н. Новосадскій, Елевс. мистеріи. С.-Пб. 1887, стр. 6.

[3]) TGF Aesch. nº 94—97, A. Nauck². По мнѣнію Ф. Г. Велькера, драма Κάβειροι представляла часть трилогіи Ἰασόνεια, въ составъ которой входили Ἀργὼ ἢ κωπευστής и Ὑψιπύλη. Fr. Welcker, Die Aeschylische Trilogie, S. 309. Тамъ же на стр. 313 слѣд. изложено Велькеромъ въ общихъ чертахъ содержаніе драмы „Кавиры“.

[4]) Athen. XIV, 660 E.

[5]) Athen. III, 95 A; VIII, 340 A; XV, 678 C.

всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается это имя, Κρατεύας, и подъ вліяніемъ его авторитета такая форма удерживалась позднѣйшими издателями Аѳинея. Въ недавнее время Кайбель, принявъ во вниманіе находящееся на одной чашѣ, найденной въ віотійскомъ святилищѣ Кавировъ, имя Κράτεια, рядомъ остроумныхъ соображеній доказалъ, что въ заглавіи комедіи Алексида должно быть поставлено имя Кратіи—богини, имѣвшей отношеніе къ культу Кавировъ[1]). Вотъ и всѣ извѣстные намъ, но недошедшіе до настоящаго времени литературные труды древнихъ грековъ, касавшіеся культа Кавировъ. То, что сохранилось, будетъ указано съ возможной полнотой въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ при дальнѣйшемъ изложеніи предмета нашего изслѣдованія.

Въ западной Европѣ начало изслѣдованіямъ о культѣ Кавировъ положилъ I. Меурсій замѣткой Καβείρια, помѣщенной въ его трудѣ „Graecia feriata[2])“. Тутъ все относящееся къ этому культу изложено только на пяти страницахъ. Понятно, что при такихъ незначительныхъ размѣрахъ статьи Меурсія о Кавирахъ данный вопросъ не могъ быть изложенъ даже въ самыхъ общихъ, существенныхъ чертахъ. Меурсій намѣтилъ этотъ вопросъ, указалъ на его важность и значеніе въ области религіи древнихъ грековъ, но матеріалъ, относящійся къ нему, не былъ исчерпанъ въ той полнотѣ, съ какой этотъ ученый прослѣдилъ другой мистическій культъ — божествъ елевсинскихъ. Послѣ Меурсія небольшая замѣтка о Кавирахъ встрѣчается въ монографіи Р. Фабретти „О Траяновой колоннѣ[3])“. Фабретти коснулся вопроса о Кавирахъ только мимоходомъ. Такъ какъ въ задачу его монографіи не входило спеціальное изслѣдованіе о культѣ этихъ божествъ, то онъ не разсматривалъ ни вопросъ о происхожденіи культа Кавировъ, ни обрядовую его сторону, ни его значеніе въ древне-греческомъ мірѣ, а отмѣтилъ лишь различные виды изображенія Кавировъ на памятникахъ древняго искусства, останавливаясь преимущественно на аттрибутахъ этихъ божествъ. Фабретти, какъ кажется, первый указалъ на сходство аттрибутовъ Кавировъ и Діоскуровъ.

[1]) G. Kaibel, Sententiarum liber quintus, Hermes 1890, S. 97—112.

[2]) I. Meursius, Graecia feriata, Lugd. Batav. 1619, p. 172—176: Καβείρια.

[3]) Raf. Fabretti, De columna Traiana, p. 72—83. Эта монографія издана совмѣстно съ статьей того же автора Explicatio veteris tabellae anaglyphicae Homeri Iliadem continentis, Romae, 1683.

Въ 1703 году изданъ былъ въ Венеціи трудъ Іоанна Антонія Асторія „Dissertatio de diis Cabiris[1])“, который можно признать первымъ сравнительно полнымъ трактатомъ о Кавирахъ. Асторій намѣтилъ много вопросовъ, относящихся къ культу Кавировъ, но выводы его можно назвать по меньшей мѣрѣ странными; они

[1]) Это изслѣдованіе издано во второй разъ въ книгѣ Utriusque thesauri antiquitatum nova supplementa congesta ab Io. Poleno, Venetiis, 1737, II, 881—904. Содержаніе труда Асторія такъ обстоятельно и точно изложено у Полена въ его praefatio XII sq., что не безполезнымъ будетъ привести здѣсь полную выписку изъ Полена, въ особенности въ виду того, что не во всякой университетской библіотекѣ въ Россіи найдется эта книга. По крайней мѣрѣ ея нѣтъ въ библіотекѣ Варшавскаго университета. „In ea (dissertatione) primum, num Cabiri penates fuerint aut Vulcani filii, vel daemones, et an ex physica fluxerint ratione, ut varii antiquorum opinati sunt, recte perpendit. Hisce vero sententiis explosis, tres deinde fuisse contendit Athenis ab Jove rege antiquissimo et Proserpina natos, Tritopatreum, Eubuleum et Dionysium (!). Proximis ante vel post Ogygis diluvium seculis eos floruisse et orbem peragrantes magica excoluisse atque incantationes coniectat; unde magni ac potentes postea vocati fuerint et habiti tanquam dii, sicuti Zoroaster apud Persas magorumque apud gentes alias nonnulli. Diversa nomina ex varietate locorum, in quibus degebant vel colebantur, eos esse sortitos docere pergit, atque eosdem fuisse ac Telchines, Idaei Dactyli (!), Curetes, Corybantes. Cabirorum vocem non ἀπὸ τοῦ Chiborim Hebraeorum, quod potentes significat, ut Hornius, sed ἀπὸ τοῦ Caber, quod est incantator, deducit. Tandem de eorum mysteriis ac sacris, initiatione, de idolis et locis, in quibus divino fuere culti honore, deque certaminibus, quae Cabiria appellabantur, multa subdit, oppido erudita et apprime conducentia ad hanc veterum sacrorum partem cognoscendam; atque ita auctor doctissimus extremam dissertationi suae manum imponit.

обнаруживаютъ въ этомъ ученомъ крайній недостатокъ критическаго отношенія къ древнимъ авторамъ. Достаточно указать на главный и высказанный, повидимому, съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости его выводъ о Кавирахъ, — что они были сыновья древнѣйшаго аѳинскаго царя Зевса и Персефоны, жили во времена, близкія къ Огигову потопу, и т. д. Заслуга Асторія состоитъ въ томъ, что онъ сгруппировалъ значительное количество матеріала по вопросу о культѣ Кавировъ и тѣмъ облегчилъ трудъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ. У него собрано больше матеріала, чѣмъ въ явившемся нѣсколькими годами позже маленькомъ разсужденіи о Кавирахъ Адріана Релянда[1]). Преимущественное вниманіе Релянда обращено на вопросъ о происхожденіи именъ Кавировъ, которыя онъ производилъ изъ еврейскаго языка. Внѣшней стороны культа Кавировъ и ученія, проводившагося въ мистеріяхъ, Реляндъ не касался.

Въ слѣдующемъ 1704 году вышло вторымъ изданіемъ сочиненіе Товіи Гутберлета „Dissertatio philologica de mysteriis deorum Cabirorum[2])“. Тутъ разсмотрѣны вопросы о происхожденіи имени Кавировъ, о мѣстахъ установленія ихъ культа и о внѣшней, обрядовой сторонѣ ихъ празднествъ. Но матеріалъ, относящійся къ предмету изслѣдованія, собранъ тутъ далеко не въ томъ объемѣ, въ какомъ возможно было собрать въ то время, и отношеніе Гутберлета къ свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ лишено

[1]) Adrianus Relandus, Dissertationes miscellaneae, Traiecti ad Rhen. 1706—8. I, 193—206.

[2]) Эта монографія была помѣщена въ полномъ собраніи сочиненій Товіи Гутберлета (Tobiae Gutberlethi opuscula, Francofurtae, 1704). Впослѣдствіи она была перепечатана въ Poleni utriusque thes. antiquitatum suppl. II, 833—872. Въ которомъ году вышло первое изданіе труда Гутберлета, мнѣ неизвѣстно. У Гутберлета есть указаніе на то, что вопроса о культѣ Кавировъ касался раньше его Танаквиллъ Фаберъ въ сочиненіи „De futilitate poëtices, cap. 4. Этой книги я не могъ достать. Впрочемъ, кажется, жалѣть объ этомъ нѣтъ основаній въ виду того отзыва, какой даетъ Гутберлетъ о Т. Фабрѣ „qui in isto tractatu vere ostendit se esse docti patris indoctum filium“ etc.

критическаго характера. Въ настоящее время эта работа не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Затѣмъ появилось изслѣдованіе о культѣ Кавировъ французскаго ученаго Фрерэ[1]). Главное значеніе изслѣдованія Фрерэ состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ вопросъ о происхожденіи именъ Кавировъ совершенно иначе, чѣмъ предшествовавшіе изслѣдователи; онъ доказывалъ происхожденіе ихъ на почвѣ греческаго языка. Но мнѣніе Фрерэ не установилось въ наукѣ, и въ слѣдующемъ за тѣмъ по времени изслѣдованіи Ф. Шеллинга происхожденіе именъ этихъ божествъ и самаго ихъ культа было отнесено къ востоку, къ языкамъ и народамъ семитическимъ.

Монографія Ф. В. І. Шеллинга „О самоѳракійскихъ божествахъ[2])“, несмотря на незначительные размѣры (изложеніе предмета занимаетъ въ ней только сорокъ двѣ страницы небольшаго формата, на остальныхъ 75 страницахъ помѣщены примѣчанія), богата содержаніемъ. Мнѣніе Шеллинга о тѣхъ значеніяхъ, какія соединялись у древнихъ грековъ съ именами Кавировъ, будетъ приведено ниже. Тутъ только замѣтимъ, что монографія Шеллинга не охватываетъ культа Кавировъ въ цѣломъ. Основу ея составляетъ ученіе о Кавирахъ, тѣ представленія, какія соединялись съ этими божествами, по мнѣнію Шеллинга, у ихъ поклонниковъ, а относительно обрядовъ культа Кавировъ у него не сказано ни слова. Ученіе о Кавирахъ представлено у Шеллинга какъ „система цѣлаго ряда личностей или божественныхъ силъ природы, восходящихъ къ найвысшей и всѣмъ управляющей личности, къ богу, стоящему надъ міромъ[3])“. Этотъ выводъ далекъ отъ данныхъ, сообщаемыхъ древними авторами. Шеллингъ, изслѣдуя тѣ понятія, какія должно бы, по его мнѣнію, соединять съ именами Кавировъ, оставилъ незамѣ-

[1]) Mém. de l'Acad. des inscr. I-re série, XXVII (1761), p. 9—18. См. также Histoire de l'Acad. des inscr. XXIII (1756), p. 27—50.

[2]) F. W. I. Schelling, Ueber die Gottheiten von Samothrace, Stuttg. 1815. Разборъ этого изслѣдованія, составленный К. О. Миллеромъ, былъ напечатанъ Heidelb. Jahrb. 1817, n. 47.

[3]) Schelling, ibid. 28.

ченными много фактовъ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что въ віотійскихъ и македонскихъ миѳахъ о Кавирахъ представляется нерѣдко только одинъ Кавиръ,—какая же тутъ „система цѣлаго ряда существъ?“ Не обратилъ онъ вниманія и на то, что въ нѣкоторыхъ миѳахъ Кавиры изображаются не великими богами, а служителями (πρόπολοι) божествъ. Гдѣ же здѣсь идея о высшемъ, надмірномъ богѣ? Совершено невѣрно утвержденіе Шеллинга, что число Кавировъ „вполнѣ опредѣленно указывается какъ семь, къ которымъ присоединяется восьмой[1])“, напротивъ, число Кавировъ неопредѣленно; въ различныхъ мѣстахъ ихъ почитанія и въ различное время оно было различно. Кромѣ того Шеллингъ не обратилъ никакого вниманія на божества, отождествлявшіяся съ Кавирами, между тѣмъ какъ изслѣдованіе тѣхъ чертъ, которыя послужили основой ихъ отождествленія, необходимо для установленія правильнаго сужденія о томъ, какъ представляли себѣ Кавировъ древніе греки. Шеллингъ совершенно упустилъ изъ виду, что въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ миѳахъ Кавиры представлялись покровителями металлургіи. Онъ разсмотрѣлъ лишь тѣ понятія, какія можно соединять съ сообщаемыми Мнасеемъ именами Кавировъ, при производствѣ ихъ изъ семитическихъ корней; но должно было бы опредѣлить на основаніи ясныхъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, какъ дѣйствительно представляли ихъ древніе греки, а не какъ возможно ихъ представлять. Неудивительно, что при такой постановкѣ вопроса ученіе о Кавирахъ, изложенное Шеллингомъ, является системой хотя и остроумной и полной глубокаго интереса, но не подтверждаемой фактами.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ изслѣдованія Шеллинга вышелъ вторымъ изданіемъ трудъ С. Круа, который онъ посвятилъ изслѣдованію вопроса о мистеріяхъ древнихъ грековъ[2]). Въ этомъ трудѣ отведено особое мѣсто и культу Кавировъ. С. Круа держится того мнѣнія, что этотъ культъ установленъ

[1]) Schelling, Ueber die Gotth. von Samothr. S. 21: Denn ihre Zahl wird sehr bestimmt auf sieben angegeben, denen ein achter beigesellt ist.

[2]) S. Croix, Recherches historiques et critiques sur les mystères du paganisme, Paris, 1817, pp. 36—108.

Пеласгами. Представивъ краткій обзоръ божествъ, относившихся къ этому культу, коснувшись вопроса о самоѳракійскихъ жрецахъ и нѣкоторыхъ обрядахъ, совершавшихся, по его мнѣнію, на Самоѳракіи (напр., драматическое представленіе смерти Кавира, стр. 54), С. Круа переходитъ къ разсмотрѣнію божествъ, имѣвшихъ сходство съ Кавирами и отождествлявшихся съ ними; онъ разсуждаетъ о Дактиляхъ, Куритахъ, Коривантахъ, Тельхинахъ, приводя довольно подробныя указанія объ этихъ божествахъ, сохранившіяся отъ древности. Однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ изслѣдованія С. Круа было то, что онъ разсматривалъ культъ Кавировъ безъ всякой связи его съ мѣстными преданіями, безъ отношенія къ тѣмъ вліяніямъ, какія имѣли на него миѳы, съ которыми пришлось ему сталкиваться въ различныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ того С. Круа не обратилъ вниманія на культъ Кавировъ въ Віотіи, не разсмотрѣлъ его даже въ той слабой степени, въ какой возможно было разсмотрѣть его въ то время. Вопросъ о происхожденіи именъ Кавировъ оставленъ С. Круа въ сторонѣ. Относительно происхожденія имени Κάβειροι С. Круа не вдается ни въ какія разсужденія, а касательно отдѣльныхъ именъ ихъ (Ἄξιερος, Ἀξιόκερσος, Ἀξιόκερσα) склоняется къ производству на греческой почвѣ, при чемъ ссылается на Фрерэ, не высказывая своего мнѣнія[1]). Новѣйшую литературу вопроса С. Круа игнорируетъ. Такимъ образомъ этотъ трудъ, при неправильной постановкѣ и ложномъ методѣ изслѣдованія, страдаетъ еще и крупными пробѣлами.

Въ 1824 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Ф. Г. Велькера „Эсхилова трилогія Промиѳей и культъ Кавировъ на Лимносѣ[2])“. Об-

[1]) S. Croix, Recherches I², 38 sq.

[2]) F. G. Welcker, Die Aeschyl. Trilogie Prometheus u. d. Kabirenweihe zu Lemnos, Darmst. 1824. Я не упоминаю въ текстѣ небольшой замѣтки о Кавирахъ Ф. Г. Штурца, помѣщенной въ его собраніи фрагментовъ Ферекида, вышедшемъ вторымъ изданіемъ одновременно съ трудомъ Велькера (Pherecydis fragmenta, F. G. Sturz, Lips. 1824², p. 141—147), такъ какъ эта замѣтка не заключаетъ въ себѣ ничего самостоятельнаго по вопросу о Кавирахъ, а представляетъ только

щее изслѣдованіе культа Кавировъ не было задачей Велькера. Онъ коснулся этого вопроса лишь насколько онъ имѣетъ отношеніе къ миѳу о Промиѳеѣ. Велькеръ послѣдовательно провелъ мысль о томъ, что Кавиры были божествами, въ которыхъ олицетворены вулканическія силы природы, и настаивалъ на необходимости отдѣлить Кавировъ лимносскихъ отъ божествъ самоѳракійскихъ, которыя, по его мнѣнію, не были Кавирами [1]). Въ связи съ мнѣніемъ Велькера о томъ, что Кавиры представляли собой вулканическія силы, стоитъ предложенное имъ производство имени Κάβειρος отъ основы καF (гл. καίειν). Объ этомъ словопроизводствѣ будетъ сказано впослѣдствіи, а относительно общаго взгляда Велькера на Кавировъ нельзя не замѣтить здѣсь, что онъ одностороненъ. Велькеръ совершенно упустилъ изъ виду, что съ представленіемъ о Кавирахъ у древнихъ грековъ соединялись еще другія черты, напр., ихъ представляли какъ божества аграрныя, какъ покровителей винодѣлія, спасителей отъ бѣдствій и т. д. Въ общемъ трудъ Велькера не можетъ быть отнесенъ къ числу такихъ, въ которыхъ культъ Кавировъ былъ бы разсмотрѣнъ всесторонне; въ немъ очень мало сказано о Кавирахъ самоѳракійскихъ и нѣтъ ничего относительно самоѳракійскихъ обрядовъ [2]).

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ монографіи Велькера издано было изслѣдованіе А. Лобека Samothracia въ его замѣчательномъ трудѣ „Аглаофамъ“ [3]). Лобекъ разсмотрѣлъ въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія древнихъ авторовъ о Кавирахъ и о тѣхъ божествахъ, культъ которыхъ былъ соединенъ съ ними. Изложеніе свидѣтельствъ древнихъ авторовъ въ порядкѣ слѣдованія ихъ по времени представляетъ пріемъ, впервые приложенный Лобекомъ при изслѣдованіи культа Кавировъ. Съ такой полнотой какъ Лобекъ никто раньше его не прослѣдилъ извѣстій древнихъ авторовъ о Кавирахъ [1]). Лобекъ обратилъ особенное вниманіе на вопросъ, излагалось ли въ мистеріяхъ Кавировъ какое нибудь сокровенное ученіе и пришелъ къ отрицательнымъ результатамъ. Блестящее остроуміе Лобека, его вѣскіе доводы, приведенные въ доказательство основательности и вѣрности своей мысли, его громадная эрудиція оказали сильное вліяніе на труды позднѣйшихъ изслѣдователей культа Кавировъ. Можно сказать, что это вліяніе остается во всей своей силѣ и въ настоящее время.

Разногласія въ выводахъ тѣхъ ученыхъ, которые занимались изслѣдованіемъ культа Кавировъ, побудило нѣмецкаго ученаго I. Нейгайзера снова тщательно разсмотрѣть этотъ темный вопросъ въ области греческихъ религіозныхъ древностей. Это онъ сдѣлалъ въ монографіи „Кадмилъ или о культѣ и мистеріяхъ Кавировъ“ [2]). Нейгайзеръ тщательно прослѣдилъ свѣдѣнія, представляемыя древними авторами о Кавирахъ, разсмотрѣлъ обрядо-

---

краткое изложеніе тѣхъ мнѣній о нихъ, какія были высказаны по этому предмету раньше Штурца Асторіемъ, Реляндомъ и другими учеными. Авторъ не ставилъ своей задачей самостоятельно изслѣдовать данный вопросъ, и самъ прямо на это указываетъ: „quum igitur plane superfluum foret de re saepius dicta late disserere, missis fere veterum locis pauca quaedam ex illis scriptis (т. е. изъ сочиненій предшествовавшихъ писателей) collecta proponere constitui“.

[1]) Послѣдняя мысль была высказана раньше Велькера Гутберлетомъ и принята французскимъ ученымъ Фрерэ, а затѣмъ послѣдовательно проведена Т. В. Эмерикомъ-Давидомъ.

[2]) Краткій критическій разборъ этого труда Велькера сдѣланъ К. О. Миллеромъ въ его Kleine Schriften, II, 42 ff.

[3]) Ch. A. Lobeck, Aglaophamus, Regimont. 1829, p. 1109—1348.

[1]) Самъ Лобекъ характеризуетъ цѣль и задачи своего изслѣдованія въ слѣдующихъ словахъ: Itaque et in hoc loco et in omni fabulosae antiquitatis quaestione hoc unum egi, ut, quae a veteribus tradita essent, undique colligerem non tanquam arbiter, sed ut fidus interpres etc. Aglaoph. p. 1279. Характеристично его замѣчаніе о предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ культа Кавировъ: notum autem est omnibus, hoc saxum iam diu volvi nisu maximo, emolimento nullo, Aglaoph. p. 1281 sq.

[2]) J. Neuhäuser, Cadmilus sive de Cabirorum cultu ac mysteriis, Lips. 1857. См. стр. 2 слѣд.: Verum etiam recentiorum virorum, Hemsterhusii, Schellingii, Welckeri, Lobeckii, Muelleri, aliorum, qui ingenii et doctrinae lumine has tenebras illustrare conati sunt, tam discrepantes sunt sententiae, ut sine erroris periculo nullam earum amplecti possis, priusquam universam causam retractaveris.

вую сторону мистерій этихъ божествъ и проводившееся въ нихъ ученіе. Относительно происхожденія именъ Кавировъ онъ предложилъ производство ихъ изъ языка Пеласговъ [1]), объясняя ихъ значеніе при помощи санскритскихъ корней; на этомъ основаніи онъ сдѣлалъ выводъ, что такъ называемыя мистическія имена Кавировъ, сообщенныя Мнасеемъ, выражали понятіе о производительныхъ силахъ природы. Нельзя не замѣтить, что геніальный Лобекъ указалъ раньше Нейгайзера на эту черту, не прибѣгая къ санскритскому языку [2]). Такимъ образомъ мнѣніе Нейгайзера въ сущности не является новымъ. Нова только постановка вопроса.

Та глава, въ которой разсмотрѣна внутренняя сторона культа Кавировъ, по самостоятельности и оригинальности взглядовъ, представляетъ большой интересъ и значеніе [3]). Вообще трудъ Нейгайзера по тщательности изученія предмета, полнотѣ собраннаго имъ матеріала, глубинѣ и широтѣ его взглядовъ стоитъ выше большинства изслѣдованій, являвшихся раньше, чѣмъ Cadmilus, и можетъ быть поставленъ наравнѣ съ такимъ трудомъ, какъ Samothracia Лобека. Къ слабымъ сторонамъ „Кадмила“ принадлежитъ отсутствіе строгой объективности въ сужденіяхъ и недостатокъ локализаціи миѳовъ о Кавирахъ. Кромѣ того Нейгайзеръ обратилъ мало вниманія на тѣ божества, культъ которыхъ былъ соединенъ съ культомъ Кавировъ, и не коснулся вопроса о самоѳракійскихъ жрецахъ. Въ изложенномъ имъ ученіи о Кавирахъ, при большой отвлеченности, едва ли доступной большинству древнихъ грековъ [4]), нельзя не замѣтить односторонности и упущенія нѣкоторыхъ очень важныхъ чертъ въ представленіи о Кавирахъ [1]).

Шесть лѣтъ спустя послѣ изслѣдованія Нейгайзера вышелъ въ свѣтъ трудъ французскаго ученаго Ж. П. Россиньоля „Металлы въ древности“ [2]). Въ немъ Россиньоль очень подробно разбираетъ извѣстія древнихъ авторовъ о Кавирахъ. Цѣль своего труда авторъ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Il s'agit de montrer que, comme l'invention du blé et de la vigne, la decouverte des métaux servit de fondement à une institution de mystères“ [3]). Россиньоль съ гордостью смотритъ на эту мысль, какъ на открытіе, которое раньше никому не приходило въ голову [4]), но онъ упустилъ изъ виду, что эта мысль была проведена

---

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 52: Postremo, si omnem Cabirorum religionem ad Pelasgos Tyrsenos maxime pertinere et ab iis profectam esse non sine ratione contendimus, consequens videtur esse, ut ad eosdem auctores referenda etiam sint Cabirorum nomina. Мнѣніе объ установленіи культа Кавировъ въ Греціи тирренскими Пеласгами было высказано раньше Нейгейзера К. О. Миллеромъ въ Gesch. d. hellen. Stämme (Orchomenos), Bresl. 1820[1], S. 437 ff.

[2]) Lobeck, Aglaoph. p. 1284: .... sive totius naturae vires genitrices Cabirorum mysteriis inserere voluerimus.

[3]) Стр. 121 слѣд.

[4]) Эта черта отмѣчена была мимоходомъ Г. Крюгеромъ. Въ диссертаціи своей „Theologumena Pausaniae (Lips. 1860), p. 67, примѣч., онъ пишетъ: Nuperrime qui in arcana Samothracum sacra inquisivit (Neuhäuser), eum vix puto cuiquam esse persuasurum de veritate disputationis suae nimis artificiosae ultraque fontes longe progressae.

[1]) Критическій разборъ изслѣдованія Нейгайзера сдѣланъ Г. Д. Миллеромъ въ журналѣ Philologus XIV (1859), стр. 129—137. Миллеръ обратилъ болѣе вниманія на недостатки этого труда, чѣмъ на его достоинства. Общее сужденіе Миллера о трудѣ Нейгайзера высказано въ слѣдующихъ словахъ: Und in der That bietet zwar die vorliegende Schrift ein Gebäude, das von aussen her auf manche, die nicht genauer untersuchen, den Eindruck eines wohlconstruirten und haltbaren machen kann, aber bei höherer Besichtigung seine Zerbrechlichkeit auf jedem Punkte verräth (Philol. XIV, 130). Но это сужденіе, отличающееся крайней строгостью, не можетъ быть признано безпристрастнымъ и самому Миллеру пришлось согласиться съ нѣкоторыми мнѣніями Нейгайзера. Авторъ книги „Mythologie der griechischen Stämme“ могъ бы признать за Нейгайзеромъ всѣ его дѣйствительныя достоинства, не уменьшая этимъ своихъ научныхъ заслугъ.

[2]) J. P. Rossignol, Les métaux dans l'antiquité, Paris, 1863. Замѣчу кстати, что почти весь матеріалъ, которымъ пользуется Россиньоль, былъ уже раньше его собранъ Лобекомъ. Это, однако, не помѣшало автору во многихъ мѣстахъ выражаться о Лобекѣ съ крайнимъ недостаткомъ должнаго уваженія и назвать его плагіаторомъ.

[3]) Rossignol, l. c. p. 11.

[4]) Rossignol, l. c. p. 12: Jusqu'à présent, malgré son importance, ce problème, il y a lieu d'en être surpri, n'avait pas même été remarqué; pour nous, nous en avons fait l'objet principal de notre travail etc.

гораздо раньше его Ф. Велькеромъ и Х. Гейнеке[1]), хотя не въ такой рѣшительной формѣ. И въ этомъ преимущество Велькера и Гейнеке. Къ труду Россиньоля я буду имѣть случай еще обратиться въ своемъ изслѣдованіи, причемъ критически разсмотрю его выводы[2]).

Почти одновременно съ изслѣдованіемъ Нейгайзера о Кавирахъ шли археологическія изслѣдованія А. Конце на островахъ, посвященныхъ культу этихъ божествъ—Самоѳракіи, Лимносѣ и Имвросѣ. Эти изслѣдованія вызваны были сознаніемъ необходимости увеличить извѣстный до того времени матеріалъ по вопросу о Кавирахъ. Энергичному Конце удалось найти довольно значительное число надписей, барельефовъ и монетъ[3]).

---

[1]) Chr. Heinecke, Orchomenos und der Herrnstand der Kureten, Wernigerode, 1849. S., 94 ff. Ср. Статью Klenze, Versuch einer Darstellung der technischen und architektonischen Vereine und ihrer Wirksamkeit, Amalthea III (1825), 78 ff. Въ этой статьѣ Кленце проводитъ ту же мысль, какую Россиньоль полагаетъ краеугольнымъ камнемъ своего изслѣдованія.

[2]) Мысли, высказанныя Россиньолемъ о характеристическихъ чертахъ Кавировъ и объ основахъ происхожденія мистерій этихъ божествъ, приняты Дешармомъ въ его трудѣ „Миѳологія древней Греціи“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зависимость Дешарма отъ Россиньоля доходитъ до почти буквальнаго повторенія словъ послѣдняго, хотя Дешармъ и не приводитъ соотвѣтствующихъ указаній на свой источникъ. Сравн., напримѣръ, съ приведенными выше словами Россиньоля, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на происхожденіе культа Кавировъ, слѣдующія слова Дешарма: Considérés dans leur nature essentielle, les Cabires volcaniques, qui exercent leur action des profondeurs de l'océan ou des entrailles de la terre, devaient être des génies chthoniens: les métaux d'ailleurs qui ne se travaillent qu'au moyen du feu, les métaux que les Cabires passaient pour avoir mis en oeuvre les premiers, n'étaient-ils pas des productions du sol non moins merveileuses que le blé présent de Dèmèter, que la végétation printanière due à Perséphone, que la vigne, don de Dionysos? P. Decharme, Mythologie de la Grèce antique, Paris, 1886², p. 269.

[3]) Результаты археологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ Конце на Самоѳракіи, Лимносѣ и Имвросѣ, изложены въ его книгѣ Reise auf den Inseln des Thrakischen Meeres, Hannover, 1860.

Но этотъ матеріалъ пролилъ мало свѣта на культъ самоѳракійскихъ Кавировъ и не могъ служить основой для новыхъ важныхъ выводовъ, которые сколько нибудь измѣнили бы уже установившіеся по этому вопросу взгляды. Завѣтнымъ желаніемъ Конце было произвести раскопки на Самоѳракіи въ значительныхъ размѣрахъ[1]). Этому желанію суждено было осуществиться только

---

[1]) A. Conze, Reise, S. 73 f. Начало археологическихъ изслѣдованій на Самоѳракіи можно считать со времени путешествія на этотъ островъ Кириака Анконскаго въ концѣ 1444 г. Описаніе этого путешествія хранится въ Ватиканской библіотекѣ (n° 5250). Впервые оно напечатано съ незначительными пропусками у Конце, Archäol. Untersuch. I, 1. Послѣ Кириака Анконскаго прошло около 400 лѣтъ до того времени, какъ на Самоѳракію опять вступила нога археолога, поставившаго своей цѣлью произвести тамъ научныя изслѣдованія. Это былъ А. Рихтеръ. Результаты его археологическихъ изслѣдованій на Самоѳракіи напечатаны въ Wallfarten im Morgenlande von Artur Richter, herausgeg. von Ewers, Berl., 1822, S. 441 ff. Двадцать лѣтъ спустя нѣсколько надписей, найденныхъ на Самоѳракіи, было издано Кипертомъ въ Annalli dell'Inst. di corr. arch., 1842, p. 139 sqq. Въ 1855 г. появилось въ печати описаніе совмѣстнаго путешествія на Самоѳракію и на Имвросъ нѣмецкихъ ученыхъ Блау и Шлоттманна, которое эти ученые совершили въ 1854 году (помѣщено въ Berl. Monatsber. 1855, S. 601—36). Въ 1856 году вышло въ свѣтъ описаніе путешествія на Самоѳракію барона де Бера (Baron de Behr), помѣщенное въ его Recherches sur l'histoire des temps héroiques de la Grèce, Paris, 1856, p. 213 sqq. О путешествіи А. Конце,, которое совершено было въ 1857 году, уже сказано въ текстѣ. Въ 1863 г. французскій вице-консулъ Шампуазо (Champoiseau) предпринялъ на Самоѳракіи незначительныя раскопки, не принесшія особенно важныхъ результатовъ. Однимъ изъ археологическихъ пріобрѣтеній во время этихъ раскопокъ была статуя Ники, сдѣланная въ честь побѣды Димитрія Поліоркита при Саламинѣ на Кипрѣ въ 306 г. до Р. Х. Эта статуя хранится теперь въ Луврѣ, въ залѣ каріатидъ. Спустя три года послѣ этого, въ 1866 г., французское министерство народнаго просвѣщенія командировало для археологическихъ изслѣдованій на Самоѳракію двухъ ученыхъ, Ш. Густава Девилля (Ch. Gustave Deville) и Е. Кокара (E. Coquart). Отчеты этихъ ученыхъ напечатаны въ Archives des missions scient. 2-e sér. IV, 253—278. Кромѣ того Кокаръ, послѣ смерти Девилля, помѣстилъ замѣтку о результатахъ этого путешествія въ

спустя около 16 лѣтъ. 30-го апрѣля 1873 года коммиссія австрійскихъ ученыхъ, состоявшая изъ А. Конце, А. Гаузера и Г. Ниманна, вступила на тотъ островъ, гдѣ совершались нѣкогда мистеріи въ честь Кавировъ. Немедленно были предприняты раскопки на мѣстѣ святилища Кавировъ. Раскопки эти продолжались до 12-го іюня того же года. Но этимъ дѣло изслѣдованія остатковъ древности на Самоѳракіи не окончилось. Спустя два года новая коммиссія австрійскихъ ученыхъ съ тѣмъ же Конце во главѣ отправилась опять на Самоѳракію и произвела тамъ дальнѣйшія раскопки, продолжавшіяся почти мѣсяцъ (отъ 24 августа до 21 сентября 1875 года). Результаты этихъ двухъ археологическихъ экскурсій изложены въ роскошныхъ изданіяхъ Archäologische Untersuchungen auf Samothrake von A. Conze, A. Hauser, G. Niemann, Wien, 1875 и Neue arch. Untersuch. auf Samothr. von A. Conze, A. Hauser, O. Benndorf, Wien, 1880 [1]).

Эти раскопки пролили свѣтъ на внѣшнюю сторону культа Кавировъ. Онѣ дали возможность составить представленіе о красотѣ и грандіозности тѣхъ зданій, въ которыхъ совершалось служеніе Кавирамъ. Благодаря этимъ раскопкамъ найдено значительное число надписей, при помощи которыхъ впервые оказа-

---

Revue archéol. I (1874), p. 22 sqq. Замѣтка эта была вызвана, по словамъ Кокара, тѣмъ обстоятельствомъ, что австрійскіе ученые, предпринимавшіе въ то время экскурсію на Самоѳракію, игнорировали изслѣдованія Е. Девилля и Кокара. Въ отвѣтъ на это было помѣщено въ томъ же журналѣ на стр. 200 возраженіе А. Конце, въ которомъ онъ указалъ, что австрійскіе ученые отнеслись съ надлежащимъ вниманіемъ къ изслѣдованіямъ французскихъ археологовъ. За всѣми этими путешествіями послѣдовали археологическія разысканія на Самоѳракіи, произведенныя по распоряженію и на средства австрійскаго правительства. О нихъ въ текстѣ.

[1]) Подробное изложеніе результатовъ археологическихъ раскопокъ австрійскихъ ученыхъ на Самоѳракіи находится въ статьѣ H. de Geymuller, Samothrace, Compte rendu des deux volumes sur les missions archéologiques Autrichiennes en 1873 et 1875, Paris, 1882. Я не излагаю здѣсь результатовъ этихъ изслѣдованій въ подробности, такъ какъ безъ плановъ многое было бы неясно, а приложить къ своей книгѣ планы я не нахожу возможнымъ.

лось возможнымъ въ точности опредѣлить то время года, когда совершались торжества въ честь Кавировъ. Изъ нихъ узнаемъ мы о различныхъ внѣшнихъ чертахъ культа Кавировъ, о которыхъ рѣчь будетъ впослѣдствіи. Но какъ ни значительны результаты археологическихъ раскопокъ на Самоѳракіи, произведенныхъ на средства австрійскаго правительства, все таки они не внесли ничего новаго въ область у ч е н і я о Кавирахъ, не раскрыли тѣхъ покрововъ, какими была скрыта отъ взоровъ изслѣдователей внутренняя сторона ихъ культа. Но этого и нельзя было ожидать.

Немного спустя со времени изданія „Археологическихъ разысканій на Самоѳракіи“ появилось изслѣдованіе Ф. Ленорман а „Cabiri“. Эта монографія, назначенная для „Словаря древностей“ Дарамберга-Сальо, имѣетъ важное значеніе и по богатству собраннаго въ ней матеріала, и по его тщательной обработкѣ. Ленорманъ старательно сгруппировалъ все, что было извѣстно о Кавирахъ до времени выхода въ свѣтъ его монографіи. По полнотѣ собраннаго матеріала изслѣдованіе Ленормана о Кавирахъ превосходитъ все, что было издано раньше его по данному предмету, но обработка этого матеріала не вполнѣ тщательна. Ленорманъ не разсмотрѣлъ критически вопроса о происхожденіи культа Кавировъ въ Греціи. Его мнѣніе о заимствованіи этого культа изъ Азіи высказано безъ разбора противорѣчивыхъ взглядовъ [1]). Кромѣ того Ленорманъ не прослѣдилъ тѣхъ видоизмѣненій, какимъ подвергалось ученіе о Кавирахъ въ различныхъ областяхъ Греціи, подъ вліяніемъ тѣхъ культовъ, съ какими приходилось ему сталкиваться,—вслѣдствіе этого представленный имъ очеркъ ученія древнихъ грековъ о Кавирахъ лишенъ твердой почвы и во многихъ чертахъ не соотвѣтствуетъ древнимъ извѣстіямъ о немъ. Наконецъ, однимъ изъ недостатковъ монографіи Ленормана является отрицательное отношеніе къ проводившемуся въ мистеріяхъ Кавировъ ученію, совершенно не похожее на отрицательное отношеніе Лобека, которое представляетъ результатъ строгой критики фактовъ.

---

[1]) Относительно мѣста происхожденія культа Кавировъ Ленорманъ пишетъ: nous tendons à rapporter l'origine des Cabires à l'Asie

Почти одновременно съ изслѣдованіемъ Ф. Ленормана явилась статья О. Крузіуса „Kabiren“, помѣщенная въ 32 томѣ энциклопедіи Ерша-Грубера, вышедшемъ въ 1882 году [1]). Изложеніе предмета въ этой статьѣ отличается сжатостью, вслѣдствіе чего возникли нѣкоторые пробѣлы. Литературныя и эпиграфическія данныя не отличаются полнотой. Литература вопроса разсмотрѣна очень бѣгло. Такъ, Крузіусъ не воспользовался результатами раскопокъ на Самоѳракіи австрійской археологической коммиссіи. Относительно происхожденія именъ Ἀξίερος, Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα также разсмотрѣны только немногія, хотя и важнѣйшія мнѣнія. По вопросу о происхожденіи и послѣдовательномъ распространеніи культа Кавировъ въ Греціи Крузіусъ, держась мнѣнія К. О. Миллера, полагаетъ, что онъ впервые былъ установленъ въ Віотіи тирренскими Пеласгами и оттуда уже распространился на острова Эгейскаго моря. При сжатости и неполнотѣ разсмотрѣнія даннаго вопроса, статья Крузіуса отличается все таки большими достоинствами—точностью и осторожностью. Послѣдняя мѣстами доходитъ у него до крайности. Такъ, Крузіусъ считаетъ сомнительнымъ связь культа Екаты на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ, сомнѣвается въ принадлежности къ циклу праздниковъ, установленныхъ въ честь Кавировъ, того девятидневнаго праздника на Лимносѣ, о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія Филостратъ. Въ общемъ, новыми выводами эта статья не богата, но зато большой интересъ представляетъ другая работа того же ученаго, явившаяся четыре года спустя: „Beiträge zur griechischen Mythologie und Religionsgeschichte“ [2]). Въ ней Крузіусъ съ большой полнотой прослѣдилъ віотійскіе,

---

Mineure et en particulier à la religion de l'Ida. Daremb.—Saglio, Dictionn. p. 770.

[1]) Ersch-Gruber, Allgem. Encyclop. XXXII, 2, S. 19 ff. Статья Cabiri въ энциклопедіи A. Pauly представляетъ только изложеніе мнѣній о Кавирахъ Лобека, Крейцера, Шеллинга, Велькера и К. О. Миллера, поэтому я о ней не упоминаю въ текстѣ.

[2]) O. Crusius, Beiträge zur griech. Mythologie und Religionsgeschichte, Progr. der Thomasschule, Leipz. 1886.

имвросскіе, лимносскіе, самоѳракійскіе и македонскіе миѳы о Кавирахъ и указалъ на взаимную связь нѣкоторыхъ миѳовъ, которая до того времени совершенно не была замѣчена. Въ отношеніи къ вопросу о мѣстѣ происхожденія культа Кавировъ Крузіусъ и тутъ держится высказаннаго имъ раньше мнѣнія, согласнаго съ мнѣніемъ К. О. Миллера, а касательно происхожденія именъ Кавировъ онъ становится на сторону поборниковъ ихъ семитическаго происхожденія. Таковы главныя, характерныя черты этой интересной и важной монографіи.

Въ концѣ 1887 года германскій археологическій институтъ началъ производить раскопки на мѣстѣ святилища Кавировъ, находившагося въ разстояніи 1 ½ часа ходьбы отъ Ѳивъ [1]). Эти раскопки, прерванныя вслѣдствіе дурной погоды въ январѣ 1888 года, вновь были начаты въ апрѣлѣ того же года. Раскопки обнаружили существованіе въ этомъ мѣстѣ трехъ храмовъ, которые были построены въ различныя времена одинъ на другомъ. В. Дерпфельдъ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представилъ ему матеріалъ этихъ построекъ, способъ кладки и соединенія камней, высказалъ мнѣніе, что древнѣйшій изъ этихъ храмовъ относится къ VI или V вѣку до Р. Х. Другой храмъ, построенный непосредственно надъ первымъ, воздвигнутъ, по мнѣнію Дерпфельда, въ македонскую эпоху. Очень правдоподобно мнѣніе Дерпфельда, что этотъ храмъ былъ выстроенъ на мѣстѣ святилища Кавировъ, разрушеннаго въ 355 году, когда македонскія войска наводнили Віотію, предавая все огню и мечу. Третій храмъ, по мнѣ-

---

[1]) Поводомъ къ началу производства раскопокъ въ этомъ мѣстѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Аѳинахъ начали появляться въ продажѣ у торговцевъ древностями бронзовыя статуэтки, представлявшія коровъ, съ надписью ἱερὸν Καβίρων. Вѣсть объ этомъ дошла до главнаго инспектора древностей П. Каввадія. По разспросамъ оказалось, что эти статуэтки были находимы вблизи Ѳивъ. Каввадій въ сопровожденіи Дерпфельда отправился на это мѣсто. Такимъ образомъ былъ найденъ древній Кавирій и германскій археологическій институтъ взялъ на себя расходы по найму работниковъ для ѳивскихъ раскопокъ. См. Berlin. Wochenschr. 1888, S. 66.

нію Дерпфельда, принадлежитъ ко временамъ римскаго владычества надъ Греціей. О существованіи въ этомъ мѣстѣ святилища Кавировъ говоритъ Павсаній. Раскопки подтвердили справедливость его словъ.

Кромѣ того произведенныя въ святилищѣ Кавировъ раскопки дали значительное количество вазъ съ различными изображеніями, терракотъ, бронзовыхъ и глиняныхъ цилиндровъ конусообразной формы, въ которыхъ Виннефельдъ признаетъ волчки, назначенные въ даръ ребенку-Кавиру, и другихъ предметовъ [1]). Эти остатки древности имѣютъ важное значеніе для изслѣдованія культа Кавировъ. Находящіяся на вазахъ изображенія и надписи бросаютъ свѣтъ на нѣкоторыя бывшія до того времени неизвѣстными стороны культа Кавировъ въ Віотіи, пополняя въ значительной степени то, о чемъ говорятъ древніе авторы. О значеніи керамическихъ изображеній на сосудахъ изъ святилища віотійскихъ Кавировъ будетъ рѣчь впереди при разсмотрѣніи культа этихъ божествъ въ Віотіи.

Вотъ главнѣйшія изслѣдованія и археологическія открытія, касающіяся культа Кавировъ [2]). Изъ очерка характеристическихъ

---

[1]) Cf. Mittheil. Athen. XIII (1888), 412 ff. XV (1890), 355—419. Berliner philolog. Wochenschrift, 1888, S. 1483. На русскомъ языкѣ есть замѣтка объ этихъ раскопкахъ А. Н. Щукарева, Зап. И. Р. Арх. Общества, III (1888), 466.

[2]) Въ этомъ очеркѣ я не касался тѣхъ работъ, которыя не посвящены данному вопросу спеціально, а представляютъ только между прочимъ замѣтки и о культѣ Кавировъ; не касался также и изслѣдованій хотя и спеціальныхъ, но лишенныхъ оригинальности, самостоятельности, представляющихъ только повтореніе сказаннаго раньше. Не упоминалъ я и о работахъ, хотя посвященныхъ изслѣдованію Самоѳракіи, но содержащихъ не исторію культа самоѳракійскихъ Кавировъ, а исторію острова Самоѳракіи. Такова работа Бенедикта Бендтсена „Самоѳракія“ (B. Bendsen, Samothracia, Miscellanea Hafn. Ed. Fr. Münter, Hafniae, 1818, I (1824), p. 91—138). Но для полноты обозрѣнія литературы вопроса считаю не лишнимъ привести пропущенныя въ текстѣ сочиненія, имѣющія отношеніе къ культу Кавировъ.

чертъ важнѣйшихъ работъ по этому вопросу видно, что общее согласіе относительно мѣста происхожденія культа Кавировъ, происхожденія и значенія ихъ именъ не установлено. И теперь остается во всей силѣ тотъ мотивъ, которымъ вызвано было изслѣдованіе Нейгайзера, и будетъ онъ вызывать къ изслѣдованію даннаго вопроса еще не одну силу.

---

* J. Foy Vaillant, De diis Cabiris, Paris, 1715.

Звѣздочкой отмѣчены тѣ сочиненія, которыхъ мнѣ не удалось достать въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ С.-Петербурга, Вѣны, Берлина и Парижа (національная библіотека).

T. Hemsterhusius, Luciani opera, Amstel. 1743 (II, p. 303 sq.). Замѣтка Гемстергузія, въ которой онъ касается главнымъ образомъ связи Діоскуровъ съ Кавирами, перепечатана въ болѣе доступномъ изданіи Luciani opera, Ed. Jo. Theofilus Lehmann, Lips. 1822, II, 388—402.

Finn Magnusen, Eddalaeren og dens Oprindelse, Kjöbenhavn, 1824—26. О Кавирахъ въ этомъ сочиненіи говорится въ II томѣ, 39—49. Замѣтка эта посвящена сравнительному изученію культа Кавировъ. Авторъ сопоставляетъ ихъ съ финикійскими и индійскими божествами, имѣвшими сходныя черты, а также со скандинавскими Кобальдами.

C. A. Böttiger, Jdeen zur Kunst-Mythologie, Dresd.—Leipz. 1826. О Кавирахъ на стр. 394—404. Беттигеръ полагалъ, что культъ Кавировъ внесенъ въ Грецію изъ Финикіи, что Кавировъ было первоначально два (es komen ursprünglich nur zwei Cabiren aus Phönizien nach Samothrakien, S. 395), что эти божества были солнце и луна (ibid. S. 399).

Haupt, De religione Cabiriaca (Progr. des Gymnas. zu Königsb. in der Neumark, Königsb. 1834). Продолженіе этой статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ помѣщено въ Zeitschr. für die Alterthumswiss. Giessen, 1834, S. 1162—1176. Несмотря на самоувѣренность автора, высказанную имъ въ началѣ своего изслѣдованія, этотъ трудъ лишенъ оригинальности, не представляетъ полноты матеріала и полноты обозрѣнія даннаго вопроса. Среди своеобразныхъ взглядовъ автора нельзя не отмѣтить его утвержденія, что культъ Кавировъ былъ установленъ раньше временъ Омира (Progr. S. 16). По вопросу о происхожденіи культа Кавировъ въ Греціи Гауптъ держался теоріи семитической.

T. B. Émériс-David, Vulcain, recherches sur ce dieu, sur son culte, Paris 1838. О Кавирахъ на стр. 70—94. Авторъ недоста-

ГЛАВА II.

Время установленія культа Кавировъ въ Греціи и мѣсто его происхожденія.

Мнѣнія древнихъ по этимъ вопросамъ. Мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ. Три главныхъ направленія по вопросу о происхожденіи именъ Кавировъ. Цоега. Фрерэ. Велькеръ. Вейске. Нейгайзеръ. К. О. Миллеръ. Асторій и Гутберлетъ. Бохартъ. Шеллингъ. Крузіусъ.

Въ преданіяхъ древнихъ Грековъ время установленія культа Кавировъ въ Елладѣ представляется предшествовавшимъ походу Аргонавтовъ въ Колхиду и троянской войнѣ. Герои похода въ Колхиду и герои троянской войны принимаютъ, по этимъ сказаніямъ, посвященіе въ мистеріи Кавировъ на Самоѳракіи. Вліяніе этихъ сказаній, какъ увидимъ ниже, отразилось на обрядахъ культа Ка-

---

точно ознакомился съ источниками культа Кавировъ и съ литературой по этому вопросу. Его взгляды лишены поэтому научнаго значенія.

R. Klausen, Aeneas und die Penaten, Hamb. 1839. О самоѳракійскихъ божествахъ на стр. 326—342. Эта замѣтка имѣетъ нѣкоторое значеніе для изученія культа Кавировъ сравнительно съ культомъ сходныхъ съ ними римскихъ божествъ.

* J. Kenrick, The Egypt of Herodotus, Lond. 1841, p. 264—287.

* Rathgeber, Beschreibung und Auslegung der geflügelten Gestalten, Gotha, 1854 (Schriften, II Liefer.).

W. Furtwängler, Die Idee des Todes, Freib. 1855. О Кавирахъ на стр. 377—387.

G. d'Orget, Les Cabires et la Vénus mutilée, Revue Britannique, 1880, I p. 435—478. Статья эта совершенно ненаучнаго характера.

Отдѣльныя замѣтки о Кавирахъ незначительнаго размѣра будутъ указаны въ примѣчаніяхъ въ своемъ мѣстѣ.

Кромѣ того разсужденія о культѣ Кавировъ можно найти во всѣхъ тѣхъ трудахъ Крейцера, Германна, Велькера, Гергарда, Ринка, Преллера, Дешарма и другихъ ученыхъ, которые посвящены подробному обозрѣнію миѳологіи древнихъ Грековъ. Указывать на нихъ я нахожу совершенно излишнимъ вслѣдствіе ихъ общеизвѣстности.

вировъ, на его символикѣ и замѣтно даже въ памятникахъ искусства. Вслѣдствіе этого данные миѳы заслуживаютъ вниманія, какъ факты, указывающіе, каковы были взгляды древнихъ Грековъ на время установленія этого культа, но не даютъ, конечно, основанія сдѣлать выводъ, что мистеріи Кавировъ существовали уже во времена Омировскія. Едва ли основательно утверждать, что во время созданія Иліады и Одиссеи Грекамъ были уже извѣстны мистеріи Кавировъ[1]). О Кавирахъ не знаетъ не только Омиръ, но и Исіодъ. Древнѣйшія литературныя извѣстія о культѣ Кавировъ, изъ сохранившихся до настоящаго времени, принадлежатъ Ферекиду, Акусилаю[2]), Пиндару[3]) и Эсхилу[4]). Раскопки, произведенныя германскимъ археологическимъ Институтомъ въ віотійскомъ святилищѣ Кавировъ, указали, что храмъ Кавировъ былъ построенъ тамъ не раньше VI вѣка. Такимъ образомъ положительныя свѣдѣнія о существованіи культа Кавировъ въ Греціи не простираются далѣе VI-го вѣка до Р. Х. За этимъ предѣломъ открывается обширное поле для догадокъ, но онѣ совершенно безплодны тамъ, гдѣ нѣтъ несомнѣнныхъ фактовъ.

Разнорѣчивы и несогласны между собой сообщаемыя древними авторами свѣдѣнія о происхожденіи культа Кавировъ въ древней Греціи. Одни изъ нихъ свидѣтельствуютъ, что культъ этотъ былъ заимствованъ Греками отъ Пеласговъ[5]), другіе увѣряютъ, что онъ принесенъ изъ Фригіи[6]). Крайне неопредѣленны и относятся исключительно къ позднѣйшимъ временамъ представляемыя

---

[1]) Въ послѣднее время О. Группе высказалъ мысль, что основы мистерій Кавировъ существовали въ Греціи еще до Омира. См. O. Gruppe, De Cadmi fabula (Wissensch. Beil. zum Progr. des Askanischen Gymnas. zu Berl. Ostern 1891), p. 26.

[2]) Strab. X, 472.

[3]) Origen. (Hippol.), Philosoph. p. 97, E. Miller.

[4]) TGF, Aesch. fr. 94—97, Nauck[2].

[5]) Herod. II, 51. Dionys. Hal. AR. II, 22: ὅσα δὲ παρὰ Τυρρηνοῖς καὶ ἔτι πρότερον παρὰ Πελασγοῖς ἐτέλουν ἐπί τε Κουρήτων καὶ μεγάλων θεῶν ὀργιασμοῖς οἱ καλούμενοι πρὸς αὐτῶν Κάδωλοι κτέ.

[6]) Strab. X, 470.

древними авторами объясненія значенія и происхожденія самого имени Κάβειροι. Стравонъ въ томъ отдѣлѣ своего труда, гдѣ онъ касается греческой религіи, пишетъ: τῷ δ'αὐλῷ καὶ κτύπῳ κροτάλων τε καὶ κυμβάλων καὶ τυμπάνων καὶ ταῖς ἐπιβοήσεσι καὶ εὐασμοῖς καὶ ποδοκρουστίαις οἰκεῖα ἐξεύροντο καί τινα τῶν ὀνομάτων, ἃ τοὺς προπόλους καὶ χορευτὰς καί θεραπευτὰς τῶν ἱερῶν ἐκάλουν, Καβείρους καὶ Κορύβαντας καὶ Πᾶνας καὶ Σατύρους καὶ Τιτύρους κτέ [1]). Тутъ замѣтна попытка объяснить происхожденіе имени Κάβειροι на почвѣ греческаго языка, но, къ сожалѣнію, слова Стравона отличаются крайней неопредѣленностью. Невозможно рѣшить, принимаетъ ли онъ производство его отъ какихъ нибудь звукоподражательныхъ словъ, или отъ припѣвовъ, которыми величали Кавировъ. При томъ даже если бы Стравонъ выразился въ этомъ мѣстѣ опредѣленнѣе, то едва ли возможно было бы придавать его словопроизводству какое-нибудь значеніе, такъ какъ и самъ онъ не настаиваетъ на немъ, а нѣсколько далѣе приводитъ мнѣніе Димитрія скипсійскаго, что Кавиры названы такъ отъ горы Кавира въ Верекинтіи, не замѣчая при этомъ, чтобы это словопроизводство по значенію уступало первому [2]). Со словами Димитрія скипсійскаго согласны свидѣтельства о происхожденіи имени Кавировъ Аѳиникона [3]) и Большаго Этимологика [4]), почерпнутыя, очевидно, изъ общаго источника. Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ тотъ важный выводъ, что производство имени Κάβειροι на чисто греческой почвѣ не встрѣчало общаго признанія среди древнихъ Грековъ. Нельзя не отмѣтить и того обстоятельства, что мнѣніе объ иноземномъ происхожденіи этого слова высказано такимъ древнимъ, сравнительно, писателемъ, какъ Димитрій скипсійскій.

Воздерживаясь здѣсь отъ сужденія относительно производ-

[1]) Strab. X, 470.

[2]) Strab. X, 472: καλεῖσθαι δέ φησιν αὐτοὺς ἐκεῖνος [ὁ Σκήψιος] ἀπὸ τοῦ ὄρους τοῦ ἐν τῇ Βερεκυντίᾳ Καβείρου.

[3]) FHG IV, 345: Καβείρους δὲ ὀνομασθῆναι ἀπὸ Καβείρου ὄρους ἐν Φρυγίᾳ κτέ.

[4]) Etym. M. v. Κάβειροι.

ства имени „Κάβειροι" и сообщаемыхъ Мнасеемъ ихъ „мистическихъ" именъ (Ἄξίερος, Ἀξιόκερσος, Ἀξιόκερσα), такъ какъ основы нашего сужденія были бы теперь еще не ясны, перейдемъ отъ этихъ указаній древности къ мнѣніямъ западно-европейскихъ ученыхъ по вопросу о происхожденіи данныхъ именъ. Мнѣнія эти раздѣляются на три категоріи. Одни ученые являются поборниками происхожденія именъ Кавировъ изъ египетскихъ корней, другіе, болѣе значительные по числу, производятъ ихъ на чисто греческой почвѣ и, наконецъ, преобладающее большинство настаиваетъ на производствѣ этихъ именъ изъ языковъ семитическихъ. Такъ какъ въ тѣсной связи съ происхожденіемъ именъ Кавировъ стоитъ вопросъ о происхожденіи самого культа, такъ какъ эти вопросы неотдѣлимы одинъ отъ другого, то критическое разсмотрѣніе мнѣній о нихъ имѣетъ очень важное значеніе.

Почти одинокимъ стоитъ мнѣніе о происхожденіи имени и культа Кавировъ отъ Египтянъ. Его высказалъ Цоега [1]). Мнѣніе Цоеги принято очень немногими учеными. Предположеніе о происхожденіи именъ Кавировъ изъ египетскаго языка основано на очень шаткихъ данныхъ, на случайномъ звуковомъ сходствѣ. Слова, созвучныя этимъ именамъ, можно найти во множествѣ различныхъ языковъ. Для установленія факта заимствованія необходимы болѣе прочныя основы, чѣмъ одно только звуковое сходство именъ, необходимо сходство въ ученіи, въ представленіяхъ о данныхъ божествахъ и сходство въ обрядахъ ихъ культа. Въ представленіяхъ о нѣкоторыхъ египетскихъ божествахъ, дѣйствительно, есть сходныя черты съ Кавирами, но такъ какъ сходство это замѣчается преимущественно въ македонскомъ, позднѣйшемъ культѣ Кавировъ, и очень слабо въ древнѣйшихъ миѳахъ самоѳракійскихъ, ли мнос-

[1]) G. Zoega, De origine et usu obeliscorum, Romae, 1797, p. 220. На основаніи смысла созвучныхъ египетскихъ словъ Цоега установилъ слѣдующія значенія за именами Кавировъ: Ἄξίερος magnipotens, Ἀξιόκερσος magnus foecundator, Ἀξιόκερσα magna genitrix, sive demiurgus, coelum et terra, quorum progenies elementa, e quibus astra nata.

скихъ, имвросскихъ и віотійскихъ, то, при полномъ отсутствіи указаній на тотъ путь, которымъ прошелъ культъ Кавировъ изъ Египта въ Элладу, мнѣніе о заимствованіи Греками почитанія этихъ божествъ отъ Египтянъ лишено надлежащихъ основъ. Географическое положеніе тѣхъ областей Греціи, гдѣ процвѣталъ культъ Кавировъ, говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу мнѣнія о заимствованіи его изъ Египта. Это области и острова не ближайшія къ Египту, а отдаленныя отъ него. Почему бы не утвердиться этому культу на Кипрѣ, Критѣ, въ южной части Пелопоннеса, откуда ближе къ Египту, гдѣ вслѣдствіе большей близости пути и болѣе частыхъ сношеній Египтяне могли бы найти удобную и подготовленную почву, гдѣ у самихъ Грековъ естественно могло бы явиться желаніе поближе познакомиться съ тѣмъ ученіемъ, о которомъ имъ приходилось бы слышать отъ Египтянъ?

Если обратиться къ преданіямъ Грековъ, то и они прямо и косвенно говорятъ противъ заимствованія культа Кавировъ изъ Египта. Иродотъ указываетъ не на Египтянъ, а на Пеласговъ, какъ на тотъ народъ, отъ котораго Греки восприняли культъ Кавировъ [1]). Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ Греціи, гдѣ, по преданіямъ, были египетскія колоніи, не замѣтно никакихъ слѣдовъ культа Кавировъ. Не согласна съ предположеніемъ о заимствованіи этого культа отъ Египтянъ и обстановка его обрядовой стороны. Мистеріи Кавировъ совершались въ рощахъ [2]), а это не соотвѣтствуетъ природѣ бѣднаго растительностью Египта. Всѣ эти данныя указываютъ, что мнѣніе

---

[1]) Herod. II, 51.

[2]) Такъ, въ Віотіи храмъ Кавировъ былъ вблизи рощи, Paus. IX, 25, 5. Въ Аѳидонѣ храмъ этихъ божествъ находился въ густой рощѣ, Paus. IX, 22, 5. Въ рощѣ совершались мистеріи Кавировъ на Лимносѣ, Cic. N. D., I, 42. По всей вѣроятности, и на Самоѳракіи нѣкоторые обряды въ честь Кавировъ совершались среди рощъ. Баронъ де-Беръ нашелъ во время своихъ изслѣдованій на Самоѳракіи масличную рощу въ священномъ округѣ Кавировъ. Эти маслины онъ считаетъ восходящими къ глубокой древности, потомками тѣхъ маслинъ, которыя были свидѣтельницами мистерій Кавировъ. Bar. de Behr, Rech. sur l'hist., p. 223.

о заимствованіи Греками культа Кавировъ изъ Египта неосновательно.

Болѣе сторонниковъ имѣетъ мнѣніе о происхожденіи именъ Кавировъ, а, слѣдовательно, и самого ихъ культа, на греческой почвѣ, отъ греческихъ или пеласгическихъ корней. Впервые это мнѣніе было высказано французскимъ ученымъ Фрерэ. Сопоставивъ имена Кавировъ Ἀξίοκερσος и Ἀξιόκερσα съ глоссой Исихія κέρσαι—γαμῆσαι, онъ придаетъ первому имени значеніе le digne époux, второму la digne épouse. Что касается до Ἀξίερος, то, по мнѣнію Фрерэ, это имя представляетъ сравнительную степень прилагательнаго ἄξιος и значитъ le plus vénérable [1]). Мнѣніе Фрерэ принято было К. Миллеромъ [2]) и Ф. Велькеромъ [3]), да и теперь еще оно не утратило своего значенія и имѣетъ своихъ поборниковъ [4]). Это вполнѣ понятно, такъ какъ мнѣніе Фрерэ до настоящаго времени опровергалось очень слабо; противъ него не были выдвинуты факты изъ области ученія о Кавирахъ, которые противорѣчили бы ему, а только противополагались другія объясненія, другія мнѣнія, имѣющія за собой не болѣе данныхъ, чѣмъ

---

[1]) Mém. de l'Acad. des inscr. XXVII (1761), p. 17.

[2]) K. O. Müller, Geschichten hellen. Stämme, Breslau, 1844², S. 449.

[3]) Fr. Welcker, Griech. Götterlehr. I, 229. Велькеръ остановился на этомъ мнѣніи окончательно, но раньше, въ Aesch. Trilogie, S. 240 онъ высказалъ предположеніе, что Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα представляютъ аналогію съ ἔρσος и ἔρση (Cf. Gerhard, Hyperb.-Röm. Studien, I, 134; II, 209. Griech. Mythol. § 177, 5) подобно Κόρος и Κόρη (сравн. Preller, Griech. Mythol. I, 669).

[4]) См. F. Lenormant, Daremb.-Saglio, Diction. p. 760. Ленорманъ, соглашаясь съ соображеніями Фрерэ относительно производства именъ Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα, не находитъ возможнымъ принять Ἀξίερος за форму сравнительной степени имени прилагательнаго, какъ дѣлаетъ Фрерэ, но думаетъ, что это архаическая форма прилагательнаго въ положительной степени, имѣющая аналогію въ другихъ прилагательныхъ, оканчивающихся на ερος и ρος. По мнѣнію Ленормана, Ἀξίερος обозначаетъ la plus puissante et la plus vénérable des divinités cabiriques, en tant que la source de toutes les autres, Daremb.-Saglio, Diction. l. c.

взглядъ Фрерэ. Въ виду такихъ обстоятельствъ возникаетъ необходимость долѣе остановиться на предложенномъ Фрерэ производствѣ именъ Кавировъ и разсмотрѣть, согласно ли оно съ фактами изъ области культа этихъ божествъ.

Имя божества, несомнѣнно, должно обозначать одну изъ его существенныхъ чертъ, такихъ чертъ, которыя лежатъ въ основѣ представленія о немъ, характеризуютъ его и отличаютъ отъ другихъ божествъ. Это необходимое условіе совершенно не приложимо къ Аксіокерсу и Аксіокерсѣ, если придавать этимъ именамъ то значеніе, какое предлагаетъ Фрерэ. Если бы и вполнѣ справедливо было указаніе схолій къ Аполлонію Родосскому, что Аксіокерсъ и Аксіокерса соотвѣтствуютъ Плутону и Персефонѣ, этой соединенной брачными узами царственной четѣ подземнаго міра, то и въ такомъ случаѣ идея о „достойномъ бракѣ", какъ идеалѣ брачнаго союза, которую выдвигаетъ Фрерэ, слишкомъ слабо вязалась бы съ этими божествами. Едва ли можно найти въ греческой миѳологіи болѣе неудачный образъ брачнаго союза, чѣмъ союзъ Плутона и Персефоны, которая, по миѳу, періодически покидаетъ своего мужа. А въ символикѣ религіозной системы Кавировъ было бы напраснымъ трудомъ искать фактовъ, которые указывали бы, что идея о бракѣ двухъ Кавировъ была въ этой системѣ существенно важной и основной. Кавиры и на памятникахъ искусства, и на монетахъ являются не въ видѣ божественной четы, а обыкновенно или одинъ Кавиръ, или Кавиръ и его сынъ, но не жена, или три Кавира-мужчины. Эти данныя лишаютъ мнѣніе Фрерэ прочной основы, и какъ не согласное съ основными чертами и символикой ученія древнихъ Грековъ о Кавирахъ оно не можетъ быть принято[1]).

---

[1]) Какъ шатка основа, на которой Фрерэ построилъ свое объясненіе именъ Кавировъ, видно изъ того, что на той же глоссѣ Исихія основано совершенно иное объясненіе именъ Кавировъ, которое представилъ не такъ давно Штрубе. Въ полномъ видѣ у Исихія въ данномъ мѣстѣ читаемъ: κέρσαι· κόψαι, τεμεῖν, κεῖραι, γαμῆσαι. Штрубе, взявъ ближайшее слово κόψαι, ставитъ имена Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα въ связь съ этимъ значеніемъ слова κέρσαι. Указывая на вулканическую природу Кавировъ, онъ придаетъ этимъ именамъ значеніе: боги-кузнецы. Struhe, Studien zum Bilderkreis von Eleusis, S. 74. Но уже О. Крузіусъ замѣтилъ, что такое значеніе слова κόπτειν слишкомъ узко, да и образъ богини-кузнеца былъ бы крайне страннымъ и не находящимъ ничего аналогичнаго въ греческой миѳологіи. O. Crusius, Beitr. zur griech. Myth. S. 26, Anm. 2.

На той же почвѣ, т. е. на почвѣ греческаго языка, держался при объясненіи именъ Кавировъ Ф. Велькеръ. Κάβειρος, по его мнѣнію, происходитъ отъ κάειν, καίειν[1]). Такое производство стоитъ въ тѣсной связи съ теоріей Велькера, по которой Кавиры —божества огня, но довѣріе къ ней подрывается уже тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ основѣ представленія о Кавирахъ не было идеи объ огнѣ.

Относительно имени Κάδμιλος Велькеръ полагалъ, что оно происходитъ отъ греческой основы KAZΩ, отъ которой образуется форма κέκασμαι[2]).

Послѣ Фрерэ и Велькера новая попытка производства имени Кавировъ была сдѣлана Б. Вейске. Онъ высказалъ мысль, что Κάβειρος происходитъ отъ слова κάβη—ящикъ. Аналогичный словообразовательный суффиксъ онъ находитъ въ словахъ μάγ—ειρος, πέπ—ειρος и др., допуская происхожденіе этого суффикса отъ αἴρειν, такъ что Κάβειρος, по мнѣнію Вейске, значитъ ὁ αἴρων или ὁ ἀρνύμενος τὴν κάβην[3]).

Вейске ставитъ это имя въ связь съ миѳомъ о таинственномъ ящикѣ съ невѣдомымъ предметомъ, который Димитра ввѣрила на храненіе Кавирамъ по сообщаемому Павсаніемъ преданію[4]). Но нельзя не замѣтить, что миѳъ, на которомъ Вейске основываетъ свое предположеніе, не былъ распространенъ во всѣхъ тѣхъ мѣ-

---

[1]) F. G. Welcker, Die Aesch. Trilogie, S. 163. Мнѣніе Велькера было принято Л. Преллеромъ и Е. Гергардомъ.

[2]) F. G. Welcker, Ueber eine kretische Kolonie in Theben, Bonn, 1824. S. 22 ff.

[3]) B. G. Weiske, Prometheus und sein Mythenkreis, Leipz. 1842, S. 441.

[4]) Paus. IX, 25, 6.

стахъ, гдѣ были почитаемы Кавиры, а представляетъ собой только мѣстное віотійское сказаніе, между тѣмъ какъ названіе Κάβειροι обще всѣмъ Кавирамъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ установленъ ихъ культъ. Это обстоятельство заставляетъ сильно сомнѣваться въ основательности мнѣнія Вейске.

Что касается до отдѣльныхъ, сообщаемыхъ Мнасеемъ патарскимъ именъ Кавировъ, то, при объясненіи ихъ происхожденія на чисто греческой почвѣ, Вейске, исходя изъ той мысли, что Кавиры въ основѣ своей—божества аграрныя, производитъ Ἀξίερος отъ общей основы съ глаголомъ εἴρειν (связывать колосья въ снопы), а Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα сопоставляетъ съ глаголомъ κείρειν—жать. Относительно производства имени Κάδμιλος онъ вполнѣ соглашается съ Ф. Велькеромъ[1]).

Нельзя не замѣтить, что изъ числа всѣхъ производствъ именъ Кавировъ на греческой почвѣ мнѣніе Вейске, остававшееся совершенно незамѣченнымъ, болѣе другихъ соотвѣтствуетъ тѣмъ чертамъ, какія приписывались Кавирамъ, и болѣе другихъ находится въ согласіи со словами схоліаста къ Аполлонію родосскому, который отождествляетъ Аксіера и Аксіокерсу съ аграрными божествами Димитрой и Персефоной; но, удовлетворяя со стороны содержанія, это словопроизводство слабо въ формальномъ, этимологическомъ отношеніи, и поэтому не можетъ быть признано вѣрнымъ.

Разсмотрѣнныя нами производства именъ Кавировъ изъ греческаго языка не встрѣтили общаго признанія, и Нейгайзеръ выступилъ съ новой попыткой разъяснить ихъ значеніе и производство на почвѣ пеласгическаго языка, который онъ считаетъ древнегреческимъ[2]). Греческій корень καβ слова Κάβειρος, по мнѣнію Нейгайзера, происходитъ отъ санскритскаго корня s'vi (производить), а суффиксъ ειρος соотвѣтствуетъ санскритскому ira, который служитъ для образованія отъ глаголовъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ

[1]) Weiske, Prometheus, S. 445, Anm. 4.
[2]) Neuhäuser, Cadmilus, cf. p. 18, 57.

съ значеніемъ „производить или имѣть то, что выражается корнемъ“. Такимъ образомъ Κάβειροι, по мнѣнію Нейгайзера, значитъ оплодотворители, производители[1]).

Опредѣляя происхожденіе именъ Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα, Нейгайзеръ видитъ въ первой части ихъ основу прилагательнаго ἄξιος, а основа второй части этихъ словъ κερ происходитъ отъ санскритскаго корня cri, который встрѣчается въ греческомъ κραίνειν—производить, создавать. Отсюда Κέρσος и Κέρσα—боги производители, боги родители[2]).

Имя Ἀξίερος Нейгайзеръ производитъ отъ ἔρα, земля (ἔραζε), имѣющаго соотвѣтствующій корень въ санскритскомъ ri. Поэтому Ἀξίερος, по мнѣнію Нейгайзера, была Димитра, была мать-земля, подъ образомъ которой „древніе греки представляли первую (?) богиню, подобно тому, какъ высочайшаго бога представляли они въ образѣ неба“[3]).

Имя Κάδμιλος Нейгайзеръ производитъ отъ основы καδ, которой въ санскритскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ cad, имѣющая значеніе „быть озабоченнымъ, тревожиться“. Отъ этой основы, разсуждаетъ Нейгайзеръ, образуется посредствомъ суффикса μος имя Κάδμος (procuratio, administratio), а затѣмъ, при посредствѣ новаго суффикса ιλος, происходитъ Κάδμιλος, „qui κάδμον, qui procurationem et administrationem habet, procurator et praeminister deorum“[4]).

Таково въ главныхъ чертахъ мнѣніе Нейгайзера о происхожденіи именъ Кавировъ и, въ связи съ нимъ, объ ихъ значеніи, о тѣхъ представленіяхъ, какія составляли зерно, основную идею въ ученіи о Кавирахъ.

Этимологическое производство этихъ именъ искусственно

[1]) J. Neuhäuser, Cadmilus, p. 66 sq. Сравн. p. 69: Itaque Cabiri, ut eorum universam notionem, quatenus ex nominibus patet, paucis complectamur, sunt dii fecundatores ac generatores, a quibus omnia vitae et initia et incrementa profluunt etc.
[2]) Neuhäuser, ibid., p. 57 sq.
[3]) Neuhäuser, ibid., p. 59 sq.
[4]) Neuhäuser ibid. p. 61 sq.

и натянуто. Устанавливая тѣ понятія, какія на основаніи словопроизводства должны были соединиться съ именами Кавировъ, Нейгайзеръ мало справлялся съ тѣмъ, какъ дѣйствительно представляли Кавировъ древніе Греки, поэтому его образы вышли фикціями, несоотвѣтствующими дѣйствительности. Ни въ свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ, ни въ греческой символикѣ, заимствованной изъ культа Кавировъ, нѣтъ указаній на то, чтобы въ основѣ представленія о Кавирахъ лежала идея о производящей, рождающей высшей силѣ. Стоя на почвѣ словообразованій, на почвѣ этимологическихъ абстракцій, Нейгайзеръ не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на вѣрованія древнихъ Грековъ, которыя должны составлять главную основу при изслѣдованіи всякаго ихъ культа.

Производя имена Кавировъ изъ пеласгическаго языка, Нейгайзеръ, согласно съ мнѣніемъ Фрерэ и К. О. Миллера, признаетъ и самый культъ Кавировъ ведущимъ свое начало отъ Пеласговъ. Мнѣніе о пеласгическомъ происхожденіи культа Кавировъ, основанное на свидѣтельствахъ Иродота, Діодора сицилійскаго и Діонисія аликарнасскаго, такъ утвердилось въ наукѣ, находитъ и въ настоящее время такихъ серьезныхъ сторонниковъ, что возникаетъ необходимость подвергнуть его тщательному разсмотрѣнію. Съ найбольшей полнотой и убѣдительностью мнѣніе о томъ, что культъ Кавировъ былъ племеннымъ культомъ Пеласговъ, проведено К. О. Миллеромъ[1]), а въ послѣднее время О. Крузіусомъ[2]). К. О. Миллеръ старался доказать, что тирренскіе Пеласги были носителями этого культа въ Греціи, что они-то и распространили его въ направленіи отъ запада къ востоку, двигаясь изъ Віотіи чрезъ Аттику на Самоѳракію, Лимносъ и Имвросъ. Въ доказательство справедливости своей мысли Миллеръ приводитъ

---

[1]) K. O. Müller, Prolegomena, S. 145 ff. Geschichten hell. Stämme², 118, 431 ff.

[2]) O. Crusius, Beiträge, S. 10: Dass der Kabirenkult von Haus aus den Pelasgern angehört, erscheint zweifellos. Cf. E. Hesselmayer, Die Pelasgerfrage, S. 45.

то обстоятельство, что ѳиванскій миѳъ о Кадмѣ и Армоніи соединенъ съ миѳами самоѳракійскими и что культъ Кавировъ замѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были тирренскіе Пеласги. Что касается до перваго довода, то онъ совершенно слабъ, такъ какъ миѳъ о Кадмѣ и Армоніи могъ быть соединенъ съ самоѳракійскимъ ученіемъ о Кавирахъ не при самомъ установленіи культа этихъ божествъ, а впослѣдствіи, при позднѣйшихъ сношеніяхъ жителей Віотіи съ Самоѳракійцами; притомъ миѳъ о Кадмѣ и Армоніи не поставленъ въ связь съ миѳами лимносскими и имвросскими, гдѣ, по словамъ Миллера, обитали тѣ же вышедшіе изъ Віотіи тирренскіе Пеласги. И этотъ фактъ не ускользнулъ отъ вниманія Миллера[1]), хотя онъ и не замѣтилъ, что это совершенно разрушаетъ всю силу его довода. Что касается до второго довода, до совпаденія мѣстъ пребыванія тирренскихъ Пеласговъ и мѣстъ установленія культа Кавировъ, то тутъ К. О. Миллеръ изъ области дѣйствительныхъ фактовъ перешелъ въ область миѳовъ и этими послѣдними старался освѣтить темный и загадочный вопросъ о происхожденіи культа Кавировъ въ Греціи. Правда, на сказанія о переселеніяхъ Пеласговъ изъ Віотіи въ Аттику, на Самоѳракію, Лимносъ и Имвросъ Миллеръ могъ еще смотрѣть, какъ на дѣйствительныя событія, но едва ли возможно такъ относиться къ этимъ сказаніямъ въ настоящее время, послѣ изслѣдованій по этому предмету Е. Мейера[2]). По справедливому мнѣнію Мейера, въ разсказѣ Иродота о переселеніи Пеласговъ мы стоимъ не на исторической, а на миѳической почвѣ. Сказанія о пребываніи Пеласговъ въ Аттикѣ не принадлежатъ къ мѣстнымъ, аттическимъ миѳамъ и не встрѣчаются у древнѣйшихъ поэтовъ при изложеніи первоначальной исторіи Аттики; они представляютъ позднѣйшій вымыселъ, совершенно превратно связанный со сказаніемъ о постройкѣ на аѳинскомъ акрополѣ пеларгической (аистовой)

---

[1]) K. O. Müller, Prolegomena, S. 146: Nun wurde Harmonia auch in Samothrake angebetet, und zwar, soviel wir wissen, nur noch in Samothrake.

[2]) E. Meyer, Die Pelasger in Attika und auf Lemnos, Philol. 1889, S. 466 ff.

стѣны, которую принимали за пеласгическую стѣну. А что касается до населявшихъ Самоѳракію, Лимносъ и Имвросъ Тирренцевъ, то Иродотъ, какъ вполнѣ вѣрно замѣтилъ Е. Мейеръ, обозначаетъ этимъ именемъ не Пеласговъ, а Этрусскова[1]); тирренскіе Пеласги представляютъ уже, очевидно, позднѣйшее измышленіе греческихъ историковъ. Вотъ главные выводы Е. Мейера. Эти выводы основаны на такихъ вѣскихъ данныхъ, подтверждены такими остроумными соображеніями, что игнорировать ихъ невозможно, хотя и можно не соглашаться съ Мейеромъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностяхъ. Послѣ этого всѣ доводы въ пользу того мнѣнія, что тирренскіе Пеласги были носителями культа Кавировъ въ Елладѣ, естественно, сводятся къ тому, что культъ Кавировъ былъ распространенъ въ Греціи Этрусскими, чего, конечно, не сталъ бы доказывать ни К. О. Миллеръ, ни его сторонники.

Но если бы даже оставить въ покоѣ тирренскихъ Пеласговъ и обратиться къ Пеласгамъ вообще, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно признать культъ Кавировъ культомъ, свойственнымъ исключительно этому племени. Если бы онъ дѣйствительно принадлежалъ Пеласгамъ, какъ утверждаетъ К. Миллеръ, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что этотъ культъ не встрѣчается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по преданіямъ грековъ, жили Пеласги? Чѣмъ объяснить, что въ Додонѣ, гдѣ особенно долго сохранялись преданія о Пеласгахъ, гдѣ почерпалъ свѣдѣнія о религіи Пеласговъ Иродотъ[2]), нѣтъ никакихъ слѣдовъ почитанія Кавировъ? Чѣмъ объяснить, что слѣдовъ этого культа нѣтъ въ Аргосѣ, въ Аркадіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, по сказаніямъ древнихъ Грековъ, находились поселенія Пеласговъ? Если бы Кавиры были дѣйствительно пеласгическими божествами, то, несомнѣнно, преданія Грековъ связывали бы культъ ихъ со всѣми мѣстами пеласгическихъ поселеній, а особенно съ Додоной. Въ ви-

[1]) E. Meyer, Philol. 1889, S. 483: Nun sind bei Herodot, wie schon erwähnt, Τυρσηνοί immer die Etrusker Italiens; andere Tyrsener kennt er überhaupt nicht.

[2]) Herod. II, 52.

ду этихъ фактовъ, а также въ виду того обстоятельства, что культъ Кавировъ распространялся по Греціи въ направленіи совершенно обратномъ представляемому древними авторами движенію Пеласговъ, распространялся съ востока на западъ, изъ Самоѳракіи чрезъ Аттику въ Віотію[1]), было бы ошибочно видѣть въ Пеласгахъ распространителей культа Кавировъ. Свидѣтельство Иродота о томъ, что Самоѳракійцы восприняли свои мистеріи отъ Пеласговъ, имѣетъ не болѣе достовѣрности, чѣмъ сообщаемое тутъ же свѣдѣніе, что эти Пеласги построили Πελαργικὸν τεῖχος въ Аѳинахъ. Едва ли преданіе о заимствованіи культа Кавировъ отъ Пеласговъ можетъ имѣть какое-нибудь другое происхожденіе, какъ несходство нѣкоторыхъ доктринъ, сообщаемыхъ въ ученіи о Кавирахъ, съ общепринятыми и общераспространенными вѣрованіями Эллиновъ. Память объ истинномъ происхожденіи этихъ доктринъ уже изгладилась ко времени Иродота, и самымъ естественнымъ, легко напрашивающимся объясненіемъ ихъ происхожденія было приписать установленіе ихъ тѣмъ обитателямъ Самоѳракіи негреческаго происхожденія, о которыхъ сохранилось болѣе свѣдѣній, болѣе разсказовъ и миѳовъ, чѣмъ о другихъ, а такими были Пеласги.

Обозрѣніе мнѣній тѣхъ ученыхъ, которые производили имена Кавировъ на чисто греческой почвѣ[2]), и тѣхъ, которые признавали, что культъ этихъ божествъ установленъ въ Греціи Пе-

[1]) Доказательства этой мысли будутъ приведены ниже, при обозрѣніи культа Кавировъ въ Віотіи.

[2]) Для полноты обзора этихъ мнѣній остается еще упомянуть о высказанной мимоходомъ догадкѣ Бендсена: an κυβερνᾶν ad Cabiros referendum? Miscell. Hafn. II (1824) p. 132. Какъ курьезъ, можетъ быть упомянутъ своеобразный взглядъ d'Orget: On a beaucoup disserté sur l'étymologie du nom des Kabires. Il est certain qu'ils étaient tous amphigyiés, estropiés de tous les membres, et qu'ils travaillaient avec leur estomac, c'est à dire qu'ils étaient gastrokheres. Karphos veut dire souffle et eiro tisser. Vulcain était en effet un ouvrier, qui travaillait avec son souffle... beire signifie la tête, qui tesse. Cette image, comme toutes celles du rite des Cabires, semble être empruntée à l'histoire naturelle du papillon ou psyché (!). Revue Britan. 18 80, (I), 455.

ласгами, приводитъ къ выводамъ отрицательнымъ. Эти словопроизводства оторваны отъ дѣйствительной почвы, даютъ понятія не оправдываемыя ученіемъ и символикой культа Кавировъ, или если они согласны съ этой стороной, то неправильны въ формальномъ отношеніи. А что касается до мнѣнія объ установленіи культа Кавировъ въ Греціи тирренскими Пеласгами, то оно основано на миѳическихъ, а не на историческихъ данныхъ. Перейдемъ къ третьему направленію—семитическому.

Уже первые изслѣдователи культа Кавировъ Асторій и Гутберлетъ стали на семитическую почву по вопросу о происхожденіи именъ Кавировъ. Асторій производилъ имя Κάβειροι отъ еврейскаго chaber, означающаго, по его мнѣнію, „чародѣй“; а извѣстно, замѣчаетъ этотъ ученый, что Кавиры были маги и чародѣи[1]). Того же мнѣнія былъ и Гутберлетъ[2]).

Къ числу поборниковъ производства именъ Кавировъ изъ семитическихъ корней принадлежалъ С. Бохартъ. По этому вопросу онъ пишетъ слѣдующее: Cabiri dii Phoenicum. Cabir magnus. Cabirorum nomina phoenicia: Axieros, Ceres-Achazi-eres, possessio mea terra. Axiokersos, Pluto, et Axiokersa, Proserpina... possessio mea mors. Casmillus, Cadmilus, Cadmelus-chadmel, minister dei, Mercurii nomen[3]). Нельзя не замѣтить, что предложенное Бохартомъ объясненіе значенія имени Κάβειροι остается непоколебленнымъ и въ настоящее время, и теперь оно принимается сторонниками финикійскаго происхожденія именъ этихъ божествъ, а значеніе именъ Аксіера, Аксіокерса и Аксіокерсы вполнѣ согласно съ тѣмъ параллелизмомъ, какой представляетъ при этихъ именахъ схоліастъ къ Аполлонію родосскому.

---

[1]) Poleni Suppl. II, 895: magos autem et incantatores extitisse Cabiros probatum est.

[2]) Poleni Suppl. II, 834.

[3]) S. Bochart, Opera omn. Lugd. 1692, I, 393. Cf. ibid. I, 395: Ἀξιόκερσος et Ἀξιόκερσα pro Plutone et Proserpina solum genere et terminatione differunt, et utriusque vocis prima pars iam explicata est. Axio enim idem quod axi vel achazi possessio mea. Quod superest kersa vel kersos fit ex hebraeo keres, quod pro excidio et morte sumitur.

Не смотря на эти достоинства словопроизводства Бохарта, Реляндъ нашелъ нужнымъ представить новую этимологію именъ Кавировъ, оставаясь все таки на почвѣ семитическихъ языковъ. Онъ сопоставилъ имя Κάβειροι съ еврейскимъ caḥar—coniunxit, sociavit; отсюда Кавиры, по Релянду, dii socii vel coniuncti[1]). Представляя такое производство этого имени, Реляндъ полемизируетъ противъ тѣхъ, которые дѣлали попытки производить его изъ другихъ языковъ[2]).

Ф. Шеллингъ въ своемъ изслѣдованіи о самоѳракійскихъ божествахъ, производя имена Кавировъ изъ семитическихъ корней, построилъ на основаніи значеній, соединявшихся съ ними у Финикіянъ, цѣлую религіозно-философскую систему. Въ имени Ἀξίερος Шеллингъ находитъ значеніе „голода, бѣдности“ и вытекающее отсюда значеніе томленія, исканія[3]). Въ именахъ другихъ Кавировъ Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα Шеллингъ усматриваетъ значеніе волшебства[4]). Имя Κάδμιλος, по Шеллингу, согласно съ другими учеными, означаетъ служителя боговъ[5]). Но, какъ будетъ ясно при дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія, установленныя Шеллингомъ общія понятія, соединявшіяся, по его мнѣнію, у Грековъ съ именами Кавировъ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ представленіямъ о нихъ, а это подрываетъ въ самой основѣ предложенное имъ производство этихъ именъ.

Затѣмъ мнѣніе о финикійскомъ происхожденіи именъ Кавировъ находитъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ[6]), все бо-

---

[1]) A. Relandus, Diss. miscell. I, 196. Cf. I, 198.

[2]) A. Relandus, ibid. I, 206.

[3]) F. Schelling, Ueber d. Gottheiten von Samothr. S. 11.

[4]) Schelling, ibid. S. 17.

[5]) Schelling, ibid. S. 20.

[6]) Къ поборникамъ семитическаго происхожденія именъ Кавировъ принадлежитъ Яблонскій (P. E. Jablonski, Pantheon aegypt. Francof. 1750—1752. Proleg. p. 60), Штурцъ (Pherec. fragm. p. 148 sq. ed. 2), Моверсъ (Die Phoenizier I, 516 f. 652, 654; Моверсъ видѣлъ прототипъ Кавировъ въ еврейскихъ терафимахъ), Ф. Мюнтеръ (Relig. der Karthager, 1821² S. 89 f.), В. Ринкъ (Die Relig. I, 107 ff; кромѣ того Ринкъ, ibid. I, 116 Anm. 2 приводитъ цѣлый рядъ именъ тѣхъ ученыхъ,

лѣе крѣпнетъ, и въ настоящее время оно можетъ быть признано господствующемъ въ наукѣ. О. Крузіусъ, которому принадлежитъ послѣднее по времени изслѣдованіе о культѣ Кавировъ, пишетъ: „Совершенно безъ всякихъ натяжекъ объясняется имя Кавиры изъ семитическихъ корней: kabirim—великіе, могучіе боги. Такое производство этого слова самымъ убѣдительнымъ образомъ подтверждается часто прилагающимся къ Кавирамъ эпитетомъ μεγάλοι θεοί и въ послѣднее время оно встрѣтило почти всеобщее одобреніе“ [1]..

Но тотъ доводъ, который, по мнѣнію Крузіуса, „самымъ убѣдительнымъ образомъ“ доказываетъ основательность производства имени Κάβειροι изъ финикійскаго языка, совершенно не подтверждаетъ его мысли. Кавиры являются въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ греческихъ авторовъ вовсе не великими богами. Въ трагедіи Эсхила Κάβειροι они играютъ роль несоотвѣтствующую великимъ богамъ. По Ферекиду и Акусилаю они произошли отъ низшихъ божествъ,—слѣдовательно и сами были низшими божествами. Величіе Кавировъ возросло только послѣ того, какъ возвысилось значеніе ихъ культа, а время славы и расцвѣта мистерій Кавировъ относится ко временамъ діадоховъ. Но и послѣ этого представленіе о Кавирахъ, какъ о низшихъ божествахъ, продолжало сохраняться. Стравонъ называетъ ихъ πρόπολοι [2]), а лексикографы—δαίμονες [3]). Что въ представленіи о Кавирахъ лежала

которые принимали происхожденіе именъ Кавировъ изъ финикійскаго языка), а изъ новѣйшихъ ученыхъ—Шеманнъ (Gr. Altert. I, 11, II, 386), Г. Д. Миллеръ (Myth. der griech. Stämme, I, 196), Л. Бенлевъ, (La Grèce avant les Grecs, Paris, 1877, p. 137), Бунзенъ (Aegyptens Stelle in d. Weltgesch. V, S. 314 ff. V, 251), Гутшмидъ (Beiträge zur Gesch. des Or. I, 92), Прейнеръ (Hestia—Vesta, p. 473). Сравн. O. Crusius, Beitr. S. 12, Anm. 3. Въ послѣднее время Е. Гессельмейеръ, Die Pelasgerfrage, Tüb. 1890, S. 45 f. О. Группе, Die griech. Culte, S. 169 и De Cadmi fabula (Wissensch. Beilage zum Programm d. Askanischen Gymnas. zu Berl.), Berl. 1891, S. 23.

[1]) O. Crusius, Beitr. S. 12.

[2]) Strab. X, p. 470.

[3]) Suid. v. Καβειρών.

черта служебная, это ясно видно изъ отождествленія ихъ съ божествами служебными—Куритами, Коривантами, Идейскими Дактилями и Тельхинами. Съ другой стороны, совершенно ошибочно считать эпитетъ μεγάλοι θεοί принадлежащимъ преимущественно Кавирамъ или выражающимъ какую-то особую ихъ черту. Не менѣе часто онъ прилагался къ Димитрѣ и Корѣ [1]). Встрѣчается онъ и въ приложеніи къ богинямъ Вендидѣ [2]), Лимнѣ [3]), Артемидѣ [4]) и къ Аполлону [5]). Интересно и важно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что эпитетъ „великій“ не встрѣчается въ приложеніи къ віотійскимъ Кавирамъ. Не смотря на множество найденныхъ въ віотійскомъ Кавиріи посвятительныхъ надписей Кавирамъ, нѣтъ въ числѣ ихъ ни одной, гдѣ было бы сказано „богу великому Кавиру“, а изъ дилосскихъ надписей, въ которыхъ упоминаются жрецы „великихъ боговъ Діоскуровъ-Кавировъ“, видно, что Греки не соединяли съ именемъ Κάβειροι представленія о великихъ богахъ, иначе въ данномъ случаѣ оказалась бы странная и ничѣмъ не вызываемая тавтологія въ формулѣ: θεῶν μεγάλων Διοσκούρων Καβείρων [6]).

Всѣ эти факты заставляютъ сомнѣваться въ происхожденіи имени Κάβειροι отъ финикійскаго kabirim и въ установленіи среди Грековъ культа этихъ божествъ Финикіянами. Сомнѣніе въ этомъ было высказано уже Лобекомъ [7]), а въ позднѣйшее время, за нѣсколько лѣтъ до появленія въ печати монографіи Крузіуса, оно повторено такими выдающимися учеными, какъ

[1]) Paus. IV, 1, 8; IV, 14, 1; IV, 16, 2; IV, 27, 6; IV, 33, 4 и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) Hesych. v. μεγάλη θεός.

[3]) Steph. Byz. v. Λῆμνος.

[4]) Conze, Reise auf der Insel Lesbos, S. 41.

[5]) Il. V, 434.

[6]) CIG n° 2296. Bull. de corr. hellén. VII, pp. 337, 339, 340 и проч.

[7]) Lobeck, Aglaoph. p. 1294, adn. l: Phoenices mercatores Samothraciam frequentasse creditu facile, sed punicarum religionum vestigia in mysteriis illis neque ego deprehendi, neque veteres animadvertisse video.

Конце, Бенндорфъ[1]) и Ленорманъ. Послѣдній въ своемъ изслѣдованіи о Кавирахъ пишетъ: „Не смотря на созвучіе именъ, финикійскіе Кавиры такъ отличаются числомъ, существеннымъ характеромъ, значеніемъ и аттрибутами отъ Кавировъ пеласгическихъ, что невозможно согласиться съ тѣми учеными, которые настаивали на мысли объ ихъ дѣйствительномъ тожествѣ и старались возвести боговъ Самоѳракіи къ финикійскому источнику[2])".

Ниже въ отдѣльной главѣ нашего изслѣдованія будутъ разсмотрѣны тѣ финикійскія божества, которыя представляли сходство съ Кавирами. Здѣсь замѣтимъ, что финикійское названіе божествъ, соотвѣтствовавшихъ греческимъ Кавирамъ, было вовсе не Кавиры и что число ихъ не соотвѣтствовало греческимъ Кавирамъ ни въ самоѳракійской, ни въ віотійской, ни въ какой другой системѣ. Наконецъ, чѣмъ объяснить то обстоятельство, что слѣдовъ культа Кавировъ не замѣтно тамъ, гдѣ несомнѣнно были финикійскія колоніи, напр., въ Аѳинахъ, въ Мегарахъ, на Саламинѣ, на островѣ Паросѣ, на Родосѣ, если Финикіяне дѣйствительно насадили въ Греціи этотъ культъ? Почему, напротивъ, онъ утвердился съ особой силой на томъ островѣ, гдѣ греческія преданія не помѣщаютъ Финикіянъ? Можно ли въ виду всѣхъ этихъ фактовъ утверждать о происхожденіи культа Кавировъ изъ Финикіи на основаніи звуковаго сходства ихъ именъ съ финикійскими словами и сходства нѣкоторыхъ чертъ ихъ съ божествами Финикіянъ? Едва ли по какому-нибудь другому вопросу изъ области греческихъ религіозныхъ вѣрованій можно встрѣтить такое множество созвучныхъ именъ въ языкахъ различныхъ народовъ, даже такихъ, которые при учрежденіи культа Кавировъ въ Греціи были совершенно невѣдомы Грекамъ.

---

[1]) Conze-Hauser-Benndorf, Arch. Untersuch. II, 108: Dass der Cultus phönikischen Ursprungs sein könnte, ist durchaus unwahrscheinlich, selbst wenn die Herleitung des Namens Kabiren aus dem Phönikischen so sicher wäre, wie gemeinhin angenommen wird. Своего мнѣнія о томъ, откуда заимствованъ культъ Кавировъ, Конце-Бенндорфъ не высказываютъ.

[2]) Daremb.-Saglio, Diction. p. 772.

Пиктэ нашелъ ихъ не только въ кельтскихъ языкахъ, но даже въ славянскихъ нарѣчіяхъ[1]), а кто же станетъ доказывать, что культъ Кавировъ заимствованъ Греками отъ какого-нибудь славянскаго племени? Что касается до сходства нѣкоторыхъ чертъ Кавировъ финикійскихъ и греческихъ, то онѣ могли имѣть психологическое происхожденіе, могли возникнуть подъ воздѣйствіемъ тѣхъ духовныхъ факторовъ, общихъ Грекамъ и Финикіянамъ въ силу единства человѣческой природы, подъ вліяніемъ которыхъ создаются и развиваются религіозныя вѣрованія человѣчества. Гдѣ сходны производящія причины, тамъ сходны и тѣ явленія, которыя ими произведены. При разсмотрѣніи культовъ божествъ, представлявшихъ общія черты съ Кавирами, нельзя не замѣтить еще болѣе тѣснаго, близкаго сходства между Діоскурами-Кавирами и индійскими Асвинами, но говорить объ историческомъ заимствованіи греческихъ Кавировъ изъ Индіи было бы крайней неосторожностью, а тѣмъ болѣе неосторожно производить ихъ культъ въ Греціи непосредственно изъ Финикіи. Разсмотрѣніе взглядовъ различныхъ ученыхъ о происхожденіи культа Кавировъ изъ Египта и Финикіи и о заимствованіи его Греками отъ Пеласговъ приводитъ къ отрицательнымъ выводамъ. Факты заставляютъ отказаться отъ этихъ теорій и требуютъ искать новаго источника для объясненія происхожденія культа Кавировъ и ихъ именъ. Невозможно искать его и въ религіи Еллиновъ, такъ какъ они сами смотрѣли на культъ Кавировъ какъ на заимствованный, хотя ошибочно приписывали его основы то Фригійцамъ, то Пеласгамъ[2]). Сами Еллины не понимали ясно даже

---

[1]) A. Pictet, Du culte des Cabires chez les anciens Irlandais, Genève—Paris, 1824, p. 114: Il est curieux, que cette liaison (выше Пиктэ говорилъ о связи между металлургіей и магіей) se soit conservée aussi dans les langues celtiques et slaves, ou le mot, qui signifie forgeron, appartient évidement à la même racine que le nom de Cabire. См. ibid. p. 115, adnot. 1: En goëlique gobha, gobhardh, gobhain-un forgeron etc. en polonais kowal, bohemien kowarz, hongrais kovach.

[2]) Herod. II, 51. Мнѣніе о происхожденіи культа Кавировъ изъ Фригіи принято Дешармомъ, Mythologie, 1886², p. 268. Но вліяніе фригійскихъ религіозныхъ вѣрованій на культъ Кавировъ не можетъ быть при-

Госуд. ... с. Д. на Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

значенія именъ этихъ божествъ, для нихъ они были чужія. Это замѣтно въ той путаницѣ понятій, какая обнаруживается всякій разъ, когда приходится сличать разсказы о Кавирахъ нѣсколькихъ авторовъ, замѣтно въ сознаваемой схоліастомъ Аполлонія родосскаго необходимости пояснить значеніе именъ Ἀξίερος, Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα, перевести эти имена на другія, болѣе понятныя и родственныя Грекамъ. О возникновеніи культа Кавировъ на почвѣ негреческой свидѣтельствуютъ негреческія слова, сохранявшіяся при совершеніи религіозныхъ обрядовъ въ честь Кавировъ даже во времена Діодора сицилійскаго [1]). Всѣ эти факты такъ важны, что утверждать возникновеніе культа Кавировъ на чисто греческой почвѣ было бы явнымъ отступленіемъ отъ свидѣтельствъ древности.

Гдѣ же тотъ народъ, отъ котораго Греки позаимствовали культъ Кавировъ? Въ Самоѳракіи, колыбели культа Кавировъ, жили кромѣ Пеласговъ Ѳракійцы. Такъ какъ культъ этотъ не можетъ быть признанъ заимствованнымъ отъ Пеласговъ и Финикіянъ, какъ указано выше, то слѣдуетъ полагать, что основы

знано основнымъ потому, что оно не замѣчается во всѣхъ мѣстахъ культа Кавировъ. Если бы оно было внесено въ самыя основы этого культа при его учрежденіи, то, конечно, какъ неотдѣлимое звено сопровождало бы его вездѣ, куда бы онъ ни былъ заносимъ.

Для полноты обзора мнѣній о происхожденіи именъ Кавировъ остается упомянуть еще отдѣльные взгляды нѣкоторыхъ ученыхъ, оставшіеся совершенно одинокими, не признанными. Io. Зельденъ и Стефанъ монахъ производили имена Кавировъ изъ Арабскаго языка (Io. Selden, De dis Syris, p. 212. Stephanus Le moine, Epistola ad Cuperum de melanophoris, помѣщ. въ Gisb. Cuperi Harpocrates, Traiecti, 1687, p. 266), Io. Garope Becanus—отъ бельгійскаго слова cavveren, qui cavent et defendunt, Hermathena p. 167; Hieroglyph. p. 256 (Цитата заимствована изъ P. Burger, Dissert. de diis clavigeris, Altorfii, 1728, p. 19). O. Caspari, Die Urgesch. der Menschheit, Leipz. 1877, II, 218 производитъ имя „Кавиры“ изъ персидскаго языка: die zwerghaften Kabiren, deren Name aus dem Persischen stammen und starke Männer (Schmiede, Gobirim) bedeuten soll.

[1]) Diod. V, 47, 3: ἐσχήκασι δὲ παλαιὰν ἰδίαν διάλεκτον οἱ αὐτόχθονες, ἧς πολλὰ ἐν ταῖς θυσίαις μέχρι τοῦ νῦν τηρεῖται.

ученія о Кавирахъ заимствованы отъ Ѳракійцевъ. Ноннъ панополитанскій, такъ тщательно собиравшій различные миѳы изъ области греческой религіи, прямо называетъ самоѳракійскихъ Кавировъ дѣтьми ѳракіянки Кавиры [1]). Важенъ тотъ фактъ, что по сообщаемому Діодоромъ миѳу о спасеніи Аргонавтовъ отъ бури самоѳракійскими божествами, изъ числа всѣхъ Аргонавтовъ только одинъ Орфей, Ѳракіецъ, былъ посвященъ въ мистеріи Кавировъ [2]). Если бросить взоръ на тѣ мѣста, гдѣ существовалъ древнѣйшій культъ Кавировъ, то нельзя не замѣтить, что въ нихъ жили Ѳракійцы. Эти данныя приводятъ къ тому заключенію, что происхожденія и разъясненія именъ Кавировъ слѣдуетъ искать во ѳракійскомъ языкѣ. Во Ѳракіи былъ городъ Καβησός, была область Καβύλη [3]). Звуковое сходство именъ ихъ съ именемъ Κάβειροι не можетъ не броситься въ глаза. Въ именахъ ѳракійскихъ царей встрѣчается основа κερσο, входящая въ составъ именъ Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα (Κερσοβλέπτης). Но какое значеніе соединялось у Ѳракійцевъ съ этими основами? По недостатку прямыхъ указаній на значеніе этихъ основъ у Ѳракійцевъ приходится оставить этотъ вопросъ открытымъ до того времени, когда въ области изученія ѳракійскаго языка накопится больше фактовъ [4]). Интересно отмѣтить здѣсь еще одно обстоятельство, которое со временемъ, быть можетъ, получитъ особое освѣщеніе. Въ мистеріяхъ Кавировъ велика была роль Ермія, какъ видно изъ Иродота [5]), и отъ этого же автора узнаемъ, что цари ѳракійскіе, любившіе именовать себя Керсоблептами, вели свой родъ отъ Ермія [6]).

---

[1]) Nonn. Dionys. XIV, 19 sq: Καβείρους — οὓς πάρος ἄμφω οὐρανίῳ χαλκῆι τέκε Θρήισσα Καβειρώ.

[2]) Diod. IV, 43, 1: φασὶν Ὀρφέα τῆς τελετῆς μόνον τῶν συμπλεόντων μετεσχηκότα ποιήσασθαι τοῖς Σαμόθραξι τὰς ὑπὲρ τῆς σωτηρίας εὐχάς.

[3]) Hesych. Καβησός· πόλις Θράκης. Cf. Suid. Καβησός. Idem: Καβύλη· χώρα τῆς Θράκης ἱδρυμένη πρὸς τῷ Τάζῳ ποταμῷ κατὰ μέσον τῆς Θράκης. Steph. Byz. v. Κσβύλη.

[4]) Cp. Crusius, Beitr. S. 26, Anm. 2. Dumont, Inscr. de Thrace, p. 79.

[5]) Herod. II, 51.

[6]) Herod. V, 7.

Что касается до Аксіера, то и тутъ, кажется, слѣдуетъ искать ѳракійскихъ элементовъ, такъ какъ всѣ объясненія происхожденія этого слова изъ египетскаго, финикійскаго и греческаго языковъ неудовлетворительны. Но какое значеніе соединялось у Ѳракійцевъ съ основою ερ, я не рѣшаюсь опредѣлить.

Относительно имени четвертаго божества, которое не входило первоначально въ составъ самоѳракійской системы Кавировъ, но по ясному свидѣтельству Діонисодора было присоединено впослѣдствіи къ самоѳракійской тріадѣ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ О. Группе, что оно семитическаго происхожденія[1]). Но по мнѣнію древнихъ Грековъ это имя греческаго происхожденія. Въ схоліяхъ къ Ликофрону говорится, что Кадмиломъ назывался у Віотійцевъ Ермій[2]). Отсюда можно заключить, что это божество внесено было въ самоѳракійскую систему въ то время, когда установились сношенія между Віотіей, принявшей миѳъ о Кадмѣ и Кадмилѣ отъ жившихъ тамъ Финикіянъ, и Самоѳракіей; когда не только самоѳракійскіе миѳы стали вліять на віотійскіе, но и сами начали воспринимать вліяніе послѣднихъ.

Отъ этихъ общихъ, основныхъ вопросовъ въ области культа Кавировъ перейдемъ къ частнымъ вопросамъ, разсмотримъ культъ этихъ божествъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, начиная съ Самоѳракіи. Необходимость разсматривать культъ Кавировъ отдѣльно, по мѣстностямъ его установленія, вызывается самой сущностью предмета. Ученіе о Кавирахъ было различно въ различныхъ мѣстахъ Греціи; въ немъ замѣчается много варіантовъ. Такъ, установленіе культа Кавировъ въ Віотіи имѣетъ свою особую миѳическую исторію, своихъ особыхъ учредителей, а не тѣхъ, которые, по миѳамъ, учредили культъ этотъ на Самоѳракіи. Число Кавировъ не одинаково въ разныхъ мѣстахъ Греціи, не одинаковы и приписывавшіяся имъ черты. Въ этомъ культѣ не замѣтно такой тѣсной связи между центральнымъ ученіемъ и его развѣтвленіями, какъ въ другомъ мистическомъ культѣ—елевсинскомъ. Елевсинская тріада вездѣ, и въ Анданіи, и въ Аѳинахъ, и въ Сициліи является неизмѣнной въ своей общей, основной формѣ, въ своихъ существенныхъ чертахъ. Совершенно не то, когда рѣчь идетъ о Кавирахъ. Они иные на Лимносѣ, иные на Имвросѣ, особые въ Віотіи. Въ виду этого нельзя не признать ошибочнымъ методъ тѣхъ ученыхъ, которые разсматривали культъ Кавировъ безъ отношенія его къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ онъ былъ установленъ и развивался.

[1]) O. Gruppe, De Cadmi fabula, p. 22 sq.

[2]) Schol. Lycophr. (Alex. v. 162: ὁ Καδμίλου γόνος). Par. A: τοῦ Ἑρμοῦ· βοιωτικῶς. Par. C: ὁ Ἑρμοῦ, Μύρτιλος. ἐκαλεῖτο δὲ οὕτως ὁ Ἑρμῆς παρὰ τοῖς Θηβαίοις.

Необходимо было бы прослѣдить историческое развитіе ученія о Кавирахъ. Оно, конечно, не оставалось неизмѣннымъ, но измѣнялось, какъ измѣняется все живое. Оно подвергалось вліянію философіи, вліянію религіозныхъ вѣрованій различныхъ народовъ, съ которыми Греки приходили въ сношенія и, наконецъ, самому могучему, но въ то же время и самому неуловимому вліянію—движенію жизни греческаго народа. Соотвѣтственно вѣчно текущей смѣнѣ явленій умственной и нравственной жизни древнихъ Грековъ, въ связи съ которой стояли ихъ религіозно-нравственныя требованія и убѣжденія, измѣнялись и ихъ вѣрованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрованія въ области культа Кавировъ. Но возможность изученія историческаго развитія этихъ вѣрованій отнята у насъ, быть можетъ, навсегда вслѣдствіе того, что культъ Кавировъ былъ облеченъ тайной и вслѣдствіе утраты большого числа даже тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія были разсѣяны въ трудахъ греческихъ писателей, перечисленныхъ нами въ началѣ первой главы.

ГЛАВА III.

Культъ Кавировъ на Самоѳракіи.

Миѳы объ его учрежденіи. Самоѳракійскіе Кавиры. Сообщаемыя Мнасеемъ патарскимъ имена Кавировъ – не мистическія имена. Неточность замѣтки о Кавирахъ въ схоліяхъ къ Аполлонію родосскому. Черты, при-

писывавшіяся древними Греками Кавирамъ. Божества, съ которыми Кавиры были отожествляемы и выводъ отсюда характеристичныхъ чертъ Кавировъ. Кавиры-боги свѣта. Сходство миѳовъ о Кавирахъ съ миѳами объ Аполлонѣ. Греческія божества, культъ которыхъ былъ соединенъ на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ. Ермій, Димитра, Кора и герои, соединенные съ культомъ этихъ божествъ. Афродита Каліада. Левкоѳея и „восточныя божества". Еката. Герои цикла похода Аргонавтовъ и троянской войны. Фригійскія божества, соединенныя на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ. Финикійское вліяніе на культъ самоѳракійскихъ Кавировъ.

Подъ вѣчно голубымъ, безоблачнымъ небомъ Еллады въ Эгейскомъ морѣ лежитъ небольшой островъ Самоѳракія. Только тридцать восемь географическихъ миль отдѣляетъ его отъ ѳракійскихъ береговъ. Въ настоящее время онъ хранитъ суровый и пустынный видъ. Не много на немъ жителей и рѣдко заѣзжаетъ теперь туда путникъ, а когда бушуетъ буря, то лучше избѣгать негостепріимныхъ береговъ Самоѳракіи, такъ какъ тогда и въ гаваняхъ ея стоять не безопасно. Весной и осенью, во время частыхъ и сильныхъ вѣтровъ на Эгеѣ, обитатели Самоѳракіи бываютъ совершенно отрѣзаны отъ остального міра и ни одна лодка не пускается въ опасный путь[1]).

Такъ какъ природа страны и нравственныя особенности ея жителей имѣютъ тѣсную связь съ ея культомъ и оказываютъ на него несомнѣнное, хотя иногда и трудно уловимое вліяніе, то прежде всего возникаетъ необходимость разсмотрѣть физическія свойства Самоѳракіи и коснуться вопроса объ ея древнѣйшихъ обитателяхъ.

Самоѳракія вулканическаго происхожденія. Въ настоящее время вулканическія явленія тамъ не замѣтны, но существованіе на этомъ островѣ теплыхъ ключей указываетъ, что дѣятельность подземныхъ силъ еще не угасла[1]). Самоѳракія гориста, и отъ горъ, по свидѣтельству Стравона, получила она свое названіе[2]). Горы эти и теперь покрыты рощами, подобно тому, какъ были покрыты онѣ во времена Омира[3]). Эти рощи состоятъ преимущественно изъ масличныхъ деревьевъ. О разведеніи винограда на Самоѳракіи (отношеніе къ культу Діониса и къ тѣмъ чертамъ, какія приписывались этому божеству) древніе авторы не говорятъ. О существованіи на этомъ островѣ золотой, серебряной или желѣзной руды (установленіе связи съ божествами-покровителями металлургіи) нѣтъ указаній у древнихъ авторовъ.

Вотъ главнѣйшія черты природы Самоѳракіи. Ниже будетъ указано, какъ онѣ отразились на мѣстномъ культѣ, а теперь перейдемъ къ другому важному фактору въ области религіозныхъ вѣрованій—къ обитателямъ Самоѳракіи. Этотъ островъ былъ мѣстомъ, на которомъ въ различное время обитали различные народы. Иродотъ говоритъ, что тамъ жили Пеласги[4]). Ираклидъ Понтійскій сообщаетъ, что до поселенія на Самоѳракіи Самосцевъ тамъ находились Ѳракійцы[5]). Наконецъ, ораторъ Антифонтъ называетъ современныхъ ему жителей Самоѳракіи потомками самосскихъ Еллиновъ[6]). Только относительно пребыванія на Самоѳракіи этихъ трехъ народовъ есть прямыя свидѣтельства древнихъ авторовъ. Такъ какъ вліяніе Пеласговъ на культъ Кавировъ въ Греціи не можетъ быть подтверждено достовѣрными фактами, то остается два элемента, въ сферѣ которыхъ пришлось зародиться

---

[1]) A. Conze, Reise auf d. Inseln des Thrak. Meeres. Hannov. 1860, S. 48. Εἴμασθε μέσσ'ς τὴ φυλακή, — говорили Конце жители Самоѳракіи относительно той поры года, когда свирѣпствуютъ бури. Cf. Arch. des miss. scientif. IV, 2 série p. 257. Plin. NH. IV, 23 (73), называетъ Самоѳракію importuosissima omnium (insularum).

[1]) Conze-Hauser-Benndorf, Arch. Unters. II, 110.

[2]) Strab. X, 457. Cf. E. Oberhummer, Phoenizier in Akarnanien, Münch. 1882. S. 6.

[3]) Il. XIII, 12.

[4]) Herod. II, 51.

[5]) FHG II, 218. Diod. III, 55, 8. Ѳракійцы обитали тамъ уже во времена Омира. Il. XIII, 12 sq.

[6]) Antiph. fr. XV, 49 Blass². Въ виду того, что жители Самоѳракіи представляли смѣсь различныхъ народовъ, правъ былъ Скимнъ Хіосскій, говоря: πέραν Σαμοθράκη δ' ἔστι νῆσος Τρωϊκή, ἔχουσα τὴν οἴκησιν ἀναμεμιγμένην. Scymni Chii Perieg. v. 679 Meineke.

и развиваться культу Кавировъ—ѳракійскій и греческій. Зародившись на почвѣ ѳракійскихъ вѣрованій, онъ развивался у Елиновъ, и еллинскій могучій, творческій духъ сумѣлъ наложить на него свои особыя черты. Ученіе о Кавирахъ было переработано на греческой почвѣ, конечно, постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и воспріяло такъ много греческихъ элементовъ, что Греки, не теряя сознанія о чуждомъ имъ происхожденіи этого ученія, стали смотрѣть на него какъ на свое достояніе и создали миѳы, въ которыхъ если не учрежденіе мистерій Кавировъ, то ихъ новая организація приписывалась греческимъ божествамъ и героямъ. Такъ, новую организацію самоѳракійскихъ мистерій древніе Греки приписывали Ясону, сыну Зевса и Атлантиды Илектры [1]). Изложеніе этого миѳа у Діодора очень кратко потому, что Діодоръ избѣгалъ касаться тѣхъ подробностей, о которыхъ нельзя было сообщать непосвященнымъ въ мистеріи, въ чемъ самъ откровенно сознается. Изъ тѣхъ отрывочныхъ замѣчаній, какія онъ сообщаетъ объ этомъ миѳѣ, можно заключить, что въ самоѳракійскихъ преданіяхъ еще во времена Діодора сохранялась память о томъ періодѣ культа Кавировъ, когда онъ составлялъ достояніе только немногихъ, небольшого кружка жителей Самоѳракіи, по всей вѣроятности Ѳракійцевъ, которые хранили его въ своей средѣ, не сообщая другимъ. Въ словахъ Діодора δοκεῖ δ'οὗτος (Ἰασίων) πρῶτος ξένους μυῆσαι καὶ τὴν τελετὴν διὰ τοῦτο ἔνδοξον ποιῆσαι [2]) явно отражается тотъ моментъ развитія культа Кавировъ на Самоѳракіи, когда къ участію въ немъ впервые были допущены Греки. Они были допущены къ нему, какъ къ учрежденію, организація котораго была произведена греческимъ героемъ, открывшимъ къ нему путь для своего народа. Какое же другое значеніе могутъ имѣть сказанныя немного выше слова Діодора: παραδεῖξαι τὴν τῶν μυστηρίων τελετήν, πάλαι

[1]) Diod. V, 48, 4. Cf. Schol. Apoll. Rhod. I, 917. По Клименту Александрійскому учредителемъ Самоѳракійскихъ мистерій былъ Іетіонъ. Clem. Cohort. c. 2 p. 5 Sylb: εἴτε Ἠετίων ὁ τὰ Σαμοθράκια ὄργια καὶ τελετὰς ὑποστησάμενος. Тутъ нѣтъ противорѣчія Діодору, такъ какъ Іетіонъ смѣшивался въ греческихъ миѳахъ съ Ясіономъ.

[2]) Diod. V, 48, 4.

μὲν οὖσαν ἐν τῇ νήσῳ, τότε δέ πως παραδοθεῖσαν? А въ этой аллегоріи кроется тотъ смыслъ, что въ культъ иноземный были внесены греческіе элементы, что миѳы чуждые, сохраняя свою основу, были переложены на миѳы родные, конечно, близкіе по содержанію тѣмъ миѳамъ, которые послужили для нихъ основою.

Лукіанъ сообщаетъ миѳъ, по которому на Самоѳракіи были учреждены Аттисомъ мистеріи въ честь Реи, а не въ честь Кавировъ [1]). Этотъ миѳъ сложился, очевидно, подъ вліяніемъ присутствія въ самоѳракійскомъ культѣ Кавировъ фригійскихъ элементовъ и относится ко времени позднѣйшему, когда къ окрѣпшимъ уже греко-ѳракійскимъ основамъ этого культа были внесены другія изъ Малой Азіи, когда къ культу Кавировъ былъ присоединенъ культъ Реи, не соединявшійся съ нимъ на первомъ стадіи его развитія.

Въ основѣ самоѳракійскихъ мистерій лежало ученіе о Кавирахъ [2]). Отдѣльныя имена самоѳракійскихъ Кавировъ сохранены намъ въ выпискѣ изъ Мнасея патарскаго, находящейся въ схоліяхъ къ Аполлонію родосскому. Тутъ говорится: Μυοῦνται δὲ ἐν τῇ Σαμοθράκῃ τοῖς Καβείροις, ὧν Μνασέας φησὶ καὶ τὰ ὀνόματα· τέσσαρες δ'εἰσὶ τὸν ἀριθμόν· Ἄξίερος, Ἀξιόκερσα, Ἀξιόκερσος. Ἄξίερος μὲν οὖν ἐστιν ἡ Δημήτηρ, Ἀξιόκερσα δὲ ἡ Περσεφόνη, Ἀξιόκερσος δὲ ὁ Ἅιδης· ὁ δὲ προστιθέμενος τέταρτος, Κάσμιλος, ὁ Ἑρμῆς ἐστιν, ὡς ἱστορεῖ Διονυσόδωρος [3]).

До настоящаго времени господствуетъ полное убѣжденіе въ томъ, что это имена мистическія, тѣ имена, которыя были открываемы посвященнымъ въ оргіи Кавировъ [4]). Но это общепринятое

[1]) Lucian. Dea syr. c. 15.

[2]) Нельзя не замѣтить, что этотъ фактъ подвергался у древнихъ Грековъ сомнѣнію. См. Strab. VII, 331, fr. 51; X, 472.

[3]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917. О. Крузіусъ, который впервые указалъ на стихотворный размѣръ въ именахъ Кавировъ, совершенно вѣрно замѣтилъ, что эти слова представляютъ indigitamentorum frustula. Rhein. Mus. 1886, S. 306.

[4]) I. Neuhäuser, Cadmilus, p. 5: ipsa eorum nomina, quae mystica erant et in vulgus non edebantur, a Mnasea et Dionysodoro no-

мнѣніе лишено основанія. Достаточно вспомнить, какъ тщательно скрывали древніе Греки имена всѣхъ божествъ, культъ которыхъ носилъ мистическій характеръ. Если бы Мнасей и дѣйствительно открылъ мистическія имена Кавировъ тѣмъ изъ своихъ современниковъ, которые не были посвящены въ мистеріи, то мисты несомнѣнно позаботились бы о томъ, чтобы тайна осталась по прежнему сокровенной. Эти имена были бы изглажены изъ произведеній Мнасея и не дошли бы до насъ. Прямое доказательство того, что имена эти не мистическія, представляютъ Діонисій аликарнасскій и Стравонъ. Они говорятъ, что имена Кавировъ сохраняются въ тайнѣ [1]), а невозможно допустить, чтобы такой важный фактъ, какъ „нескромность Мнасея“ (по выраженію Ленормана и Дешарма) былъ имъ неизвѣстенъ. Притомъ имена эти встрѣчаются не только у Мнасея, но и въ другихъ древнихъ памятникахъ. Такъ, имя Ἀξιόκερσα встрѣчается на одномъ древнемъ кратирѣ изъ Апуліи. На этомъ кратирѣ изображенъ нагой мальчикъ, обвитый плющемъ. Правой рукой онъ держитъ θирсъ, лѣвой подбрасываетъ какой-то плодъ. Надпись гласитъ, что это Діонисъ. Противъ него изображена большихъ размѣровъ голова женщины, украшенная богатой повязкой. Надъ ней надпись Ἀχιο [κερσα] [2]).

Кромѣ того, Мнасеевскія имена Кавировъ (въ сокращеніи)

---

bis videntur esse prodita. Cf. ibid. p. 51: Quare ego quidem nullam video causam, cur dubitandum sit, quin, quae prodit Cabirorum nomina, Ἀξίερος, Ἀξιόκερσα, Ἀξιόκερσος, Κάσμιλος, illa ipsa sint nomina mystica, quae in occulto habita esse vidimus. Cf. J. Rossignol, Les métaux, p. 46. F. Lenormant (Daremb.— Saglio, Diction. p. 759): c'est seulement à une indiscrètion, presque à une profanation de Mnaséas de Patara, que nous devons de connaître ces noms. P. Decharme, Mythologie, p. 270: Une indiscrétion de Mnaséas nous a révélé les noms mystiques de trois des Cabires de Samothrace.

[1]) Strab. X, 473: τὰ δ'ὀνόματα αὐτῶν ἐστι μυστικά. Dion. Halic. I,68: κατασκευάσαι (λέγουσι) τὸν Δάρδανον ἐνταῦθα τῶν θεῶν τούτων ἱερόν, ἀρρήτους τοῖς ἄλλοις ποιοῦντα τὰς ἰδίας αὐτῶν ὀνομασίας κτέ.

[2]) Arch. Zeit. 1850, Taf. XVI, n° 1—3. Daremb.-Saglio, Diction. p. 761 n° 905, 906.

помѣщены на одномъ амулетѣ изъ Виндиша (древняя Vindonissa въ Швейцаріи) временъ римской имперіи [1]). Въ виду этихъ фактовъ совершенно неосновательно признавать сообщенныя Мнасеемъ имена Кавировъ за мистическія. Мистическія имена были открываемы только посвященнымъ въ мистеріи и, конечно, не могли быть помѣщаемы на кратирахъ, назначенныхъ для общаго употребленія.

Далѣе, что касается до представляемаго въ схоліяхъ объясненія именъ Ἀξίερος, Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα, то нельзя не замѣтить, что текстъ схолій къ Аполлонію родосскому не даетъ никакого основанія думать, что оно принадлежитъ Мнасею, а не самому схоліасту; нельзя не замѣтить и того, что это объясненіе невѣрно, такъ какъ божеству Ἀξίερος должно соотвѣтствовать существо мужескаго пола, а не женскаго. Конечно, можно было бы привести аналогичное имя Ἀφρόδιτος, но противъ такой аналогіи говоритъ то обстоятельство, что синкрасія пола Кавировъ не засвидѣтельствована древними памятниками; у авторовъ и въ сохранившихся до настоящаго времени памятникахъ искусства нѣтъ и намека на такую синкрасію. Кромѣ того нужно замѣтить, что въ миѳахъ о Кавирахъ преобладаетъ мужской элементъ, а не женскій. Въ Віотіи мы видимъ Кавира-мужчину и его сына, а не дочь; въ Македоніи — три Кавира-мужчины; на тѣхъ монетахъ, гдѣ изображаются Кавиры, они всегда представляются въ видѣ мужчинъ и никогда въ видѣ женщинъ, за исключеніемъ изображаемыхъ въ видѣ Кавировъ римскихъ императрицъ. Даже въ миѳахъ о герояхъ, поставленныхъ въ связь съ самоѳракійскими Кавирами, замѣчается преобладаніе мужского элемента надъ женскимъ. Напр., Дарданъ, Ясіонъ и Армонія (Diod. V, 48, 2),—двое мужчинъ и одна женщина. Возможны ли были бы такія явленія, если бы среди Кавировъ преобладали божества женскаго пола? Нельзя не замѣтить и того, что если бы въ тріадѣ самоѳракійскихъ Кавировъ было два женскихъ существа и одно мужское, а не наоборотъ, то синкрасія ихъ съ Діоскурами не

---

[1]) Снимокъ съ этого амулета помѣщенъ у Daremb.-Saglio, Dict., p. 759, n° 900, а также у Weiske, Prometheus, S. 447.

имѣла бы никакихъ основъ и не могла бы возникнуть, такъ какъ полъ ихъ не соотвѣтствовалъ бы полу Діоскуровъ. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что при соотвѣтствіи Кавировъ Димитрѣ, Персефонѣ и Аиду самоѳракійская тріада въ самой основѣ вполнѣ совпадала бы съ тріадой елевсинской, а при такомъ условіи и мистеріи Кавировъ не могли бы существовать какъ самостоятельное учрежденіе, а имѣли бы характеръ лишь вѣтви мистерій елевсинскихъ.

Эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что передача факта въ данномъ мѣстѣ схолій къ Аполлонію ошибочна. Эта ошибка могла возникнуть вслѣдствіе того, что схоліасту извѣстно было, какое сильное вліяніе имѣлъ культъ Димитры и Коры на культъ Кавировъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ существовалъ. Извѣстно было ему и то, что на Самоѳракіи почитали Димитру и Кору[1]). Эти обстоятельства, по всей вѣроятности, послужили въ данномъ случаѣ основой ошибки.

Гдѣ же, въ какихъ божествахъ еллинской религіи слѣдуетъ искать тріаду, которая дѣйствительно соотвѣтствовала Мнасеевой тріадѣ самоѳракійскихъ Кавировъ?

Плиній въ своей естественной исторіи говоритъ, что на Самоѳракіи особеннымъ почетомъ были окружены Фаетонтъ, Афродита и Поѳосъ[2]). Свидѣтельство Плинія не остается одинокимъ. Оно подтверждается изображеніями на одной гермѣ,

[1]) Strab. IV, 198. Большое сходство съ этой яко-бы Мнасеевой тріадой представляетъ тріада въ Ерміонѣ, состоявшая изъ Димитры, Климена (Аида) и Коры (CIG, n° 1197) и не имѣвшая ничего общаго съ самоѳракійской тріадой.

[2]) Plin. NH. XXXVI, 4 (5). Зиллигъ въ своемъ изданіи Плинія устраняетъ „et Phaëthontem“, такъ какъ этихъ словъ нѣтъ въ лучшихъ рукописяхъ. Но едва ли основательно видѣть тутъ позднѣйшую вставку переписчика. Чѣмъ она могла быть вызвана? Болѣе вѣроятной представляется возможность устраненія слова Phaëthontem переписчикомъ, не понимавшимъ основъ, связывавшихъ это божество съ другими въ одну тріаду. Едва ли можно оспаривать, что встрѣчаются мѣста у авторовъ, въ которыхъ худшія рукописи даютъ лучшее чтеніе, чѣмъ авторитетные кодексы. Ср. Daremb.-Saglio, p. 761.

хранящейся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ[1]). Эта герма двойная. Вверху помѣщены головы Діониса, Персефоны и Ермія, а внизу подъ каждымъ изъ этихъ божествъ находятся соотвѣтствующія имъ божества, во весь ростъ, но въ меньшемъ объемѣ. Это тѣ божества, объ особенномъ почитаніи которыхъ на Самоѳракіи говоритъ Плиній: Аполлонъ (= Фаетонтъ), Афродита и Эротъ (= Поѳосъ). Хотя герма эта найдена въ Италіи, но при сопоставленіи находящихся на ней изображеній со словами Плинія становится несомнѣннымъ, что художникъ руководился въ данномъ случаѣ самоѳракійскими миѳами, сближающими эти божества въ одну тріаду, и представилъ драгоцѣнный, такъ сказать, двуязычный памятникъ искусства, бросающій свѣтъ на темную область царства Кавировъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что герма съ изображеніями, заимствованными изъ самоѳракійскаго культа, оказалась въ Италіи. Извѣстно, что многіе Римляне заѣзжали на Самоѳракію для принятія посвященія въ мистеріи. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранены до настоящаго времени у авторовъ и въ надписяхъ. Очень удачна догадка Гиньо, что эта герма хранилась въ божницѣ какого-нибудь Римлянина какъ драгоцѣнное воспоминаніе о принятомъ имъ посвященіи на Самоѳракіи[2]). Оба эти памятника, литературный и скульптурный, взаимно подтверждаютъ другъ друга и представляютъ прочную основу для вывода, а вытекаетъ отсюда тотъ выводъ, что Мнасеевы Кавиры соотвѣтствовали не Димитрѣ, Персефонѣ и Плутону, а Ермію[3]), Персефонѣ и Плутону (герма), или на основаніи таинственной,

[1]) Рисунокъ, представляющій эту герму, помѣщенъ у Gerhard, Ant. Bildw. Taf. XLI, а также у Daremb.-Saglio, Diction. 761 n° 902—4.

[2]) Guigniaut, Religions de l'antiquité, II, 1088. Сравн. Daremb.-Saglio, Diction. p. 761.

[3]) Конечно, Ермію иѳифаллическому, о культѣ котораго на Самоѳракіи говоритъ Иродотъ II, 51. Этотъ Ермій, въ изображеніи котораго съ αἰδοῖον въ возбужденномъ состояніи такъ явственно выражалась идея половой любви, въ мистической синкрасіи былъ сближаемъ съ богомъ любви Эротомъ. Это прямо вытекаетъ изъ сопоставленія данной гермы со словами Плинія. Этотъ иѳифаллическій Ермій соотвѣтствуетъ Аксіеру, въ имени котораго древніе Греки находили, какъ видно, связь съ именемъ Ἔρως.

мистической синкрасіи этихъ божествъ, Эроту (=Ποθοсу), Аφродитѣ и Аполлону (Плиній и герма). Никакой другой тріады, кромѣ тріады Кавировъ, нельзя усматривать въ словахъ Плинія, такъ какъ онъ говоритъ, что эта тріада была особенно почитаема на Самоѳракіи, а на особенной высотѣ стояли только Кавиры, только они составляли основу мистерій.

Итакъ въ Мнасеевой тріадѣ слѣдуетъ видѣть два существа мужескаго пола и одно женскаго [1]). Но едва ли такова была первоначальная, основная форма самоѳракійскаго ученія о Кавирахъ. Выше уже замѣчено, что въ самоѳракійской системѣ ученія о Кавирахъ преобладающее значеніе имѣютъ мужескія начала; божества эти чаще всего представляются въ видѣ діады. Представленіе о самоѳракійскихъ Кавирахъ, какъ о діадѣ, выступаетъ съ особою силой при дальнѣйшемъ развитіи ученія о нихъ, въ особенности послѣ того, какъ Кавировъ стали отожествлять съ Діоскурами. Хотя это отожествленіе не было постояннымъ, хотя Кавиры и Діоскуры нѳ слились навсегда въ одинъ общій типъ, но оно возможно только при представленіи о Кавирахъ, какъ о діадѣ. Варронъ говоритъ о почитаніи на Самоѳракіи двухъ великихъ божествъ, которыхъ онъ считаетъ Касторомъ и Полидевкомъ [2]). Въ видѣ діады представляетъ Кавировъ Ноннъ панополитанскій. Самоѳракійскіе Кавиры являются въ „Διονυσιακά“ Нонна какъ два брата, сыновья Ифеста и нимфы Кавиры, Алконъ и Евримедонтъ [3]). Согласно съ нимъ Ипполитъ свидѣтельствуетъ, что въ самоѳракійскомъ святилищѣ Кавировъ стояли двѣ статуи, представлявшія двухъ нагихъ мужчинъ, съ простертыми

[1]) Два существа мужескаго пола и одно женскаго представляются и въ той тріадѣ, которую приводитъ Сервій какъ соотвѣтствующую тріадѣ самоѳракійской. Serv. VIII, 619: magnos deos, Iovem, Minervam, Mercurium, quos Aeneas de Samothracia sustulit. Cf. Serv. III, 264: nomina magna, hoc est Iovem, Minervam et Mercurium secundum Samothraces.

[2]) Serv. Aen. III, 12. Луцій Ампелій говоритъ о gemini, qui Samothraces nominantur esse, quorum argumentum nefas est pronuntiare. L. Ampel. Lib. memor. c. 2.

[3]) Nonn. Dionys. XIV, 17 sq. 22. Cf. XXIX, 194.

къ небу руками, имѣвшихъ τὰς αἰσχύνας ἄνω ἐστραμμένας [1]). Не указываютъ ли эти факты на то, что первоначально самоѳракійскіе Кавиры были представляемы въ формѣ діады?

Возникаетъ вопросъ, какія же черты соединяли древніе Греки съ этими таинственными божествами—Кавирами? Можно указать лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній по этому вопросу въ древнихъ памятникахъ, которыя не даютъ возможности составить ясное представленіе о Кавирахъ. Въ надписяхъ и въ литературныхъ произведеніяхъ Кавиры очень часто называются „великими богами [2])“, но это черта крайне неопредѣленная, тѣмъ болѣе, что она присоединяется ко многимъ другимъ божествамъ. Разсмотримъ другія черты. Кавирамъ приписывалась дивная сила спасать во время бурь и вообще избавлять людей отъ всѣхъ бѣдствій и опасностей, какія только могутъ постигнуть ихъ въ жизни [3]). Сложились миѳы, въ которыхъ повѣствовалось о спасеніи отъ опасностей различныхъ героевъ, благодаря посвященію ихъ въ самоѳракійскія мистеріи. Такъ, на пути Аргонавтовъ въ Колхиду, когда возникла страшнаа буря и всѣ уже отчаивались въ спасеніи, по молитвѣ Орфея, который былъ посвященъ въ мистеріи, вдругъ буря прекратилась и наступила тишина [4]). Во время возстанія войска подъ Троей Агамемнонъ усмирилъ мятежъ, явившись среди своихъ воиновъ въ багряницѣ, въ которой онъ принималъ посвященіе на Самоѳракіи [5]). Изъ этого

[1]) Origen. (Hippol.), Philosoph. p. 109 E. Miller.

[2]) Diod. IV, 49, 8. CIG nº 2296. Bull. de corr. hellén. VII, 337, 339, 340 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

[3]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917: οὐ μόνον δ' ἐν τοῖς κατὰ θάλατταν κινδύνοις οἱ μυηθέντες διασώζονται, ἀλλὰ καὶ τύχοι ἂν παντός, οὗ ἂν τυχεῖν εὔξαιτο ὁ μυηθείς. Cf. Etym. Gudian., p. 289: Κάβιροι—δαίμονες...., ὧν οἱ μεμυημένοι ἐν καιρῷ ἀνάγκης εἰσακούονται. Въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ віотійскому Кавиру, какой-то Діогенъ молится: ἀλέκοις ἀνέρι καὶ πενίην, Anth. Palat. VI, 245. Ср. Diod. V, 49, 5. Aristid. Orat. LV, II, p. 709 Dind. и схоліи ad l. c. Suid. ἀλλ' εἴ τις и Σαμοθράκη.

[4]) Diod. IV, 43, 1. Cf. IV, 48, 5 sqq. IV, 49, 8.

[5]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917: καὶ Ὀδυσσέα δέ φασι μεμυημένον ἐν Σα-

разсказа можно заключить, что одежды и пояса, въ которыхъ посвящались въ мистеріи, считались спасительными талисманами, подобно тому какъ приписывалась чудодѣйственная сила тѣмъ одеждамъ, въ которыхъ принимали посвященіе въ мистеріи елевсинскихъ божествъ.

Но Кавиры, эти боги-спасители, признавались также грозными божествами, причиняющими зло и строго карающими людей за ихъ проступки. Въ комедіи Аристофана „Миръ“ виноградарь Тригей, жаждущій мира, проситъ посвященныхъ въ самоѳракійскія мистеріи молиться, чтобы у посланнаго „Войной“ къ Лакедемонянамъ за пестомъ (т. е. полководцемъ) выворотило ноги[1]). У Свиды находимъ выписку изъ Эліана, въ которой представляется, какъ обманутая своимъ возлюбленнымъ женщина умоляетъ Кавировъ наказать ея любовника, нарушившаго данную ей клятву[2]). Клятва самоѳракійскими божествами считалась великой и страшной клятвой не только въ Греціи, но даже въ Римѣ[3]). Павсаній говоритъ, что Кавировъ страшно разгнѣвать и отъ кары ихъ нельзя спастись никакими молитвами[4]). Однако и эти указанія не бросаютъ свѣта на сущность ученія древнихъ Грековъ о Кавирахъ, такъ какъ въ нихъ не выражаются особенныя, типичныя свойства природы Кавировъ, а только нѣкоторыя ея проявленія, притомъ совершенно общаго характера.

Отъ опасностей на морѣ, по вѣрованіямъ Грековъ, спасали и Діоскуры, а отъ бѣдствій житейскихъ Аполлонъ и боги-хранители (θεοὶ ἀποτρόπαιοι). Страшенъ былъ гнѣвъ и другихъ боговъ, и другія божества карали виновныхъ[5]), а клятвы Стиксомъ

μοθράκῃ χρήσασθαι τῷ κρηδέμνῳ ἀντὶ ταινίας [καὶ σωθῆναι ἐκ τοῦ θαλασσίου κλύδωνος]... καὶ Ἀγαμέμνονα δέ φασι μεμυημένον ἐν ταραχῇ ὄντα πολλῇ κατὰ Τροίαν δι' ἀκαταστασίαν τῶν Ἑλλήνων παῦσαι τὴν στάσιν πορφυρίδα ἔχοντα.

[1]) Aristoph. Pac. v. 277 sqq.

[2]) Suid. v. διαλαμβάνει· ὑπονοεῖται· ἡ δὲ εὐμηχάνως διαλαμβάνει καὶ δεῖται τῶν Καβείρων τιμωρῆσαι αὐτῇ καὶ μετελθεῖν τὸν ἐπίορκον.

[3]) Iuven. III, 144.

[4]) Paus. IX. 25, 8: τὸ δὲ μήνιμα τὸ ἐκ τῶν Καβείρων ἀπαραίτητόν ἐστιν ἀνθρώποις.

[5]) Paus. VII 25, 1, говоря о гнѣвѣ Зевса—покровителя просящихъ

страшились сами боги. Очевидно, что раскрытія свойствъ Кавировъ приходится искать въ косвенныхъ указаніяхъ древнихъ авторовъ и памятниковъ искусства, а главнымъ образомъ въ отожествленіи ихъ съ тѣми божествами, о которыхъ сохранилось болѣе свѣдѣній отъ древности; путемъ опредѣленія общихъ чертъ, послужившихъ основой для отожествленія ихъ съ Кавирами, можно выяснить и черты самихъ Кавировъ.

Кавиры были отожествляемы съ Діоскурами, Куритами, Коривантами, Идейскими Дактилями и Тельхинами[1]). Это отожествленіе замѣчается не вездѣ, гдѣ былъ установленъ культъ Кавировъ, и не въ одинаковой степени. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ основной типъ Кавировъ сохранялся въ большей чистотѣ, въ другихъ характерныя черты его сглаживались, блѣднѣли и достигали, наконецъ, той степени неопредѣленности, когда оказывалась возможной замѣна одного существа другимъ, когда оказывалось возможнымъ ихъ взаимное смѣшеніе.

Было бы ошибочно искать причинъ этого смѣшенія въ мистическомъ характерѣ ученія о Кавирахъ, въ строгихъ постановленіяхъ скрывать ученіе о Кавирахъ отъ непосвященныхъ въ ихъ мистеріи. Множествомъ фактовъ можно доказать, что смѣшеніе представленій о различныхъ божествахъ встрѣчается и въ тѣхъ греческихъ культахъ, которые не носили мистическаго характера. Это общая черта еллинской религіи, а не отличительная особенность мистическаго культа[2]).

(Ζεὺς ἱκέσιος), прилагаетъ къ нему тотъ же эпитетъ ἀπαραίτητος, какой и къ гнѣву Кавировъ.

[1]) Strab. X, 466: τοσαύτη δ'ἐστὶν ἐν τοῖς λόγοις ποικιλία, τῶν μὲν τοὺς αὐτοὺς τοῖς Κουρῆσι τοὺς Κορύβαντας καὶ Καβείρους καὶ Ἰδαίους Δακτύλους καὶ Τελχῖνας ἀποφαινόντων, τῶν δὲ συγγενεῖς ἀλλήλων καὶ μικράς τινας αὐτῶν πρὸς ἀλλήλους διαφορὰς διαστελλομένων κτὲ.

[2]) Называя эту черту общей, свойственной вообще еллинской религіи, я далекъ отъ мысли признавать ее отличительной чертой религіи Грековъ. То же явленіе замѣчается и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ другихъ народовъ, напр., у Индусовъ (L. v. Schroeder, Indiens Literat. und Cultur, Leipz. 1887, S. 77) и у Египтянъ (Chantepie de la Sausaye, Lehrbuch der Religionsgesch. Freib. 1887—89, I, 309).

Всего чаще Кавиры были отожествляемы съ Діоскурами. Когда установилась связь культа Діоскуровъ съ культомъ Кавировъ въ Самоѳракіи, на это нѣтъ прямыхъ указаній отъ древности, но несомнѣнно она относится не къ первымъ стадіямъ развитія культа Кавировъ, а къ позднѣйшимъ. Въ миѳѣ о походѣ Аргонавтовъ, сообщаемомъ у Діодора, Діоскуры, участники этого похода, не только не поставлены въ связь съ Кавирами, но даже не посвящены въ самоѳракійскія мистеріи[1]). Аполлоній родосскій, тщательно собиравшій преданія объ Аргонавтахъ, нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы Діоскуры были посвящены въ самоѳракійскія мистеріи раньше того времени, какъ они отправились въ Колхиду, вмѣстѣ съ другими героями, мимо Самоѳракіи. Эти факты указываютъ, что древніе Греки колебались признавать въ своихъ миѳахъ связь Діоскуровъ съ Кавирами исконной и не простирали ее до временъ, предшествовавшихъ миѳическому походу Аргонавтовъ.

Лобекъ, сопоставивъ слова Иродота III, 37, гдѣ онъ разсказываетъ, что въ Египтѣ, въ Мемфисѣ, были почитаемы Кавиры, съ свидѣтельствомъ того же историка II, 47 а также II, 50 о томъ, что Діоскуры были въ его время совершенно неизвѣстны Египтянамъ, пришелъ къ тому выводу, что во времена Иродота греческіе Кавиры не были еще отожествляемы съ Діоскурами[2]). Эта аргументація, принятая безъ всякаго колебанія учеными, писавшими по данному вопросу послѣ Лобека[3]), слабо и недостаточно обоснована. Можно ли на основаніи того факта, что Кавиры не были отожествляемы съ Діоскурами въ Египтѣ, заключать, что не были они отожествляемы въ то же время въ Греціи? Но при всей слабости доводовъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Лобека о томъ, что во время Иродота культъ Діоскуровъ не былъ еще соединенъ съ культомъ Кавировъ. Когда Діоскуровъ начали отожествлять съ Кавирами, въ точности неизвѣстно. Прямыя указанія на это не восходятъ далѣе второго вѣка до Р. Х.

Относительно связи культа Діоскуровъ съ самоѳракійскими Кавирами мало свидѣтельствъ у древнихъ авторовъ. Кромѣ косвеннаго указанія въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ Діодора, о почитаніи Діоскуровъ на Самоѳракіи можно заключать на основаніи слѣдующихъ словъ одного орфическаго гимна:

ἐν Σαμοθρῄκῃ ἄνακτες, ὁμοῦ Ζηνὸς κόροι αὐτοί...[1]).

Мало указаній и на то, чтобы въ Самоѳракіи Діоскуры были отожествляемы съ Кавирами[2]). Но есть много фактовъ, которые ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія отожествленіе Діоскуровъ съ этими божествами въ другихъ мѣстахъ Еллады, въ особенности на Дилосѣ. Въ дилосскихъ надписяхъ встрѣчаются жрецы Діоскуровъ-Кавировъ[3]). Совпаденіе чертъ Діоскуровъ и Кавировъ въ культѣ Ἄνακτες παῖδες віотійскаго города Амфиссы видно изъ слѣдующихъ словъ Павсанія: ἄγουσι δὲ καὶ τελετὴν οἱ Ἀμφισσεῖς Ἀνάκτων καλουμένων παίδων· οἵτινες δὲ θεῶν εἰσιν οἱ Ἄνακτες παῖδες, οὐ κατὰ ταὐτά ἐστιν εἰρημένον, ἀλλὰ εἶναι Διοσκούρους, οἱ δὲ Κούρητας, οἱ δὲ πλέον τι ἐπίστασθαι νομίζοντες Καβείρους λέγουσιν[4]). Вслѣдствіе синкрасіи Кавировъ съ Діоскурами на послѣднихъ былъ перенесенъ прилагавшійся къ Кавирамъ эпитетъ μεγάλοι. Подъ такимъ названіемъ Діоскуры были почитаемы въ аттическомъ димѣ Кефалѣ[5]), въ

---

[1]) Diod. IV, 43, 1.

[2]) Lobeck, Aglaoph. p. 1212.

[3]) См., напр., Roscher, Ausführl. Lex. S. 1164 (A. Furtwängler).

[1]) Orph. Hymn. XXXVIII, 21 Abel.

[2]) О почитаніи Діоскуровъ на Самоѳракіи см. Plut. Aem. Paul. c. 23. Euseb. Praep. Euang. I, 10, 14 Dind. Тутъ Евсевій называетъ Діоскуровъ, сыновей Сидика, Кавирами, Коривантами и Самоѳракійскими божествами. Serv. Aen. III, 12: simulacra duo virilia Castoris et Pollucis на Самоѳракіи. Dion. Hal. I, 68. Ovid. Trist. I, 10, 45.

[3]) CIG nº 2296. Bull. de corr. hellén. VII, 329 и въ др. мѣстахъ.

[4]) Paus. X, 38, 7.

[5]) Paus. I, 31 1.

Анданіи[1]), въ аркадскомъ городѣ Клиторѣ[2]) и въ другихъ мѣстахъ Греціи. На памятникахъ древняго искусства и въ особенности на монетахъ Кавиры нерѣдко изображались въ видѣ Діоскуровъ, съ символическими шапочками на головѣ, которыя обыкновенно озарены звѣздами. На Діоскуровъ Греки перенесли многія черты Кавировъ и стали смотрѣть на нихъ какъ на существа, спасающія, подобно Кавирамъ, отъ бурь на морѣ и отъ житейскихъ опасностей[3]). По всей вѣроятности подъ вліяніемъ смѣшенія Діоскуровъ съ Кавирами ихъ иногда представляли въ количествѣ трехъ существъ, а не двухъ, но это представленіе не получило широкаго распространенія и указаніе на него встрѣчается у очень немногихъ авторовъ[4]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такое тѣсное сближеніе, доходящее нерѣдко до отожествленія, возможно только подъ условіемъ сходства въ самыхъ существенныхъ чертахъ, въ основныхъ представленіяхъ. Сходство въ нѣкоторыхъ частностяхъ, при различіи въ самой основѣ, не могло бы развить отожествленія этихъ божествъ. Различіе въ основѣ всегда выдвигало бы между ними рознь, которая не позволила бы даже сблизить культъ Діоскуровъ съ культомъ Кавировъ, не говоря уже объ ихъ отожествленіи. Въ виду этихъ соображеній едва ли можно оспаривать ту мысль, что въ самой основѣ своей представленіе о Кавирахъ и Діоскурахъ было сходнымъ, а это даетъ возможность опредѣлить одну изъ основныхъ чертъ Кавировъ на основаніи аналогіи съ Діоскурами. Основной чертой Діоскуровъ было представленіе о свѣтѣ въ его постоянномъ чередованіи, постоянной борьбѣ съ мракомъ. Итакъ Кавиры, по основному представленію о нихъ, были божествами свѣта.

---

[1]) Dittenberger SIG nº 388, l. 69, 91. Μεγάλοι θεοί, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не Кавиры, какъ думалъ Г. Заупне (Sauppe, Die Mysterieninschrift aus Andania S. 43 f.), а Діоскуры.

[2]) Paus. VIII, 21, 4.

[3]) Max. Tyr. XV, 7.

[4]) Cic. ND. III, 21: Διόσκουροι etiam apud Graios multis modis nominantur; primi tres, qui appellantur anaces, Athenis ex Iove rege antiquissimo et Proserpina nati etc.

Кромѣ Діоскуровъ Кавиры были отожествляемы съ Куритами, Коривантами, Идейскими Дактилями и Тельхинами. Прямое указаніе на отожествленіе ихъ съ этими существами представляетъ Стравонъ[1]). Рядъ свидѣтельствъ другихъ авторовъ подтверждаетъ его слова, указывая на почитаніе этихъ существъ въ связи съ самоѳракійскими Кавирами. Такъ, въ одномъ орфическомъ гимнѣ говорится о Куритахъ:

Χαλκόκροτοι Κουρῆτες, Ἀρήια τεύχε᾽ ἔχοντες...
οἵτε Σαμοθρήκην, ἱερὴν χθόνα, ναιετάοντες κτέ[2]).

Нѣсколько ниже въ томъ же гимнѣ читаемъ:

Κουρῆτες Κορύβαντες, ἀνάκτορες εὐδύνατοί τε
ἐν Σαμοθρήκῃ ἄνακτες κτέ[3]).

Относительно Коривантовъ Ферекидъ свидѣтельствуетъ, что былъ миѳъ, по которому Кориванты, сыновья Аполлона и нимфы Ритіи, поселились на Самоѳракіи — прямое указаніе на установленіе тамъ ихъ культа[4]). Это подтверждается слѣдующими словами Нонна Панополитанскаго:

ἄντρα Καβείρων,
χαίρετε, καὶ σκοπιαὶ Κορυβαντίδες κτέ[5]).

Кромѣ того Кавиры отожествляются съ Коривантами въ схоліяхъ въ комедіи Аристофана „Миръ"[6]) и у Климента Александрійскаго[7]). Тѣсная связь, въ какой стояли на Самоѳракіи миѳы о Кавирахъ съ миѳами о Коривантахъ, видна въ приведенномъ у Діодора разсказѣ, заимствованномъ, очевидно, изъ мѣстныхъ самоѳракійскихъ преданій о томъ,что послѣ смерти Ясіона сынъ его Коривантъ, Кивела и Дарданъ перенесли изъ Самоѳракіи въ Азію свя-

---

[1]) Strab. X, 472. Cf. Eustath. II. IX, 524: οἱ δέ φασι Κουρῆτας καὶ Κορύβαντας καὶ Καβείρους—μικρὰν ἔχειν διαστολήν.

[2]) Orph. Hymn. XXXVIII, 1 sqq.

[3]) Orph. Hymn. XXXVIII, 20 sq.

[4]) Strab. X, 472. Cf. Suid. ἀλλ'εἴ τις... ἦν δ' ἐκεῖσε (т. е. на Самоѳракіи) καὶ τὰ τῶν Κορυβάντων μυστήρια. Ibid. Σαμοθράκη.

[5]) Nonn. Dionys. IV, 183 sq.

[6]) Schol. Aristoph. Pac. v. 277.

[7]) Clem. Alex. Cohort. c. 2 p. 6 Sylb.

тыни Матери боговъ. Такъ какъ Ясіонъ считался установителемъ самоѳракійскихъ мистерій, то, очевидно, миѳы о Коривантѣ и Коривантахъ были соединены съ миѳами, касавшимися самыхъ важныхъ сторонъ этихъ мистерій, ихъ установленія и первоначальной судьбы. Кромѣ того, свидѣтельства о почитаніи Коривантовъ на Самоѳракіи встрѣчаются у Ликофрона[1]) и Діонисія періигита[2]).

Менѣе указаній отъ древности сохранилось относительно связи съ Кавирами Идейскихъ Дактилей, но свидѣтельства Стравона, Діодора и Арнобія ставятъ этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. Стравонъ говоритъ объ отожествленіи Кавировъ съ Дактилями[3]). Діодоръ, слѣдуя Ефору, передаетъ сказаніе о томъ, что эти миѳическія существа перешли изъ Фригіи въ Европу и поселились на Самоѳракіи; будучи чародѣями, зная силу заклинаній и таинственные мистическіе обряды, они наводили ужасъ на мѣстныхъ жителей[4]). О почитаніи Дактилей на Самоѳракіи свидѣтельствуетъ Арнобій, называя ихъ божествами самоѳракійскими[5]). Но всѣ эти указанія такъ отрывочны, что нѣтъ возможности опредѣлить даже общій характеръ тѣхъ миѳовъ, въ которыхъ излагалась исторія Дактилей и разсказывалось о дѣяніяхъ, сближавшихъ ихъ съ миѳическими судьбами Кавировъ. Предъ нами выступаетъ одинъ голый фактъ отожествленія Дактилей съ самоѳракійскими Кавирами и почитанія ихъ на Самоѳракіи.

Еще менѣе свѣдѣній сохранилось отъ древности о связи съ Кавирами Тельхиновъ. Едва ли не единственнымъ указаніемъ на это служатъ слова Стравона[6]), но Стравонъ не говоритъ, что онъ имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду самоѳракійскихъ Тельхиновъ. Замѣчаніе Лобека, что миѳы о Тельхинахъ не связаны съ самоѳракійскими преданіями[1]), остается, такимъ образомъ, не безъ значенія. Нельзя указать ни на одно мѣсто у древнихъ авторовъ, въ которомъ бы прямо указывалось на почитаніе Тельхиновъ на Самоѳракіи, но сходныя черты, соединявшія, по свидѣтельству другихъ авторовъ, Тельхиновъ съ родственными Кавирамъ существами, Коривантами, Куритами и Идейскими Дактилями, устанавливаютъ, хотя и косвеннымъ образомъ, несомнѣнную связь между ими и Кавирами[2]).

Какая же общая черта соединяла Кавировъ со всѣми этими божествами? Стравонъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: ὡς δὲ τύπῳ εἰπεῖν καὶ κατὰ τὸ πλέον, ἅπαντας ἐνθουσιαστικούς τινας καὶ βακχικοὺς καὶ ἐνοπλίῳ κινήσει μετὰ θορύβου καὶ ψόφου καὶ κυμβάλων καὶ τυμπάνων καὶ ὅπλων, ἔτι δ' αὐλοῦ καὶ βοῆς ἐκπλήττοντας κατὰ τὰς ἱερουργίας ἐν σχήματι διακόνων κτέ[3]). Но на такихъ внѣшнихъ чертахъ сходства, конечно, нельзя остановиться. Необходимо опредѣлить ту внутреннюю черту, которая дала основу для сближенія этихъ миѳическихъ существъ, а такой чертой, общей всѣмъ имъ, было, очевидно, представленіе объ огнѣ подземномъ, о силѣ вулканической. Эта черта совершенно ясна въ Кавирахъ, Куритахъ, Коривантахъ и Дактиляхъ, и только она одна является общей имъ всѣмъ; прочія черты представляютъ уже индивидуальныя отличія между ними и какъ таковыя онѣ, конечно, не могли служить основой для ихъ сближенія. Такъ, миѳы приписываютъ Куритамъ изготовленіе различныхъ металлическихъ издѣлій. Важенъ тотъ фактъ, что греческія преданія указываютъ на тѣ области древней Еллады, которыя были богаты металлами, какъ

---

[1]) Lycophr. Alex. v. 78.

[2]) Dionys. Perieg. v. 524. Cf. Priscian. Dionys. interpret. de orbis situ, v. 545 sq.

[3]) Strab. VI, 331 fr. 51.

[4]) Diod. V, 64, 4. FTG, Soph. fragm. 337, Nauck².

[5]) Arnob. III, 41: In diversis Nigidius scriptis lares dicit modo tectorum domumque custodes, modo Curetes illos, qui occultasse perhibentur Iovis aeribus aliquando vagitum, modo Digitos samothracios etc.

[6]) Strab. X p. 466.

[1]) Lobeck, Aglaoph. p. 1201.

[2]) Strab. l. c. X, 466.

[3]) Strab. X, 473: πιθανὸν δέ φησιν ὁ Σκήψιος Κουρῆτας μὲν καὶ Κορύβαντας εἶναι τοὺς αὐτούς. Cf. Ovid. Fast. IV, 209:

pars clypeos rudibus, galeas pars tundit inanes:
hoc Curetes habent, hoc Corybantes opus.

на мѣста жительства Куритовъ. Присутствіе идеи о силѣ вулканическаго огня замѣтно въ Коривантахъ, да и не могло быть иначе, такъ какъ они вполнѣ отожествляются съ Куритами. Идейскіе Дактили представлялись въ миѳахъ Еллиновъ искусными мастерами. Среди миѳовъ объ этихъ существахъ сказанія относительно обработки ими металловъ стояли не на послѣднемъ мѣстѣ. Что касается до родственныхъ Дактилямъ Тельхиновъ, то въ самомъ названіи ихъ древніе Греки видѣли связь съ словомъ τῆξις, означающимъ плавку металловъ [1]). Хотя и нельзя придавать научнаго значенія этому словопроизводству, но оно важно для миѳологическихъ изслѣдованій въ томъ отношеніи, что указываетъ, какая черта, по представленіямъ древнихъ Грековъ, легла въ основу образованія миѳовъ о Тельхинахъ. Стравонъ сообщаетъ миѳъ, по которому Тельхины изобрѣли обработку желѣза и мѣди и приготовили для Крона тотъ серпъ, которымъ онъ лишилъ Урана производительной силы [2]). По Діодору Тельхинамъ приписывалось изготовленіе первыхъ статуй боговъ [3]). Евстаѳій въ схоліяхъ къ Иліадѣ говоритъ, что по нѣкоторымъ миѳамъ Тельхины, числомъ три, носили имена χρυσός, ἄργυρος, χαλκός,—имена тѣхъ металловъ, обработку которыхъ они изобрѣли [4]). Кромѣ того, цѣлый рядъ указаній у древнихъ авторовъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что одной изъ важныхъ чертъ въ представленіи о Тельхинахъ была идея объ огнѣ, которая такъ тѣсно связана въ греческихъ миѳахъ съ представленіемъ о вулканическихъ силахъ и о богѣ огня Ифестѣ [5]). Та же черта замѣчается и въ

[1]) Hesych. Τελχῖνες· βάσκανοι· γόητες· φθονεροί· ἢ παρὰ τὴν τῆξιν ἢ παρὰ τὸ θέλγειν.

[2]) Strab. XIV, 654.

[3]) Diod. V, 55, 2.

[4]) Eustath. Schol. II. IX, 525.

[5]) Callim. Hymn. in Apoll. Del. 31. Stat. Silv. IV, 6, 47 sq. Theb. II, 274 sq. Дешармъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ о Тельхинахъ: Il est impossible de ne pas reconnaître en eux des génies du feu. Decharme, Mythol. p. 271.

Кавирахъ. У Фотія читаемъ: Κάβειροι· Ἥφαιστοι ἤτοι Τιτᾶνες [1]). Смыслъ отожествленія Кавировъ съ Ифестомъ совершенно ясенъ. Ифестъ славился искусствомъ приготовлять различныя издѣлія изъ металловъ. Чудныя произведенія, выходившія изъ его мастерской, восхваляются повсюду въ греческихъ миѳахъ, начиная съ Омира.

О присутствіи въ представленіяхъ о Кавирахъ идеи огня свидѣтельствуетъ большое количество сохранившихся до настоящаго времени монетъ, на которыхъ находимъ изображенія ихъ съ атрибутомъ Ифеста,—съ молоткомъ въ рукѣ.

Смѣшеніе Кавировъ съ такими существами еллинской миѳологіи, въ которыхъ явственно обнаруживается присутствіе вулканическихъ силъ, въ основу представленія о которыхъ легла идея подземнаго огня, дало французскому ученому П. Росиньолю основаніе утверждать, что Кавиры исключительно представляли собой божества, изобрѣвшія искусство металлургіи.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Россиньоль старается доказать, что изобрѣтеніе плавки металловъ послужило основаніемъ установленія мистерій Кавировъ [2]). Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Подобной основы совершенно недостаточно для мистическаго культа, который требуетъ всегда этической подкладки. Знаніе какого-нибудь искусства или ремесла можетъ послужить основой только для учрежденія общества художниковъ или ремесленниковъ, а не общества мистовъ, которые требуютъ отвѣтовъ на тревожные запросы мысли о нравственныхъ началахъ дѣятельности человѣка, о жизни загробной, о смыслѣ, высшемъ значеніи и цѣляхъ земной жизни. Гдѣ аналогичные примѣры въ религіяхъ другихъ народовъ, которые указывали бы на то, что открытіе искусства ковать металлы или обрабатывать землю стало основой какого-нибудь мистическаго культа? Россиньоль

[1]) Phot. Lex. v. Κάβειροι. Предложенная Лобекомъ Aglaoph. p. 1249 поправка: Ἥφαίστου ἢ Τιτᾶνες не можетъ быть признана удачной. Форма Τιτᾶνες указываетъ, что должно предшествовать не Ἥφαίστου, а Ἥφαιστοι.

[2]) Rossignol, Les métaux, p. 11: Il s'agit de montrer que, comme l'invention du blé et de la vigne, la decouverte des métaux servit de fondement à une institution de mystères. Cf. ibid. p. 12.

ихъ не приводитъ. Нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что во времена Омира было уже извѣстно искусство обрабатывать металлы, а между тѣмъ Омиръ не знаетъ не только мистерій Кавировъ, но и вообще никакихъ мистерій. Какъ же примирить это противопоказаніе съ теоріей Россиньоля? Если допустить, что мистеріи Кавировъ были установлены обществомъ металлурговъ не вскорѣ послѣ открытія искусства плавить металлы, а много времени спустя послѣ этого открытія, то ясно, что не металлургія была основой мистерій Кавировъ. А утверждать, что эти мистеріи были установлены незначительное время спустя послѣ этого открытія и настаивать на томъ, что онѣ существовали въ Греціи раньше Омира, не значитъ ли это представлять ничѣмъ недоказанный доводъ въ защиту данной теоріи?

Теорія Россиньоля вызываетъ еще одно возраженіе. Если металлургія была основой мистерій Кавировъ, то отчего же онѣ не были установлены въ мѣстностяхъ особенно богатыхъ металлами, каковы Лавріонъ и островъ Θасосъ? Послѣдній славился въ древности своими рудниками, а между тѣмъ не онъ, а близкая къ нему Самоѳракія была избрана мѣстомъ для празднованія мистерій Кавировъ—Самоѳракія, вовсе не богатая рудниками.

Представленіе объ огнѣ вулканическомъ, подземномъ, о металлургіи было одной изъ чертъ, которыя приписывали Кавирамъ, но оно не было чертой исключительной, единственной, не было тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ основаны мистеріи Кавировъ.

При сравненіи Кавировъ съ тѣми божествами, съ которыми они были отожествляемы, выступаетъ еще новая черта. Кавиры были сближаемы и даже отожествляемы на Самоѳракіи съ аграрными божествами—Дарданомъ и Ясіономъ [1]). Въ Віотіи они также были поставлены въ связь съ аграрной богиней Димитрой [2]). Эти факты послужили основаніемъ для другого крайняго вывода въ несходномъ съ Россиньолемъ направленіи. Е. Гессельмайеръ въ своемъ изслѣдованіи „Вопросъ о Пеласгахъ“

[1]) FHG IV, 345, 1.
[2]) Paus. IX, 25, 5 sq.

высказалъ мысль, что Кавиры были въ основѣ своей божествами аграрными [1]). Но нѣтъ основанія полагать, что представленіе о Кавирахъ, какъ о божествахъ аграрныхъ, было основной чертой ученія о нихъ, такъ какъ въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ о Кавирахъ ея не замѣчается. Эсхилъ представляетъ Кавировъ покровителями винодѣлія, а извѣстно, какъ строго отличала греческая миѳологія культъ божествъ винодѣлія отъ божествъ аграрныхъ; тѣ и другія божества представляли со своими спутниками совершенно отдѣльные циклы. Миѳы, которые ставятъ Кавировъ въ связь съ аграрными божествами, позднѣйшаго происхожденія; они внесены въ эту область подъ вліяніемъ мистерій елевсинскихъ.

Противъ теоріи Гессельмайера, такъ же какъ противъ теоріи Россиньоля, говоритъ природа тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ установленъ культъ Кавировъ. Еслибы они по самому существу своему были аграрными божествами, то культъ ихъ былъ бы установленъ въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, подобно культу Димитры и Коры, а ни Самоѳракія, ни Лимносъ, ни Имвросъ не славились плодородіемъ своихъ полей. Кромѣ того, представленіе о Кавирахъ, какъ о божествахъ по самой природѣ своей аграрныхъ, не можетъ быть признано вѣрнымъ при взглядѣ на общій характеръ развитія ученія древнихъ Грековъ о своихъ божествахъ. Какимъ образомъ изъ этой черты могло развиться представленіе о Кавирахъ, какъ о богахъ, спасающихъ отъ житейскихъ опасностей и отъ гибели на морѣ? Для подтвержденія своей мысли Гессельмайеръ долженъ былъ привести аналогичные факты изъ области развитія греческихъ религіозныхъ вѣрованій или по крайней мѣрѣ изъ религій другихъ народовъ, но этого онъ не дѣлаетъ, да и едва ли возможно исполнить такую задачу. Димитра, эта несомнѣнно аграрная богиня, не представляется въ греческихъ миѳахъ спасающей отъ гибели на морѣ. А гдѣ въ вѣрованіяхъ другихъ

[1]) E. Hesselmayer, Die Pelasgerfrage, S. 56: die pelasgischen Kabiren nichts anders waren, als Wettergeister und zwar anfangs Flur—später Seedämonen.

народовъ аграрныя божества спасаютъ отъ бурь на морѣ? Въ ученіи о Кавирахъ, дѣйствительно, замѣчается представленіе о нихъ какъ о божествахъ аграрныхъ, но эта черта не была основной и первоначальной чертой этихъ божествъ.

Анализъ существенныхъ особенностей тѣхъ божествъ, съ которыми были отожествляемы Кавиры, раскрылъ въ ученіи о нихъ три черты: представленіе о свѣтѣ, объ огнѣ и о производительной аграрной силѣ. Ни одна изъ этихъ чертъ не была преобладающей въ общемъ типѣ Кавировъ, но онѣ выдвигались съ большей или меньшей силой въ различныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ природы страны, гдѣ былъ установленъ культъ этихъ божествъ. Такъ, на Самоѳракіи и Имвросѣ, гдѣ явственнѣе выступаетъ дѣйствіе вулканическихъ силъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ культа Кавировъ, преобладающей чертой было представленіе о нихъ, какъ о божествахъ огня. На вулканическомъ же Лимносѣ, который славился притомъ виноградомъ, Кавиры являются не только божествами огня, но и покровителями винодѣлія. Въ Віотіи, гдѣ находились пространства удобныя для земледѣлія и воздѣлыванія винограда, особую силу получило представленіе о Кавирахъ, какъ о божествахъ аграрныхъ и покровителяхъ винодѣлія. Такъ какъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ тѣ же физическія условія дѣйствовали и до утвержденія культа Кавировъ, то въ представленіи о тѣхъ божествахъ, которыя были почитаемы тамъ раньше Кавировъ, преобладали тѣ же черты. На Самоѳракіи въ глубокой древности, въ Омировскія времена, еще до утвержденія культа Кавировъ господствовалъ культъ Посидона—бога, потрясающаго землю[1]). На Лимносѣ господствующимъ былъ культъ Ифеста, бога подземнаго огня[2]), а въ Віотіи раньше Кавировъ былъ установленъ культъ Димитры и Діониса[3]), божествъ земледѣлія и

[1]) Il. XIII, 10 sq.

[2]) Il. I, 593 sq. Cf. Odyss. VIII, 283 sq.

[3]) Что культъ Димитры былъ установленъ въ Віотіи раньше культа Кавировъ, видно уже въ томъ преданіи, по которому Димитра установила вблизи Ѳивъ почитаніе этихъ божествъ. Paus. IX, 25, 6 sq. А фактъ древнѣйшаго существованія въ этой области культа Діониса едва ли требуетъ доказательствъ.

винодѣлія[1]). При такомъ сходствѣ представленій о Кавирахъ и о тѣхъ божествахъ, которыя были почитаемы раньше ихъ въ тѣхъ же мѣстахъ, можно полагать, что культъ этотъ былъ введенъ легко, безъ той борьбы, какая неизбѣжна при столкновеніи двухъ различныхъ вѣрованій. Новыя божества, не враждебныя, по представленіямъ древнихъ Грековъ прежнимъ, отодвинули послѣднихъ на задній планъ, но не вытѣснили ихъ вполнѣ, да въ этомъ и не было надобности при согласіи въ представленіяхъ объ ихъ основныхъ, общихъ чертахъ.

Присутствіе указанныхъ выше трехъ чертъ въ представленіяхъ о Кавирахъ приводитъ къ мысли, что миѳы о нихъ сложились по аналогіи съ миѳами объ Аполлонѣ. Дѣйствительно, эта аналогія проведена въ такой строгой послѣдовательности, что нельзя не удивляться, какъ этотъ фактъ до настоящаго времени оставался совершенно незамѣченнымъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что одной изъ основныхъ чертъ въ представленіи объ Аполлонѣ было ученіе о немъ, какъ о божествѣ свѣта, о солнечномъ божествѣ[2]). На присутствіе этой черты въ представленіи о Кавирахъ указываетъ ихъ отожествленіе съ Діоскурами.

Кавиры были поставлены въ тѣсную связь съ дѣломъ изобрѣтенія и производства искусствъ, на что указываетъ отожествленіе ихъ съ Куритами, Коривантами, Идейскими Дактилями и Тельхинами, ихъ миѳическое происхожденіе отъ Ифеста и отожествленіе съ Ифестомъ. Аполлонъ также признавался покровителемъ искусствъ. Соединеніе этихъ двухъ чертъ въ представленіи объ Аполлонѣ возникло, по всей вѣроятности, вслѣдствіе сближенія свѣта небеснаго и свѣта земнаго — огня, какъ необходимаго условія для существованія искусствъ и ремеслъ

[1]) Зависимость представленій о Кавирахъ отъ условій природы той мѣстности, гдѣ онъ былъ устанавливаемъ, несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что культъ этотъ не былъ принятъ Греками въ видѣ вполнѣ сложившемся, а развивался на греческой почвѣ.

[2]) См. Roscher, Ausführl. Lex. d. Mythol. S. 422 f.

по представленіямъ самихъ Грековъ [1]). Близкая связь этихъ представленій въ ученіи о греческихъ божествахъ замѣтна уже у Омира въ изображеніи дружеской связи Аполлона, бога свѣта небеснаго, и Ифеста, бога огня [2]). Связь этихъ представленій явно обнаруживается въ миѳахъ древнихъ Грековъ о происхожденіи отъ Аполлона Коривантовъ—божествъ огня [3]). Связь эта, а вмѣстѣ съ тѣмъ связь культа Кавировъ съ культомъ Аполлона, видна въ обрядахъ мистерій лимносскихъ Кавировъ. Лимносцы во время праздника въ честь этихъ боговъ тушили огонь на всемъ островѣ и привозили новый огонь изъ Дилоса, посвященнаго Аполлону. Наконецъ, соединеніе этихъ чертъ замѣтно на памятникахъ искусства и монетахъ. На Солунскихъ монетахъ встрѣчаются изображенія Кавира съ аттрибутами Аполлона и Ифеста—въ лавровомъ вѣнкѣ на головѣ и съ молоткомъ въ рукѣ [4]).

Въ Кавирахъ замѣтны черты аграрныхъ божествъ; тѣ же черты приписывались Аполлону. Уже въ (Омировскомъ) гимнѣ, составленномъ въ честь этого божества говорится:

λίην γάρ τινά φασιν ἀτάσθαλον Ἀπόλλωνα
ἔσσεσθαι, μέγα δὲ πρυτανευσέμεν ἀθανάτοισιν
καὶ θνητοῖσι βροτοῖσιν ἐπὶ ζείδωρον ἄρουραν [5]).

Замѣтна эта черта и въ цѣломъ рядѣ миѳовъ, а въ особенности въ эпитетахъ Аполлона Ἐρυθίβιος [6]) и Σιτάλκας [7]). По

[1]) Aesch. Prometh. 253: Χο. καὶ νῦν φλογωπὸν πῦρ ἔχουσιν ἐφήμεροι; Προ. ἀφ' οὗ γε πολλὰς ἐκμαθήσονται τέχνας. Связь представленій объ огнѣ небесномъ и земномъ и соединеніе этихъ чертъ въ одномъ существѣ находимъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ другихъ народовъ. См. O. Caspari, Die Urgesch. II, 216.

[2]) Odyss. VIII, 302.

[3]) Strab. X, 472. Apollod. I, 3, 4.

[4]) Mionnet, I, 491, n° 303.

[5]) [Hom.] hymn. I, 67 Gemoll. Сравн. Soph. Oed. Tyr. 1103: τῷ γὰρ πλάκες ἀγρονόμοι πᾶσαι φίλαι.

[6]) Strab. XIII, 613. Ср. K. O. Müller, Proleg. 424. Roscher, Lex. S. 432.

[7]) Paus. X, 15, 2: ὁ δὲ Ἀπόλλων οὗτος καλεῖται μὲν ὑπὸ Δελφῶν Σιτάλκας κτέ.

свидѣтельству Діонисія аликарнасскаго Пеласги обѣщали Зевсу, Аполлону и Кавирамъ посвящать десятую часть всего, что будетъ у нихъ рождаться какъ изъ скота, такъ и отъ плодовъ [1]).

Итакъ всѣ три черты установленныя нами въ представленіи о Кавирахъ, соединялись въ представленіяхъ древнихъ Грековъ съ ученіемъ объ Аполлонѣ. Но на этомъ сходство между Кавирами и Аполлономъ не останавливается. Оно идетъ гораздо дальше. Уже выше было замѣчено, что Кавирамъ приписывалась сила спасать отъ бѣдствій на морѣ, отъ несчастій житейскихъ, а съ другой стороны они были грозными божествами и страшенъ былъ ихъ гнѣвъ.

Тѣ же черты приписывались и Аполлону. Изъ разсказа Павсанія о томъ, что въ Тризинѣ находился храмъ Аполлона Епиваторія, устроенный, по преданію, Діомидомъ, въ благодарность за спасеніе отъ бури на пути изъ Трои [2]), ясно, что Аполлону приписывалась сила спасать отъ несчастій на морѣ. На могущество Аполлона, проявлявшееся въ спасеніи отъ житейскихъ несчастій, указываетъ его эпитетъ ἀλεξίκακος [3]), а страшная сила его гнѣва описывается въ первой пѣсни Иліады [4]).

Къ Кавирамъ присоединялся эпитетъ μεγάλοι, тотъ же эпитетъ уже у Омира присоединяется къ Аполлону [5]). Объ амфиссейскихъ Ἄνακτες Павсаній говоритъ, что „болѣе свѣдущіе люди" признавали ихъ Кавирами, а не Діоскурами. Эпитетъ ἄναξ особенно часто прилагается у Омира къ Аполлону. Ф. Шварцъ въ изслѣдованіи „De antiquissima Apollinis natura" пишетъ объ этомъ слѣдующее: Nominantur quidem et alii dii ἄνακτες, sed tam vulgaris est illa Apollinis apud Homerum allocutio, tam saepe,

[1]) Dion. Hal. I, 23.

[2]) Paus. II, 32, 2.

[3]) Paus. VIII, 41, 5 (8) Cf. Аполлонъ-спаситель (σωτήρ) Aesch. Agam. 512 и покровитель (προστάτης) Soph. Trach. 209. Cf. El. 637.

[4]) Il. I, 9 sq. Cf. Il. IV, 514: δεινὸς θεός. См. также F. Schwartz De antiquissima Apollinis natura, Berol. 1843, p. 6 sq.

[5]) Il. V, 434.

ipso dei nomine omisso, occurit, libenter ut causam, propter quam huic potissimum datum sit hoc epitheton, arripias[1]).

Аполлону приписывалась сила очистительная. Это былъ θεὸς καθάρσιος. Та же очистительная сила приписывалась и Кавирамъ. По приказанію Зевса они очистили оскверненную прикосновеніемъ къ роженицѣ и къ трупу Ангелу, дочь Зевса и Иры[2]). Аполлонъ былъ богомъ вѣщимъ. Его оракулы окружены были величайшей славой въ древнемъ мірѣ. И Кавирамъ приписывался дивный даръ открывать будущее, и у этихъ боговъ, по свидѣтельству Аѳанасія александрійскаго, былъ свой оракулъ на Самоѳракіи[3]).

Сходство чертъ, приписывавшихся Кавирамъ и Аполлону, приводитъ къ тому выводу, что въ основѣ представленій объ этихъ божествахъ лежала общая черта. Только при полномъ соотвѣтствіи основной черты въ представленіи объ Аполлонѣ и о Кавирахъ возможно такое согласіе въ частностяхъ, какое замѣчается при сопоставленіи этихъ божествъ.

Основной чертой въ ученіи объ Аполлонѣ было представленіе о свѣтѣ,—слѣдовательно и Кавиры первоначально, въ основной формѣ представленія о нихъ, были божествами свѣта, а затѣмъ уже изъ этой основной черты развились остальныя, по-

---

[1]) Schwartz, De antiquissima Apollinis natura, p. 56. Въ доказательство своихъ словъ Шварцъ приводитъ слѣдующія мѣста изъ Омира: Il. I, 36; VII, 23, 37; XXI, 461. Od. VIII, 323, 334, 339. Cf. Schol. Aristoph. Plut. v. 438: ἄνακτα ἰδίως τὸν Ἀπόλλωνα, ὡς ἀλεξίκακον.

[2]) Schol. Theocr. II, 12.

[3]) Plut. Apophth. lacon. Lysandr. 10. S. Athanas. De incarn. c. 47 (Migne, patr. series graeca, XXV, p. 180 B): καὶ πάλαι μὲν τὰ πανταχοῦ τῆς ἀπάτης τῶν μαντείων ἐπεπλήρωτο, καὶ τὰ ἐν Δελφοῖς καὶ Δωδώνῃ καὶ Βοιωτίᾳ καὶ Λυκίᾳ καὶ Λιβύῃ καὶ Αἰγύπτῳ καὶ Καβείροις μαντεύματα καὶ ἡ Πυθία ἐθαυμάζοντο τῇ φαντασίᾳ τῶν ἀνθρώπων κτέ. На вѣщій даръ Кавировъ указываетъ также связь миѳовъ о нихъ съ миѳами о прорицателѣ Главкѣ, Diod. IV, 48, 7: εἰπεῖν δὲ (τὸν Γλαῦκόν φασι), ὡς διὰ τὰς Ὀρφέως εὐχὰς θεῶν (т. Кавировъ) προνοίᾳ φανεὶς αὐτοῖς σημαίνει τὰ μέλλοντα γενήσεσθαι.

добно тому, какъ развились онѣ изъ основного представленія объ Аполлонѣ, какъ богѣ свѣта.

Тотъ выводъ, что Кавиры были въ основѣ своей божествами свѣта, подтверждается сравнительнымъ изученіемъ ихъ культа. Божества, соотвѣтствовавшія Кавирамъ въ вѣрованіяхъ другихъ народовъ древности, также были въ основѣ своей божествами свѣта.

Къ культу Кавировъ были присоединяемы постепенно культы различныхъ божествъ Елады, съ другой стороны на него вліяли вѣрованія тѣхъ народовъ, съ которыми Грекамъ приходилось имѣть частыя сношенія—Фригійцевъ и Финикіянъ. Необходимо разсмотрѣть эти внѣшнія вліянія, внесенныя въ культъ самоѳракійскихъ Кавировъ какъ изъ области греческихъ, такъ и чужеземныхъ религіозныхъ вѣрованій. Прежде всего разсмотримъ вліяніе религіи Грековъ.

Уже Иродотъ говоритъ, что на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ былъ соединенъ культъ Ермія, котораго изображали съ αἰδοῖον въ возбужденномъ состояніи. Иродотъ замѣчаетъ, что въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ открывали посвященнымъ миѳъ (ἱερὸς λόγος), въ которомъ разъяснялась причина, почему Ермія представляли въ такомъ видѣ, но миѳа этого онъ не сообщаетъ[1]). С. Круа, а за нимъ Лобекъ и другіе ученые[2]) держались того мнѣнія, что миѳъ, о которомъ умалчиваетъ здѣсь Иродотъ, раскрывается у Цицерона въ томъ мѣстѣ его трактата „о природѣ боговъ“, гдѣ онъ сообщаетъ, что было у Грековъ нѣсколько Ерміевъ и одинъ изъ нихъ, сынъ Неба и Діи, изображался obscoenius excitata natura подъ вліяніемъ порыва его страстной любви къ Персефонѣ[3]). Эта догадка остроумна, но едва ли она основа-

---

[1]) Herod. II, 51. Ср. Евстаѳій, Il. XXI, 498.

[2]) S. Croix, Recherches I², 54. Lobeck, Aglaoph. p. 1213. Rossignol, Les métaux, p. 152. Lenormant, Daremb.-Saglio, Diction. p. 760.

[3]) Cic. ND. III, 22.

тельна. Во первыхъ, нѣтъ причинъ полагать, чтобы во времена Иродота культъ Персефоны былъ уже соединенъ на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ. Затѣмъ, миѳъ о страстной любви Ермія къ Персефонѣ вовсе не носитъ мистическаго характера и Цицеронъ сообщаетъ его, не дѣлая даже намека на то, чтобы онъ относился къ какому-нибудь мистическому ученію. Не будетъ ли поэтому совершенно произвольно относить этотъ миѳъ къ Самоѳракіи и пояснять имъ данное недосказанное мѣсто Иродота? Въ томъ видѣ изображенія Ермія, о которомъ говоритъ Иродотъ, явственно выражается идея любви и плодородія, идея вѣчно зараждающейся жизни природы [1]), но въ какой формѣ сложился данный миѳъ объ Ерміи на Самоѳракіи, лучше пройти молчаніемъ, чѣмъ вносить на мѣсто факта фикцію.

Фактъ почитанія на Самоѳракіи Ермія какъ особаго божества, несмотря на присутствіе въ самоѳракійской религіозной системѣ Кадмила, котораго древніе Греки сближали съ Ерміемъ, указываетъ, что они не были отожествлены, такъ какъ отожествленіе представленій о Кадмилѣ и объ Ерміи повело бы къ совершенному устраненію одного изъ этихъ божествъ въ самоѳракійской системѣ и, конечно, въ другихъ системахъ ученія о Кавирахъ, вслѣдствіе ихъ полнаго сліянія. Оба эти божества, несомнѣнно, имѣли свои особыя черты; сходство между ними, быть можетъ, не заходило дальше того, что оба они признавались вѣстниками и исполнителями воли высшихъ божествъ.

Кромѣ Ермія еще цѣлый рядъ греческихъ божествъ и героевъ былъ соединенъ на Самоѳракіи съ Кавирами. Стравонъ приводитъ свидѣтельство Артемидора о почитаніи на Самоѳракіи Димитры и Коры [2]). Эти божества сохраняли вездѣ въ древней Греціи

[1]) Интересно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что богомъ любви и плодородія признавали въ Карѳагенѣ Эсмуна, который въ финикійской религіозной системѣ соединялся съ божествами, имѣвшими сходство съ греческими Кавирами. См. Fr. Bethgen, Beiträge zur Semitischen Religionsgesch. Berl. 1888, S. 47 f. См. интересное соображеніе О. Крузіуса объ аграрномъ характерѣ Ермія, O. Crusius, Beitr. S. 18 ff.

[2]) Strab. IV p. 198. Cf. Orph. Argon. 26 sq. Abel.

свой основной характеръ, какъ божества аграрныя, сохраняли они его и на Самоѳракіи; но мѣстныя религіозныя вѣрованія должны были отразиться и на этомъ культѣ, должна была установиться нѣкоторая связь между старыми и новыми преданіями. Мѣстнымъ божествомъ, божествомъ, о которомъ сохранились болѣе древнія извѣстія, чѣмъ о Кавирахъ, былъ Посидонъ, вулканическая природа котораго со временемъ значительно сгладилась и отодвинута была на задній планъ въ силу представленія о немъ какъ о владыкѣ моря, вслѣдствіе этого и Димитра и Кора и другія божества, культъ которыхъ проникъ на Самоѳракію въ болѣе позднее время, чѣмъ культъ Кавировъ, должны были воспринять на этомъ островѣ нѣкоторыя черты свойственныя божествамъ моря. И дѣйствительно связь Димитры съ Посидономъ и присутствіе въ ученіи о ней на Самоѳракіи элементовъ, сближающихъ ее съ морскими божествами, обнаруживается въ томъ, что святилище ея было помѣщено тамъ у самой гавани, единственной удобной гавани на всемъ островѣ [1]). Относительно чертъ, соединявшихъ Кору съ морскими божествами на Самоѳракіи, нѣтъ никакихъ указаній отъ древности, но тутъ является посредствующимъ звеномъ Димитра. Если черты морскихъ божествъ отразились на ней, то должны были онѣ отразиться и на Корѣ.

Вмѣстѣ съ Димитрой и Корой были присоединены къ самоѳракійскимъ божествамъ и тѣ герои, которые входили въ циклъ миѳовъ о Димитрѣ и Персефонѣ—Дарданъ, Ясіонъ и Триптолемъ. О миѳахъ, въ которыхъ излагались на Самоѳракіи судьбы Дардана и Ясіона, была уже рѣчь выше. Относительно связи культа Триптолема съ самоѳракійскими миѳами о Димитрѣ

[1]) Plut. Aem. Paul. c. 26. T. Liv. XLV, 6. См. также O. Crusius, Beiträge, S. 23, Anm. 5. Не могу только согласиться съ мнѣніемъ Крузіуса, который видитъ въ чертахъ морскихъ божествъ, приписанныхъ Димитрѣ, вліяніе племени Тирренцевъ. Очевидно, эти черты возникли въ миѳѣ о Димитрѣ подъ вліяніемъ культа Посидона на Самоѳракіи, а развѣ этотъ культъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ племени тирренскихъ Пеласговъ?

свидѣтельствуетъ Игинъ. Такимъ образомъ съ самоѳракійскими миѳами были соединены тѣ миѳы, которые составляли основу другого мистическаго культа—елевсинскаго; боги и герои елевсинскихъ мистерій почитаемы были на мистическихъ торжествахъ, совершавшихся въ честь Кавировъ.

Миѳами о Дарданѣ и Ясіонѣ вводились въ самоѳракійскую систему миѳы о матери ихъ Илектрѣ и сестрѣ Армоніи. По свидѣтельству Ефора (въ схоліяхъ къ Еврипиду) существовалъ миѳъ, по которому Армонія была похищена приплывшимъ на-Самоѳракію Кадмомъ [1]). Этотъ миѳъ представляетъ аналогію съ елевсинскимъ миѳомъ о похищеніи Персефоны Плутономъ [2]).

Изъ надписей узнаемъ о почитаніи на Самоѳракіи Аѳродиты Каліады [3]). Связь Аѳродиты съ самоѳракійскими Кавирами засвидѣтельствована литературными памятниками и произведеніями искусства, о которыхъ уже приходилось говорить выше. Основой этой связи послужило то обстоятельство, что въ представленіе объ Аѳродитѣ входили нѣкоторыя черты, свойственныя морскимъ божествамъ. О. Крузіусъ остроумно замѣтилъ, что ипостазу этой богини представляетъ нимфа Левкоѳея, мать Меликерта, культъ которой былъ установленъ не только на Самоѳракіи, но и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ почитанія Кавировъ—въ Ѳивахъ и на Лимносѣ [4]). Миѳы о Левкоѳеѣ принадлежатъ уже не къ чисто греческимъ, а сложились они подъ вліяніемъ миѳовъ восточныхъ. Они представляютъ явный па-

[1]) Schol. Eurip. Phoen. 7.

[2]) О. Группе въ монографіи De Cadmi fabula p. 13 указалъ на другую сторону миѳа о Кадмѣ, представляющую аналогію съ миѳами елевсинскими: Группе проводитъ параллель между Триптолемомъ, сѣятелемъ хлѣба, и Кадмомъ, сѣятелемъ зубовъ дракона.

[3]) Conze, Reise auf d. Ins. d. Thrak. Meeres S. 69: ...ιχος (καὶ... κ)ρατος Ἀρχία | Διεῖς Ἀφροδίτῃ | Καλιάδι. Въ схоліяхъ къ Ликофрону встрѣчаются указанія на почитаніе Аѳродиты зиринѳской (Schol. Lyc. 449. 958). Такъ какъ зиринѳская пещера была на Самоѳракіи, то эти слова указываютъ на почитаніе Аѳродиты на этомъ островѣ.

[4]) O. Crusius, Beitr. S. 22, Anm. 6.

раллелизмъ съ миѳами города Іоппы о мѣстной богинѣ Деркето [1]).

Съ востока-же принесены на Самоѳракію и миѳы о „восточныхъ богахъ“, имѣвшіе связь съ миѳами о Левкоѳеѣ. Исихій говоритъ объ этихъ богахъ: ἀφροὶ θεοὶ οἱ ἐκ Δρόμου μετακομισθέντες εἰς Σαμοθράκην (ἢ) Λῆμνον [2]). Это совершенно отрывочное свѣдѣніе дополняется разсказомъ Діодора о θεοὶ προσηφοι. Діодоръ сообщаетъ о нихъ слѣдующее. Посидонъ полюбилъ сестру Тельхиновъ Алію и, вступивъ съ ней въ связь, родилъ шесть сыновей и одну дочь Роду, отъ которой получилъ свое названіе островъ Родосъ. Спустя нѣкоторое время, когда сыновья Посидона уже выросли, произошло слѣдующее. Аѳродита на пути изъ Кипра захотѣла однажды пристать къ Кипру, но поселившіеся тамъ сыновья Посидона не позволили ей высадиться. Тогда разгнѣванная богиня наслала на нихъ безуміе. Они изнасиловали свою мать и причинили много зла мѣстнымъ жителямъ. Посидонъ, узнавъ объ этомъ, скрылъ своихъ сыновей подъ землей отъ позора и названы они были προσηφοι δαίμονες, а Алія, мать ихъ, бросилась съ отчаянія въ море, получила имя Левкоѳеи и удостоилась чествованія на вѣчныя времена среди мѣстныхъ жителей [3]).

Имя этихъ боговъ, ихъ связь съ миѳами о нимфѣ Левкоѳеѣ и Тельхинахъ даетъ основаніе полагать, что это тѣ ἀφροὶ θεοί, о почитаніи которыхъ на Самоѳракіи говоритъ Исихій. Анализируя этотъ миѳъ, нельзя не замѣтить чертъ, связывающихъ „восточныхъ боговъ“ съ морскими божествами. Они сыновья Посидона, мать ихъ бросается въ море. Такимъ образомъ и тутъ является та же общая черта, какая замѣчается въ самоѳракійскихъ аграрныхъ божествахъ и въ самоѳракійской Аѳродитѣ, соединяющая всѣ эти божества въ тѣсный циклъ вокругъ Посидона и Кавировъ.

Изъ монетъ становится извѣстнымъ почитаніе на Самоѳракіи

[1]) O. Gruppe, Aethiologi enmythen, Philolog. 1889 (XLVII), S. 94 ff.

[2]) Hesych. v. v. Мы приняли чтеніе по конъектурѣ Лобека. Vulg. εἰς Σαμοθράκην λιμένα. Cod. λίμνην. Cf. Roscher, Lex. S. 387.

[3]) Diod. V, 55, 4 sqq.

Аѳины[1]). Конечно, находка на Самоѳракіи монетъ съ изображеніемъ Аѳины еще не свидѣтельствуетъ относительно связи ея съ Кавирами, но на эту связь указываютъ слова Варрона, который помѣщаетъ Аѳину среди божествъ самоѳракійской мистической тріады[2]).

Нельзя не замѣтить, что и Аѳинѣ не чужды были черты, на основаніи которыхъ греки сближали ее съ божествами моря[3]).

Изъ схолій къ Ликофрону узнаемъ о культѣ на Самоѳракіи Еката. Въ честь ея закалали тамъ собакъ и совершали оргіи въ Зиринѳской пещерѣ[4]). О. Крузіусъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что Еката была почитаема на Самоѳракіи[5]), но въ виду показанія схолій къ Ликофрону и прямого указанія на это Свиды сомнѣніе Крузіуса не можетъ быть признано основательнымъ. Черты, которыя связывали культъ Еката съ ученіемъ о Кавирахъ, не вполнѣ ясны.

О почитаніи того божества, съ которымъ Кавиры представляли наиболѣе сходства, о почитаніи Аполлона на Самоѳракіи нѣтъ прямыхъ указаній отъ древности. Признавать ли это случайностью, или дѣйствительно не было на Самоѳракіи культа Аполлона,—невозможно рѣшить по недостатку данныхъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что совмѣстное почитаніе столь близкихъ по своимъ

---

[1]) Mionnet, descr. de méd. I, 432 n° 1. A. Conze, Reise auf d. Ins. d. Thrak. Meeres, Taf. XVIII, 10, 11; XX, 2. Cf. ibid. S. 72. Zeitschr. für Numismatik, 1888, 1—2.

[2]) Aug. C. D. VII, 28. Интересно отмѣтить также тотъ фактъ, что по самоѳракійскимъ миѳамъ Аѳина присутствовала на бракѣ Кадма и Армоніи, происшедшемъ на Самоѳракіи (Diod. V, 49, 1). Какъ черту вліянія въ данномъ случаѣ природы на религіозныя вѣрованія, слѣдуетъ указать на то, что Самоѳракія была богата масличными деревьями (см. выше, стр. 47), а это дерево признавалось священнымъ деревомъ Аѳины.

[3]) См. B. Doedelmann, Minerva coniucta cum diis marinis, Halis, 1861, passim.

[4]) Lycophr. Alex. 77. Schol. ad l. c. Paris. A; Vind. III. Cf. Suid. ἀλλ' εἴ τις и Σαμοθράκῃ. Schol. Aristoph. Pac. 277. Schol. Nicandr. Ther. 462. Steph. Byz. Ζήρινθος.

[5]) Ersch-Gruber, Allgem. Encycl. XXXII, 2, S. 22.

чертамъ божествъ не только не было бы неудобнымъ, но, напротивъ, обычнымъ въ еллинской религіи. Приводить факты въ доказательство этого общеизвѣстнаго факта было бы излишне. Нѣтъ также никакихъ свидѣтельствъ о почитаніи на Самоѳракіи родственной Аполлону Артемиды, хотя культъ ея былъ соединенъ съ культомъ Кавировъ на Лимносѣ.

Важенъ тотъ фактъ, что нѣтъ ясныхъ слѣдовъ почитанія на Самоѳракіи Діониса, который былъ отожествленъ съ Кавиромъ младшимъ, если не считать указаніемъ на существованіе тамъ культа этого божества сохраненное Павсаніемъ преданіе о принятіи отъ Зевса Дарданомъ, учредителемъ самоѳракійскихъ мистерій, таинственнаго ящика, въ которомъ находилось изображеніе Діониса, сдѣланное самимъ Ифестомъ[1]).

Съ культомъ божествъ, находившихся въ связи съ самоѳракійскими Кавирами, съ культомъ Афродиты и Ермія фаллическаго[2]), былъ соединенъ культъ богини счастія, которой въ греческихъ вѣрованіяхъ приписывалась сила производительная[3]). Фактъ существованія на Самоѳракіи культа богини счастія засвидѣтельствованъ нумизматическими данными. Такъ, на одной монетѣ, найденной на Самоѳракіи, изображена голова императора Адріана, украшенная лавровымъ вѣнкомъ, а на оборотной помѣщена Фортуна. Надпись: Σαμίων ἐν Θράκῃ[4]).

Къ обширной системѣ самоѳракійскихъ божествъ былъ присоединенъ еще цѣлый рядъ героевъ, миѳы о которыхъ представляли связь съ миѳами о самоѳракійскихъ божествахъ. Выше была уже отмѣчена связь миѳовъ объ Аргонавтахъ съ самоѳракійскими преданіями о Кавирахъ[5]). Аргонавты, принявъ посвященіе въ ми-

---

[1]) Paus. VII, 19, 6. Нельзя не замѣтить, что природа Самоѳракіи не благопріятствовала установленію тамъ культа Діониса. См. выше стр. 47.

[2]) См. Hesych. v. Τύχων.

[3]) Ср. Revue de l'hist. des relig. 1891 (XXIII), p. 285.

[4]) Mionnet, Descr. de méd. I, 432 n° 11.

[5]) См. Apoll. Rhod. Arg. I, 915—918. Orph. Arg. v. 465 sq. Valer. Flac. II, 435—440. Diod. IV, 43, 1 sq. IV, 48, 5 sq.

стеріи, принесли въ даръ Кавирамъ свои чаши, которыя хранились въ самоѳракійскомъ святилищѣ еще во времена Діодора [1]).

Съ самоѳракійскими Кавирами было соединено въ миѳахъ морское существо, одаренное даромъ вѣдѣнія, Главкъ. Объ этомъ можно заключать на основаніи слѣдующаго разсказа Діодора. Когда Аргонавты находились посреди Понта, во время обратнаго пути изъ Колхиды, возникла страшная буря. Орфей обратился съ молитвою къ самоѳракійскимъ богамъ, которые уже раньше спасли Аргонавтовъ въ подобномъ случаѣ, и вѣтеръ утихъ и вблизи корабля путники увидѣли Главка. Онъ сказалъ, что явился по волѣ боговъ и откроетъ имъ будущую ихъ судьбу [2]).

Основа связи миѳовъ о Кавирахъ и объ Аргонавтахъ покоится на томъ представленіи, по которому Кавирамъ приписывалась сила спасать отъ гибели на морѣ. Аргонавты первые, по преданіямъ древнихъ Грековъ, совершили далекое и опасное плаваніе, и уже въ силу этого одного факта они становились подъ покровительство боговъ, на которыхъ древняя Греція смотрѣла какъ на избавителей отъ бурь.

К. О. Миллеръ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Орхоменъ“ доказывалъ, что распространителями на Самоѳракіи саги о дивномъ плаваніи корабля Арго были Минійцы [3]). Но при разсмотрѣніи именъ тѣхъ героевъ, которые являются участниками похода Аргонавтовъ въ самоѳракійскихъ миѳахъ (Ясонъ, Ираклъ, Діоскуры, Орфей) [4]), возникаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Самоѳракійцы заимствовали сказаніе объ Аргонавтахъ непосредственно отъ Минійцевъ, такъ какъ эти герои не принадлежатъ исключительно къ тѣмъ, какихъ представляютъ минійскія и соединенныя съ ними ѳессалійскія генеалогіи участниковъ похода въ Колхиду; это герои, внесенные въ данныя сказанія

---

[1]) Diod. IV, 49, 8. См. Н. Новосадскій, О почитаніи реликвій у древнихъ Грековъ, Варшавск. Универс. Извѣстія, 1889, № 5, стр. 10.

[2]) Diod. IV, 48, 5 sqq.

[3]) См. K. O. Müller, Gesch. hell. Stämme, 253² f.

[4]) Diod. V, 49, 6.

уже въ позднѣйшее время, когда миѳъ объ Арго сталъ общераспространеннымъ [1]). Возникаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сомнѣніе въ дѣйствительномъ пребываніи Минійцевъ на Самоѳракіи и Лимносѣ. Сказаніе о пребываніи Минійцевъ въ этихъ областяхъ могло сложиться подъ вліяніемъ присутствія въ самоѳракійскихъ и лимносскихъ сказаніяхъ самой саги объ Аргонавтахъ, на которую древніе Греки смотрѣли какъ на принадлежность Минійцевъ.

Кромѣ героевъ похода Аргонавтовъ съ самоѳракійскими преданіями были соединены нѣкоторые герои троянской войны. Въ схоліяхъ къ Аполлонію говорится о посвященіи въ самоѳракійскія мистеріи Одиссея и Агамемнона [2]). Связь различныхъ миѳовъ объ Агамемнонѣ съ самоѳракійскими миѳами обнаруживается и на памятникахъ искусства. На одномъ барельефѣ, найденномъ на Самоѳракіи, изображенъ Агамемнонъ, сидящій на тронѣ; сзади его—фигура Талѳивія. Надъ каждымъ изъ лицъ этой сцены находятся надписи архаическаго типа. Къ сожалѣнію, на основаніи того, что сохранилось на обломкахъ этого барельефа, нельзя составить яснаго представленія о композиціи барельефа въ цѣломъ, но и то, что сохранилось, важно, такъ какъ оно подтверждаетъ свидѣтельство схолій къ Аполлонію родосскому, указывая на внесеніе въ циклъ самоѳракійскихъ сказаній разсказовъ о посвященіи троянскихъ героевъ въ мистеріи Кавировъ [3]).

Изъ другихъ троянскихъ героевъ соединенъ былъ съ самоѳракійскими миѳами Эней. Какой-то древній щитъ, признававшійся щитомъ Энея, какъ священная реликвія, хранился въ самоѳракійскомъ храмѣ, укрѣпляя вѣру среди легковѣрныхъ поклонниковъ въ учрежденіе культа Кавировъ въ самыя отдаленныя времена жиз-

---

[1]) Вполнѣ основательно замѣчаніе Энгельманна (Roscher, Lex. S. 533): Erst nachdem die Sage allgemeiner geworden war, mögen die Namen des Heracles, der Dioscuren und Boreaden, des Orpheus und auch des Theseus in die Reihe der Teilnehmer gekommen sein.

[2]) Schol. Apollon. Rhod. I, 917.

[3]) Amalthea, III, S. 35—40, Статья К. О. Миллера: „Das Samothrakische Relief“. Снимокъ съ этого барельефа помѣщенъ тамъ же на таблицѣ A.

ни Еллиновъ [1]). Легко замѣтить, что изъ троянскихъ героевъ были избраны въ данномъ случаѣ тѣ, которымъ приходилось болѣе другихъ странствовать, которые болѣе другихъ подвергались опасностямъ на морѣ и на сушѣ. Это указываетъ, что главной цѣлью присоединенія данныхъ миѳовъ къ сказаніямъ о самоѳракійскихъ Кавирахъ было желаніе прославить этихъ боговъ повѣствованіями о проявленіи ихъ охраняющей и избавляющей отъ бѣдствій силы.

Древніе авторы не указываютъ на связь съ культомъ Кавировъ на Самоѳракіи культа трехъ нимфъ Кавиридъ, которыя, по свидѣтельству Ферекида, были почитаемы на Лимносѣ, но объ этомъ свидѣтельствуютъ археологическія раскопки, произведенныя на Самоѳракіи. Среди обломковъ фронтона храма Кавировъ на Самоѳракіи найдены куски мрамора, изображающія нимфъ Кавиридъ съ ритономъ въ рукахъ и кистями винограда [2]).

Итакъ мы видимъ, что ученіе о Кавирахъ на Самоѳракіи представляло очень сложную систему. Къ миѳамъ о Кавирахъ были присоединены миѳы о различныхъ греческихъ божествахъ и герояхъ. Такъ какъ всѣ эти миѳы объединялись общностью основныхъ чертъ прославляемыхъ въ нихъ божествъ, то самоѳракійская система имѣла видъ не пестрой смѣси различныхъ сказаній, но стройнаго гармоническаго цѣлаго, въ центрѣ котораго стояли спасающіе на морѣ и въ бѣдствіяхъ жизни боги свѣта — Кавиры.

Фактъ присоединенія къ ученію о Кавирахъ другихъ греческихъ божествъ представляетъ интересное и важное явленіе въ этомъ культѣ, указывая, что онъ не былъ замкнутымъ въ себѣ самомъ, а развивался не только путемъ дальнѣйшаго видоизмѣненія основныхъ понятій объ этихъ божествахъ, но и другимъ путемъ — чрезъ воспріятіе новыхъ, внѣшнихъ элементовъ, путемъ присоединенія къ миѳамъ о Кавирахъ различныхъ другихъ миѳовъ.

---

[1]) Serv. Aen. III, 287.

[2]) Conze, Arch. Unters. I, Taf. XXXV, XXXVII, XXVII, XXXVIII.

Эти внѣшніе элементы не были исключительно только греческіе, но и чужестранные. Къ послѣднимъ относятся, во первыхъ, элементы фригійскіе.

Фригійскія божества Рея и Кивела пользовались большимъ уваженіемъ на Самоѳракіи. Діодоръ сообщаетъ преданіе, по которому амазонка Мирина посвятила островъ Самоѳракію матери боговъ Кивелѣ. Важенъ тотъ фактъ, что этой богинѣ приписывалась одна изъ такихъ чертъ, которыя имѣли наиболѣе важное значеніе въ представленіи о Кавирахъ — сила спасать отъ гибели во время бури на морѣ [1]). Это указываетъ на тѣсное родство представленій о Кавирахъ и Кивелѣ. Сложились миѳы, въ которыхъ Кивела ставилась въ различную связь съ самоѳракійскими божествами и героями. Одинъ изъ такихъ миѳовъ сообщаетъ Діодоръ. По этому миѳу Кивела удостоила своей любви Ясіона и родила отъ него Кориванта. О роли Ясіона и Коривантовъ въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ уже была рѣчь выше.

О культѣ Кивелы на Самоѳракіи свидѣтельствуютъ не только древніе авторы, но и найденные тамъ барельефы, представляющіе женщинъ, пляшущихъ съ тимпанами въ рукахъ [2]), а тимпанъ — музыкальное орудіе, характеризующее жрецовъ и жрицъ Кивелы [3]). По всей вѣроятности, въ честь Кивелы совершались на Самоѳракіи тавроволіи. Съ этой цѣлью, по остроумной догадкѣ Конце, была устроена въ самоѳракійскомъ святилищѣ яма, въ которую стекала кровь закалаемыхъ въ честь Кивелы жертвъ. Яма эта открыта во время раскопокъ, произведенныхъ на Самоѳракіи австрійскими учеными [4]). На монетахъ Самоѳракіи изобра-

---

[1]) Diod. III, 55, 8: ἔπειτα καὶ τῶν ἄλλων νήσων τινὰς καταστρεφομένην (Μυρίνην φασὶ) χειμασθῆναι καὶ ποιησαμένην τῇ μητρὶ τῶν θεῶν εὐχὰς ὑπὲρ τῆς σωτηρίας προσενεχθῆναι νήσῳ τινὶ τῶν ἐρήμων... ἐνομάσαι δ' αὐτὴν Σαμοθράκην.

[2]) Conze, Reise, Taf. XII.

[3]) Иродотъ, IV, 76 прямо указываетъ на употребленіе тимпановъ во время служенія Кивелѣ въ городѣ Кизикѣ.

[4]) Conze, Arch. Unters. I, Taf. XI, XIV, XVII. Cf. II, Taf. IV—VIII, AB.

жался баранъ—животное, посвященное Кивелѣ [1])—подобно тому, какъ на монетахъ елевсинскихъ изображалась свинья. Встрѣчающіяся на монетахъ этого острова божества женскаго пола нерѣдко чертами своими напоминаютъ типъ Кивелы [2]). Этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика была роль Кивелы въ самоѳракійскомъ культѣ Кавировъ.

Другое фригійское божество, соединенное съ культомъ Кавировъ на Самоѳракіи—Рея. У Лукіана говорится, что Аттисъ установилъ на Самоѳракіи мистеріи этой богини [3]). Согласное съ этимъ свидѣтельство представляютъ схоліи къ Аристиду [4]). Но, къ сожалѣнію, миѳы о Реѣ на Самоѳракіи неизвѣстны даже въ такихъ незначительныхъ отрывкахъ, какъ самоѳракійскіе миѳы о Кивелѣ. Несомнѣнно, Рея сохраняла и тамъ свой обычный типъ, свои характерныя черты, но должно предполагать въ ней какую-нибудь общую черту, которая соединяла бы ее съ Кавирами или съ какимъ-нибудь изъ божествъ, входившихъ въ циклъ самоѳракійскихъ миѳовъ. Посредствующимъ звеномъ между Кавирами и Реей была, какъ кажется, Димитра, которая въ ученіи Орфиковъ отожествлялась съ Реей [5]), а орфическія теоріи, несомнѣнно, имѣли большое вліяніе на культъ Кавировъ не только на Самоѳракіи, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ былъ распространенъ культъ Кавировъ. Кавиры представлялись въ нѣкоторыхъ варіантахъ самоѳракійскихъ миѳовъ божествами подчиненными Реѣ, подобно Коривантамъ [6]). Однако вліяніе фригійскихъ религіозныхъ вѣрованій на культъ Кавировъ не можетъ быть признано очень древнимъ и внесеннымъ

---

[1]) Conze, Reise auf d. Ins. d. Thrak. Meeres, Taf. XVIII, 10, 11.

[2]) Mionnet, Suppl. II, 542 слѣд.

[3]) Lucian. Dea syr. c. 15. Cf. Schol. Aristid. III, 324 Dind: οὗτοι (Σαμόθρᾳκες) οὗν μυστήρια εἶχον φοβερὰ τῆς Ῥέας.

[4]) Schol. Aristid. III, 324 Dind. Etym. Gudian. v. Κάβιροι. Schol. Lycophr. Alex. v. 77, Vind. III: εἰς Σαμοθρᾴκην πρῶτον κατῴκει· σπήλαιον τῆς Ῥέας ἢ τῆς Ἑκάτης κτέ.

[5]) Orph. Theogon. fr. 106 Abel: ὅτι τὴν Δήμητραν Ὀρφεὺς μὲν τὴν αὐτὴν λέγων τῇ Ῥέᾳ εἶναι κτέ.

[6]) Etym. Gudian. p. 289, v. Κάβιροι.

въ него при самомъ утвержденіи его на греческой почвѣ, такъ какъ оно не замѣчается во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ установленъ этотъ культъ [1]).

Изъ другихъ внѣшнихъ, негреческихъ вліяній можно отмѣтить въ самоѳракійской системѣ ученія о Кавирахъ еще только слѣды финикійскаго вліянія. Уже выше была рѣчь о богинѣ Левкоѳеѣ, миѳы о которой носятъ явный отпечатокъ финикійскаго происхожденія. Сюда же слѣдуетъ отнести и миѳы о Кадмѣ. Эти миѳы, какъ доказалъ О. Группе, также обязаны своимъ происхожденіемъ Финикіи [2]). Но нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что сказанія о Левкоѳеѣ и Кадмѣ были внесены на Самоѳракіи непосредственно самими Финикіянами [3]). Такъ какъ миѳы о Кадмѣ съ особенною силою утвердились въ Віотіи и развились тамъ въ сложную и обширную систему, между тѣмъ какъ на Самоѳракіи они не представляютъ такой сложности, то слѣдуетъ полагать, что Віотія была мѣстомъ первоначальнаго утвержденія въ Греціи этихъ миѳовъ, а въ связи съ ними и миѳовъ о Левкоѳеѣ, которая признавалась дочерью Кадма. Въ ученіи о самихъ Кавирахъ едва ли возможно найти слѣды финикійскаго вліянія.

Вотъ вся система ученія о Кавирахъ на Самоѳракіи въ связи съ цѣлымъ рядомъ миѳовъ греческихъ, фригійскихъ и финикійскихъ. Желательно было бы представить эти миѳы въ большей полнотѣ и въ строгой послѣдовательности ихъ историческаго развитія, а также опредѣлить время проникновенія фригійскихъ и финикійскихъ миѳовъ на Самоѳракію, но вслѣдствіе недостатка указаній на это въ древнихъ памятникахъ нѣтъ возможности удовлетворить этимъ желаніямъ.

---

[1]) Ср. выше, стр. 41, прим. 2.

[2]) O. Gruppe, De Cadmi fabula, p. 19 sqq.

[3]) Е. Мейеръ доказываетъ, что Финикіяне никогда не заѣзжали на Самоѳракію. E. Meyer, Gesch. d. Alterth. I, 232. Дѣйствительно, раскопки австрійскихъ ученыхъ на Самоѳракіи не обнаружили тамъ слѣдовъ пребыванія Финикіянъ.

ГЛАВА IV.

Самоѳракійскіе жрецы и мисты. Самоѳракійскія оргіи.

Цари. Сан. Кой. Обрядъ покаянія въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ. Могильный памятникъ изъ Волатерры и его ложное пониманіе Асторіемъ. Самоѳракійскіе агораномы. Самоѳракійскіе мисты. Степени посвященія. Обряды посвященія. Торжества въ честь Кавировъ на Самоѳракіи.

Свѣдѣнія о самоѳракійскихъ жрецахъ такъ же недостаточны, какъ и вообще всѣ свѣдѣнія о культѣ Кавировъ. Они относятся ко временамъ александрійской эпохи и къ періоду владычества надъ Римомъ Эллады, не восходя такимъ образомъ далѣе IV вѣка до Р. Х.

Уже изъ тѣхъ незначительныхъ данныхъ, какія сохранились до настоящаго времени, можно заключать, что количество жрецовъ, совершавшихъ религіозные обряды въ честь Кавировъ на Самоѳракіи, было значительно. Это вызывалось сложностью мистическихъ драмъ, въ которыхъ жрецы должны были исполнять различныя роли, и стремленіемъ придать болѣе блеска священнодѣйствіямъ. Мистическія драмы, конечно, бывали тѣмъ величественнѣе, чѣмъ больше лицъ принимало участіе въ ихъ исполненіи.

Высшая власть среди самоѳракійскаго жреческаго персонала принадлежала жрецу, носившему титулъ царя [1]). Именами царей обозначались акты острова Самоѳракіи, подобно тому какъ обозначались они именемъ жрицы—эпонима въ Елевсинѣ, именемъ жрицы Иры въ Аргосѣ, именемъ жреца Асклипія въ Епидаврѣ и т. п. [2]). Такъ какъ эти послѣдніе, не смотря на то, что они были

[1]) T. Liv. XLV, 5:... qui summus magistratus apud eos erat—regem ipsi (т. е. Самоѳракійцы) appellant etc. Едва ли возникаетъ необходимость указывать, что титулъ царя носили высшіе жрецы и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Еллады.

[2]) Въ надписяхъ и у древнихъ авторовъ указывается много именъ самоѳракійскихъ царей-эпонимовъ, напр., C I G n° 2157: ἐπὶ βασιλέως Ἀριδήλου τοῦ ...ιχος. C I G n° 2158: ἐπὶ βασιλέως Δίνωνος τοῦ Ἀπολλωνίδου. C o n z e, Reise, S. 64 (= CIL III, n° 715): ἐπὶ βασιλέως Ἰφικράτους τοῦ...

эпонимами года, избирались не ежегодно, то и самоѳракійскіе цари-эпонимы года также, по всей вѣроятности, н е б ы л и с м ѣ н я е м ы к а ж д ы й г о д ъ.

Относительно обязанностей самоѳракійскихъ царей нѣтъ никакихъ указаній отъ древности. С. Круа высказалъ предположеніе, что одной изъ обязанностей самоѳракійскаго „главнаго жреца“,—а таковымъ былъ царь,—было выходить на берегъ, если онъ замѣчалъ приближавшееся къ острову судно, оказывать прибывшимъ гостепріимство и вводить ихъ въ святилище [1]). Мнѣніе С. Круа основана на слѣдующихъ словахъ Валерія Флакка:

obvius at Minyas terris adytisque sacerdos
excipit hospitibus reserans secreta Thyotes [2]).

Но въ этихъ словахъ Флакка нельзя видѣть ничего болѣе, какъ поэтическую фикцію. Если бы даже поэтъ описывалъ здѣсь историческій, дѣйствительный случай, то на основаніи отдѣльнаго факта, въ которомъ нѣтъ и намека на о б я з а н н о с т ь, на испол-

ibid.: ἐπὶ βασιλέως Τεισι... ου Κρίτωνος ibid. S. 66 (постановленіе совѣта Самоѳракійцевъ): ἔδοξεν τῇ βουλῇ· βασιλεὺς Λεοθάρσης Πυθοκλείδου εἶπεν. C o n z e, Arch. Untersuch. auf Samothr. I, 37, n° 1,—въ этой надписи имена самоѳракійскихъ царей находились вслѣдъ за именами консуловъ Глабріона и Торквата. Ibid. I, n° 21: ἐπὶ βασιλέως Εὐμάχου τοῦ Τημένου. II n° 98: ἐπὶ βασιλέως Πυθίωνος τοῦ.... CILIII, n° 716: ἐπὶ βασιλέως Ἀρίστωνος τοῦ Ἰφικράτους (=Conze, Reise p. 70 = CILI, n° 581). CILIII, n° 717: ἐπὶ βασιλέως Θα(λα)σσίων(ο)ς τοῦ Θαλα(σ)σίωνος. Кромѣ этихъ эпиграфическихъ указаній Т. Ливій XLV, 5 сообщаетъ имя царя Ѳеонда. Заслуживаетъ вниманія слѣдующая догадка Г и л л е р а д е Г е р т р и н г е н а, устанавливающая сходство между царями елевсинскими и самоѳракійскими, какъ исполнителями религіозныхъ обрядовъ: Summum vero est, quod iam in hoc hymno cum Cereris cultu r e g e s coniunguntur, id quod suspicionem movet non solum Celeum, de quo non facile ambigatur, sed etiam collegas eius in sacris illius aetatis fabulis plus quam hic diserte traditur valuisse et s u a s q u e m q u e p a r t e s i n d e a e c u l t u e g i s s e. F. H i l l e r d e G a e r t r i n g e n, De Graecorum fabulis ad Thraces pertinentibus, Berl. 1886, p. 14. А съ этими миѳами, очевидно, связано постановленіе завѣдывать мистеріями Димитры архонту-царю. Параллель между царями Самоѳракіи и Елевсина здѣсь ясна.

[1]) S. C r o i x, Recherches, I², 46. Cf. Creuzer, II², p. 355.

[2]) Valerius Flaccus II, 437 sq.

неніе долга, было бы слишкомъ смѣло дѣлать общій выводъ относительно обязанностей самоѳракійскаго „царя“.

Титъ Ливій сообщаетъ, что на Самоѳракіи существовали особые суды, установленные по обычаю предковъ. Вѣдѣнію этихъ судовъ принадлежалъ разборъ дѣлъ о тѣхъ лицахъ, которыя вступали въ священные предѣлы храма Кавировъ, будучи осквернены злодѣяніями [1]). Предсѣдательство въ этихъ судахъ, по всей вѣроятности, принадлежало царямъ.

Права и обязанности царей среди другихъ лицъ самоѳракійскаго жреческаго персонала, ихъ роли при исполненіи священныхъ драмъ, ихъ матеріальное положеніе—все это остается неизвѣстнымъ.

Сервій въ комментаріяхъ къ Энеидѣ свидѣтельствуетъ, что Самоѳракійцы называли своихъ верховныхъ жрецовъ Саями: Samothraces horum penatium antistites saos vocabant, qui postea a Romanis salii appellati sunt [2]). Въ рукописи стоитъ suos. Т. Гутберлетъ предложилъ читать въ данномъ мѣстѣ вмѣсто suos—soes, но дальнѣйшія слова Сервія „qui—salii appellati sunt“ заставляютъ отказаться отъ конъектуры Гутберлета, такъ какъ между soes и salios нѣтъ звуковаго сходства. По мнѣнію Лобека тутъ должно стоять Saos или Saios. Лобекъ высказалъ предположеніе, что жрецы почитаемыхъ на Самоѳракіи божествъ могли быть названы такъ въ память о жившемъ на этомъ островѣ въ глубокой древности народѣ Саяхъ [3]). Но едва ли можно указать въ Греціи аналогичное явленіе, гдѣ жрецы были бы называемы именемъ обитавшаго нѣкогда въ той или другой мѣстности народа.

---

[1]) T. Liv. XLV, 5: esse autem iudicia apud sese more maiorum comparata de iis, qui incestas manus intulisse intra terminos sacratos templi dicantur. Нельзя не замѣтить, что это учрежденіе представляетъ сходство съ елевсинскимъ ἱερὰ βουλή.

[2]) Serv. Aen. II, 325. Cf. VIII, 287.

[3]) Lobeck, Aglaoph. p. 1292. Онъ указываетъ также на слѣдующее мѣсто Сервія Aen. VIII, 285: alii dicunt Salium quendam Arcadem fuisse, qui Troianis adiunctus hunc ludum in sacris instituerit etc. и Plut. Num. c. 13.

Объясненія происхожденія названія жрецовъ Sai слѣдуетъ, какъ кажется, искать въ миѳѣ о Саѣ, мѣстномъ самоѳракійскомъ героѣ [1]). Сай (Σάος) признавался сыномъ Ермія, и къ этому-то миѳическому герою возводили, вѣроятно, свое происхожденіе самоѳракійскіе Саи. Въ связи съ такимъ происхожденіемъ Саевъ можетъ быть объяснено и ихъ значеніе, ихъ положеніе въ ряду другихъ лицъ самоѳракійскаго жреческаго персонала. Нельзя не замѣтить, что миѳъ о происхожденіи Саевъ отъ сына Ермія Сая представляетъ аналогію съ миѳомъ о происхожденіи елевсинскихъ Кириковъ. Подобно тому какъ Саи названы ἀπὸ Σάου τοῦ Ἑρμοῦ, такъ и елевсинскіе Кирики, по свидѣтельству Исихія, названы были ἀπὸ Κήρυκος τοῦ Ἑρμοῦ. Такъ какъ миѳы, поставленные въ связь съ культомъ Кавировъ, представляли близкое сходство съ миѳами елевсинскими, то и въ организаціи жреческаго персонала съ полнымъ основаніемъ можно предполагать аналогію между Елевсиномъ и Самоѳракіей; а сходство миѳовъ о происхожденіи героевъ-эпонимовъ Кирика и Сая должно свидѣтельствовать о сходствѣ положенія Кириковъ и Саевъ въ ряду другихъ лицъ жреческаго персонала въ Елевсинѣ и Самоѳракіи. Поэтому на самоѳракійскихъ Саевъ можно, кажется, смотрѣть, какъ на жрецовъ, соотвѣтствовавшихъ елевсинскимъ Кирикамъ.

Исихій свидѣтельствуетъ, что среди жрецовъ, имѣвшихъ отношеніе къ культу Кавировъ, былъ κοίης, обязанность котораго состояла въ очищеніи убійцъ [2]),—конечно, тѣхъ, которые желали принять посвященіе въ мистеріи. Исихій не указываетъ, при какомъ храмѣ Кавировъ среди лицъ жреческаго персонала былъ Кой, но такъ какъ в с ѣ мистическіе обряды соединялись съ предварительнымъ очищеніемъ, то не будетъ ошибочно полагать, что Самоѳракія не могла обходиться безъ своего особаго жреца-очистителя, безъ своего Коя.

---

[1]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917: ὕστερον δὲ ἀπὸ Σάου τοῦ Ἑρμοῦ καὶ Ῥήνης παιδὸς Σάμος προσωνομάσθη κατὰ παρένθεσιν τοῦ μ. Ср. Діодоръ V, 48, 1. Діонисій аликарнасскій I, 61 сообщаетъ имя этого героя въ формѣ Σάμων, очевидно, для установленія болѣе близкаго звуковаго сходства съ названіемъ острова Σαμοθράκη.

[2]) Hesych. Κοίης· ἱερεὺς Καβείρων ὁ καθαίρων φονέα, οἱ δὲ κόης.

Относительно происхожденія слова κοίης господствуетъ до настоящаго времени такое же несогласіе, какъ относительно происхожденія имени Κάβειροι. Бохартъ[1]), Крейцеръ[2]) и другіе поборники семитическаго происхожденія культа Кавировъ производили его изъ корней семитическихъ. Но такъ какъ такое производство не можетъ быть прочно обосновано, то Фрерэ и Вейске предложили образованіе этого слова на чисто греческой почвѣ. Фрерэ сопоставлялъ названіе этого жреца съ глаголомъ κοᾶν—синонимомъ глагола ἀκούειν. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, κοίης значитъ l'auditeur[3]). Вейске предполагалъ связь этого слова съ глаголомъ κειώσασθαι (=καθαίρειν, Исихій). Но не останавливаясь исключительно на этомъ предположеніи, Вейске замѣчаетъ, что возможно производить κοίης отъ κοεῖν, т. е. νοεῖν[4]). Изъ всѣхъ этихъ мнѣній слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, по которому κοίης ставится въ связь съ глаголомъ κειώσασθαι, такъ какъ выводимое на основаніи его значеніе слова κοίης вполнѣ соотвѣтствуетъ обязанностямъ этого жреца[5]).

Во время совершенія мистическихъ обрядовъ κοίης, вѣроятно, изображалъ собою одного изъ Кавировъ, какъ божество, очищающее человѣка отъ нравственной нечистоты. Основаніемъ для этого предположенія служитъ сообщаемый въ схоліяхъ къ Θеокриту миѳъ о дѣвѣ Ангелѣ, дочери Зевса и Иры, похитившей у своей матери какую-то мазь, которой она мазала свое лицо,

---

[1]) S. Bochart, Opera omnia I, 397: Coes, id est cohen, hebraice sacerdos.

[2]) Creuzer, Symbol. II², 356, Anm. 37.

[3]) Mém. de l'Acad. XXVII (1761), p. 18. А. Пиктэ сопоставлялъ это имя съ ирландскимъ словомъ coïs, irlandais—sainteté, sain. A. Pictet, Du culte des Cabires, p. 81, adn.

[4]) B. Weiske, Prometheus, S. 451 Anm: „Aber es ist wohl von κοεῖν i. c. νοεῖν, sehen, beaufsichtigen, wie ἱεροκόος, θυοσκόος, πυρκόος, Ἱπποκόων etc. priesterliche Namen, Paus. X, 5, 6; 4, 1, 6". Замѣчу кстати, что указанныя Вейске цитаты неточны. Иппокоонтъ упоминается у Павсанія III, 1, 4; III, 21, 2.

[5]) Сравн. Lobeck, Aglaoph. p. 1290.

и передавшей ее Европѣ, дочери Финикса. Когда Ира хотѣла наказать Ангелу, она, желая осквернить себя, скрылась сперва въ домѣ, гдѣ была родильница, а потомъ прикоснулась къ людямъ, несшимъ трупъ. Тогда Ира оставила ее въ покоѣ, избѣгая осквернения, а Зевсъ повелѣлъ Кавирамъ очистить Ангелу. Кавиры очистили ее, отведя къ Ахеронтскому озеру[1]).

Способъ, какимъ самоѳракійскій κοίης производилъ очищеніе посвящавшихся, намъ неизвѣстенъ. Хотя Исихій говоритъ, что κοίης могъ очищать вообще убійцъ, но существовали опредѣленныя постановленія, ограничивавшія право очищенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ доступа къ мистеріямъ Кавировъ. Извѣстны случаи, когда убійцы не были допускаемы къ участію въ мистическихъ торжествахъ на Самоѳракіи, когда, слѣдовательно, нельзя было ихъ очистить[2]).

Κοίης, вѣроятно, могъ очищать только непредумышленныхъ убійцъ или такихъ, которые совершили убійство, оправдываемое законами и обычаями.

Есть у древнихъ авторовъ указаніе на то, что на Самоѳракіи было принято исповѣдываться предъ жрецомъ въ грѣхахъ[3]).

---

[1]) Schol. Theocr. II, 12. С. Круа, Recherches I², 51 sq. основываетъ на этомъ разсказѣ предположеніе, что въ мистеріяхъ Кавировъ излагалось ученіе о возможности очищенія послѣ смерти. Указаніе на это онъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что очищеніе Ангелы было совершено Кавирами у Ахеронтскаго озера. Уже С. де Саси, редактировавшій второе изданіе „Изслѣдованій о мистеріяхъ" С. Круа, замѣтилъ, что это предположеніе слишкомъ смѣло и слабо обосновано. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ С. де Саси и не признать, что С. Круа, устанавливая такой важный фактъ, какъ возможность очищенія человѣка послѣ смерти, не далъ ему прочныхъ основъ.

[2]) T. Liv. XLV, 5. Cf. XLII, 15.

[3]) Plut. Apophth. Iacon. Antalc. 1. Lysandr. 10. Асторій предполагалъ, что обрядъ покаянія, совершавшійся въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ, изображенъ на одномъ могильномъ памятникѣ, найденномъ въ Волатеррахъ. Памятникъ этотъ слѣдующій. Въ центрѣ сцены изображенъ юноша, одѣтый въ короткую тунику, съ рукавами, не доходящими до локтей. На головѣ его коническая шапочка, какая такъ часто встрѣчается на изображеніяхъ Діоскуровъ-Кави-

Такъ какъ раскрытіе грѣховъ и раскаяніе въ нихъ ведетъ къ нравственному очищенію человѣка, то едва ли будетъ ошибочно предположить, что обрядъ исповѣди соединялся на Самоѳракіи съ обрядомъ очищенія и потому былъ исполняемъ тѣмъ жрецомъ, о которомъ Исихій говоритъ ἱερεὺς—ὁ καθαίρων φονέα, т. е. Коемъ.

Сложность мистическихъ драмъ должна была вызвать учрежденіе на Самоѳракіи многихъ другихъ лицъ жреческаго персона-

---

ровъ. Опираясь колѣномъ на небольшой низкій жертвенникъ, онъ обѣими руками держитъ колесо съ многочисленными спицами. На правой сторонѣ барельефа, вблизи алтаря, стоитъ жрица, украшенная ожерельемъ. За жрицей находится еринія, держа въ лѣвой рукѣ какой-то трудно различаемый на снимкѣ съ барельефа предметъ (кажется, факелъ). Съ лѣвой стороны барельефа изображенъ нагой мущина. Онъ бросается на юношу съ мечемъ въ рукѣ, схватываетъ его за волосы и, повидимому, собирается его убить. Далѣе, налѣво, стоитъ престарѣлый мущина, смотрящій на то, что происходитъ. См. Polenі, Suppl. II. Tab. В II. Асторій, объясняя этотъ памятникъ соотвѣтственно тому значенію, какое онъ въ немъ усматривалъ, признавалъ стоящаго въ центрѣ этой группы юношу за лицо, принимающее посвященіе въ мистеріи Кавировъ. Колесо, находящееся въ его рукахъ, по мнѣнію Асторія, напоминаетъ бывшій у Грековъ въ употребленіи способъ заставлять рабовъ сознаваться въ своихъ преступленіяхъ при помощи пытки колесомъ. Поэтому, думаетъ Асторій, можно предполагать, что мисты Кавировъ исповѣдывали свои грѣхи, держа въ рукахъ колесо, какъ символъ мученій, въ знакъ того, что они откровенно говорятъ всю правду о своей жизни. То же значеніе, по его мнѣнію, имѣетъ человѣкъ, бросающійся на юношу и какъ бы страхомъ смерти побуждающій его раскрыть истину.

Такое искусственное объясненіе было возможно во времена Асторія, которому аналогичные памятники, очевидно, были неизвѣстны. Въ настоящее время наука располагаетъ цѣлымъ рядомъ изображеній, представляющихъ подобныя сцены. См., напр., совершенно похожій рисунокъ на урнѣ, найденной также въ Волатеррахъ, Revue archéol. 1865, Pl. XVI. Ж. Констабль, объясняя этотъ памятникъ, вполнѣ основательно видитъ въ немъ изображеніе убійства одного изъ сыновей Пріама. Старецъ, несчастный свидѣтель этой сцены—самъ Пріамъ. Жрица и алтарь указываютъ на то, что сцена совершается въ храмѣ. Колесо—не символъ правдивости исповѣди, да и какое нравственное значеніе имѣла бы вынужденная исповѣдь? Это колесо карающей за

ла, но о существованіи ихъ можно только догадываться, а прямыхъ указаній не имѣется. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что на Самоѳракіи были ἱεροκήρυκες, посвященные служенію Кавировъ. Безъ этихъ лицъ не могло обходиться ни одно религіозное торжество, ни одинъ обрядъ. Кто объявлялъ бы народу о началѣ священнодѣйствій, кто приглашалъ бы его, по обычаю Грековъ, къ благоговѣйному молчанію предъ началомъ священнодѣйствій? Постановка мистическихъ драмъ, соединенныхъ, по прямымъ свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, съ шумной, экстатической музыкой и плясками[1]), должна была вызвать учрежденіе при храмѣ Кавировъ особыхъ пѣвцовъ и танцовщиковъ, подобно тому какъ это было въ Елевсинѣ, но относительно ихъ существованія на Самоѳракіи также нѣтъ прямыхъ указаній отъ древности.

Въ самоѳракійскихъ надписяхъ упоминаются агораномы[2]). Имъ придается важное значеніе; они являются, подобно царямъ, эпонимами года. Едва ли агораномы самоѳракійскіе имѣли какое-нибудь отношеніе къ исполненію религіозныхъ обрядовъ. Роль ихъ была полицейскаго характера. Таковы были обязанности агораномовъ во всей Греціи, таковы были обязанности и агораномовъ, имѣвшихъ отношеніе къ другимъ мистеріямъ—къ культу великихъ богинь въ Анданіи. О сферѣ дѣятельности самоѳракійскихъ агораномовъ слѣдуетъ судить на основаніи обязанностей агораномовъ анданійскихъ, которыя такъ подробно опредѣляются въ одной надписи, тщательно объясненной нѣмецкимъ ученымъ Г. Зауппе[3]). Агораномы анданійскіе наблюдали за тѣмъ, чтобы купцы не допускали обмана, чтобы во время празднованія мистерій никто не портилъ водопроводовъ, чтобы содержатели бань не взи-

---

преступленія Немесиды. См. Revue archéol. 1865, p. 81—89, G. Conestable, De quelques urnes sépulcrales de Volaterra. Констабль указываетъ на аналогичные рисунки у Gori, Mus. Etr. II, CXXI, Museo Guarnacci XVI—XVII и др.

[1]) Strab. X, 466, 470.

[2]) CIG n° 2185: ἀγορανομοῦντος Ἑρμο [κρίτου?]. Conze, Arch. Untersuch. I, 41 n° 9; II, 96 n° 12: [ἀγοραν]ομοῦντος [Ἀρ]χικλέους.

[3]) H. Sauppe, Die Mysterieninschr. aus Andania, Götting. 1860, l. 100 sqq.

мали слишкомъ высокой платы и т. д. Все это приложимо и къ агораномамъ самоѳракійскимъ, такъ какъ и на Самоѳракіи могли возникать тѣ же потребности [1]).

Относительно порядка назначенія самоѳракійскихъ жрецовъ и вообще организаціи самоѳракійскаго жреческаго персонала ничего неизвѣстно [2]).

Кромѣ этихъ лицъ, конечно, были еще и другія власти на Самоѳракіи. Невозможно допустить, чтобы тѣмъ незначительнымъ количествомъ лицъ, какія извѣстны намъ, ограничивалась вся жреческая корпорація на Самоѳракіи, хотя и небольшомъ островѣ, но бывшемъ мѣстомъ преимущественнаго поклоненія Кавирамъ, на торжества въ честь которыхъ собирались многочисленныя толпы народа со всѣхъ краевъ древняго міра. Но тутъ должноотмѣтить пробѣлъ, восполнить который, при настоящемъ состояніи литературныхъ и эпиграфическихъ памятниковъ, не представляется возможности.

Перейдемъ теперь къ самоѳракійскимъ мистамъ. Для принятія участія въ культѣ Кавировъ необходимо было предварительное посвященіе съ обязательствомъ строго сохранять тайны, открывавшіяся посвященнымъ. Тайны самоѳракійскаго ученія сообщались не сразу. Необходимо было пройти установленныя степени посвященія, чтобы получить право узнать наиболѣе сокровенныя тайны и присутствовать при совершеніи важнѣйшихъ

---

[1]) На нѣсколькихъ монетахъ изъ Самоѳракіи встрѣчается надпись: Σαμο. Μητρώνακτος. A. v. Sallet, Zeitschr. f. Numismatik, 1880, S. 2. Taf. I, 1. Cf. A. v. Sallet, Beschreib. d. antiken Münzen des Berl. Mus. I, 284 n° 2, 8, 9. Какія обязанности исполнялъ этотъ Митронактъ, неизвѣстно.

[2]) Нейгайзеръ высказалъ предположеніе, что самоѳракійскіе жрецы были назначаемы потомственно изъ того племени, которое установило на Самоѳракіи культъ Кавировъ, т. е., по его мнѣнію, изъ племени Пеласговъ. Ex hac etiam gente,—пишетъ онъ,—veri simile est semper sumptos esse Cabirorum sacerdotes, tum etiam, quum Samothracia iam in Atheniensium ditionem venisset. Neuhäuser, Cadmilus, p. 28 sqq. Послѣ того, что сказано выше на стр. 34 о неосновательности предполагать происхожденіе культа Кавировъ отъ Пеласговъ, мнѣніе Нейгайзера не требуетъ новыхъ опроверженій.

мистическихъ обрядовъ. Причиной установленія степеней посвященія на Самоѳракіи, такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ мистическаго служенія божеству, была потребность узнать, насколько данное лицо способно сохранять въ тайнѣ то ученіе, которое будетъ ему сообщено. Эти степени были испытаніемъ посвящавшихся. Съ другой стороны степени посвященія были вызваны значительной разницей въ умственномъ развитіи мистовъ. Что было понятно однимъ, то могло быть непонятно другимъ; что можно было открыть одному, того не слѣдовало открывать другому. Тамъ, гдѣ членовъ множество, гдѣ они стекаются отовсюду, не можетъ быть полнаго равенства вслѣдствіе индивидуальнаго ихъ различія; тамъ необходимы различныя группировки. По всей вѣроятности, высшія степени посвященія были не всякому доступны какъ на Самоѳракіи, такъ и въ другихъ мистическихъ культахъ.

Такимъ образомъ фактъ существованія различныхъ степеней при посвященіи въ самоѳракійскія мистеріи можно было предположить даже безъ прямыхъ указаній на него, но впервые онъ отмѣченъ Ф. Ленорманомъ уже послѣ того, какъ результаты раскопокъ австрійскаго археологическаго общества представили на это прямыя, опредѣленныя указанія. Ленорманъ высказалъ мысль, что на Самоѳракіи было двѣ степени посвященія,—принявшіе посвященіе первой степени назывались μύσται, а удостоенные второй степени носили названіе ἐπόπται [1]). Но мнѣніе Ленормана не можетъ быть признано вѣрнымъ. Въ самоѳракійскихъ надписяхъ встрѣчаются μύσται, μύσται εὐσεβεῖς и ἐπόπται [2]). Эти названія

---

[1]) Daremberg-Saglio, Diction. p. 765: Les inscriptions nous apprennent qu'il y avait deux classes de mystes, correspondant évidemment à deux degrés successifs d'initiation, d'abord les simples μύσται, puis ceux qu'on appelle en grec μύσται εὐσεβεῖς, en latin mystae pii.

[2]) CIL III 713; 717. l. 4: mystes pius P. Sextius. Lippinus. Tarquitianus. Ibid. 718. CIG II 2158: μύσ[τ]ης εὐσεβὴς καὶ ἐ[π]όπτ[ης]. ...ικις (!) Μνησιστράτου Κυ[ζικη]νός. A. Conze, Arch. Untersuch. I (1875), Taf. LXXI, n° 19. Conze, ibid. II, 91 n° 1: Rufus praetorius [myst]es pius. Ibid. II 99E: [μύ]στις εὐσεβὴς... Ἱπποστράτου Κασσανδρεῖτις κιθαρίστρα. Ἀκόλουθος Εἰρήνη (=Arch. Unters. I, 42 n° 19. Taf. LXXI, 19), etc.

указываютъ на три степени посвященія. Отличіе термина ἐπόπται отъ двухъ другихъ ясно. Доказывать, что имъ обозначается особая степень, совершенно излишне въ виду очевидности факта. Иное дѣло—термины μύσται и μύσται εὐσεβεῖς. Различіе ихъ не такъ явственно и до настоящаго времени не были никѣмъ отмѣчены основанія видѣть здѣсь двѣ степени посвященія. Тутъ нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Если бы названіе μύσται εὐσεβεῖς было общепринятымъ для всѣхъ самоѳракійскихъ мистовъ, то чѣмъ объяснить, что эпитетъ εὐσεβής не всегда прилагается къ посвященнымъ въ мистеріи Кавировъ? Какія соображенія могли бы побуждать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ отвергать то, что имъ принадлежало по обычаю и по праву? Скромность? Но не было ли бы это смиреніемъ паче гордыни?

Съ другой стороны, если бы эпитетъ εὐσεβής не былъ предоставленъ лицамъ, принявшимъ опредѣленную, извѣстную степень посвященія, то было бы страннымъ самохвальствомъ прилагать его къ себѣ, въ особенности, когда рѣчь идетъ въ надписи объ одной личности, о той же самой, которая приказала вырѣзать данную надпись. Какъ непріятно звучали бы слова какой-нибудь Менилы, говорящей о себѣ „я, благочестивая миста Менилла“! Не казалось бы это страннымъ только въ томъ случаѣ, если бы эпитетъ εὐσεβής принятъ былъ для обозначенія опредѣленной степени посвященія въ отличіе отъ другихъ степеней.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ было три степени посвященія. Аналогичный фактъ существованія трехъ степеней посвященія въ мистеріяхъ елевсинскихъ представляетъ вѣское подтвержденіе этой мысли[1]).

Въ самоѳракійскія мистеріи посвящали не только взрослыхъ лицъ, но и дѣтей. Плутархъ сообщаетъ, что на Самоѳракіи встрѣтились во время праздника въ честь Кавировъ Филиппъ и Олимпіада, будучи еще дѣтьми[1]). Посвященіе дѣтей представляетъ новую черту сходства между самоѳракійскими и елевсинскими мистеріями, гдѣ посвящались Димитрѣ и Корѣ дѣти.

[1]) См. мое изслѣдованіе „Елевсинскія мистеріи“ стр. 92 слѣд., гдѣ я доказываю существованіе трехъ степеней посвященія въ Елевсинѣ.

Какъ велики были установленные промежутки времени, отдѣлявшіе одну степень посвященія отъ другой, неизвѣстно.

Самоѳракійскія торжества въ честь Кавировъ, во время которыхъ могло происходить посвященіе въ мисты, совершались въ Маѣ, Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ[2]). Это стало извѣстнымъ, сравнительно, очень недавно, лишь послѣ изслѣдованій, произведенныхъ на Самоѳракіи А. Конце и другими австрійскими учеными. Время торжествъ въ честь Кавировъ указывается только въ самоѳракійскихъ надписяхъ, авторы объ этомъ ничего не говорятъ и безъ надписей мы ничего бы не знали по этому вопросу. Относительно празднествъ въ зимнее время нѣтъ указаній, да и едва ли они тогда происходили, такъ какъ зимой частыя бури затрудняютъ сообщеніе съ Самоѳракіей.

Понятно, что самоѳракійскія торжества не всякій разъ совершались съ одинаковымъ блескомъ и пышностью, а только въ одномъ изъ назначенныхъ для нихъ мѣсяцевъ, — но въ какомъ? Не можетъ ли посодѣйствовать разрѣшенію этого вопроса одно мѣсто изъ Плутарховой біографіи Лукулла? Онъ разсказываетъ, что въ то время, какъ консулъ Воконій, отправленный противъ Митрадата, медлилъ на Самоѳракіи, принимая посвященіе и участвуя въ торжествахъ, флотъ Митрадата, съ которымъ онъ спѣшилъ вступить въ Понтъ до возвращенія изъ Рима Лукулла, сильно пострадалъ отъ ужасной бури[3]). Бури свирѣпствуютъ на Эгейскомъ морѣ ранней весной и осенью. Это заставляетъ

[1]) Plut. Alex. c. 2. Cf. Himer. Orat. I, 12. Donat. ad Terent. Form. I, 15.

[2]) A. Conze, Arch. Unters. I n° 3: [Id]us Maias. Надпись эта относится къ 64 году послѣ Р. Х. CIL III, 713: mens. Quinc. CIL III, 720: XIII, XII, XI . . . (дальше текстъ испорченъ; по дополненію Моммзена: K. Aug.,—слѣдоват. 20—22 іюля). A. Conze, Arch. Unters. I, n° 11: VI eid. Sex. Эта надпись не позже 746 ab u. c., такъ какъ Августъ называется здѣсь Sextilis. CIL. III, 717: idibus Septembr.

[3]) Plut. Lucull. c. 13.

думать, что Воконій участвовалъ въ сентябрьскихъ торжествахъ (ранней весной, насколько извѣстно, праздниковъ въ честь самоѳракійскихъ Кавировъ не было). А такъ какъ гордый римскій консулъ едва ли пріѣхалъ бы въ Самоѳракію на одинъ изъ незначительныхъ праздниковъ, то слѣдуетъ полагать, что сентябрьскіе праздники были самые торжественные и во время ихъ производилось посвященіе въ самую высшую степень—епоптовъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію обрядовъ посвященія и такъ тѣсно связанному съ ними исполненію самоѳракійскихъ оргій, къ присутствію на которыхъ допускались посвященные.

„Въ началѣ мистерій у Ellиновъ совершаются очищенія", говоритъ Климентъ александрійскій [1]). Соотвѣтственно этому и посвященіе, какъ приготовленіе къ участію въ мистическихъ торжествахъ, должно было начинаться очищеніемъ. Оригенъ, говоря о мистическихъ обрядахъ язычниковъ, замѣчаетъ, что они призываютъ къ участію въ торжествѣ тѣхъ, которые чисты тѣломъ и душой [2]). Въ данномъ мѣстѣ Оригенъ говоритъ о мистеріяхъ вообще,—самоѳракійскія, конечно, не составляли исключенія. Обрядъ очищенія исполнялся Коемъ, о чемъ высказаны соображенія выше.

Есть основанія думать, что новопосвященныхъ сажали на троны и жрецы вмѣстѣ со всѣми присутствующими совершали вокругъ ихъ пляску [3]). У Лукреція и Плинія есть указаніе на то, что мисты надѣвали желѣзныя кольца и носили ихъ, конечно, какъ амулеты [4]). Этотъ обрядъ указываетъ на связь миѳовъ о Промиѳеѣ съ миѳами о самоѳракійскихъ Кавирахъ. Было преданіе, будто Промиѳей, примирившись съ Зевсомъ, сталъ носить на рукѣ кусочекъ той скалы, къ которой онъ былъ прикованъ, оправивъ его въ желѣзо [5]).

---

[1]) Clem. Alex. Strom. V, 284 Sylb.: οὐκ ἀπεικότως ἄρα καὶ τῶν μυστηρίων τῶν παρ' Ἕλλησιν ἄρχει μὲν τὰ καθάρσια.

[2]) Origen. C. Cels. III, 486. Cf. Isocr. IV, 73 E. Julian. Orat. VII, 239 C. Liban. Orat. Corinth. IV, 356 Reiske. Clem. Alex. Strom. IV, 204.

[3]) Plat. Euthyd. 277 D. Dion. Chrys. Orat. XII, 388 R.

[4]) Lucr. ND. VI, 1043 sq. Plin. NH. XXXIII, 6. Isidor. Orig. XIX, 32.

[5]) Catull. LXIV, 295 sq.

Извѣстно еще, что мисты украшали себя вѣтвями [1]) и надѣвали пурпуровые пояса [2]). Изъ отрывочныхъ замѣчаній въ схоліяхъ къ Аполлонію родосскому можно заключать, что послѣдній обрядъ имѣлъ связь съ драматическимъ воспроизведеніемъ миѳа о посвященіи въ самоѳракійскія мистерія Одиссея, которому, при его продолжительныхъ странствованіяхъ на морѣ, необходима была помощь Кавировъ, спасающихъ отъ морскихъ опасностей, и Агамемнона, спасеннаго Кавирами отъ грозившей ему опасности во время возстанія войска подъ Троей. Эти повязки считались также амулетами, охраняющими не только отъ опасностей на морѣ, но и отъ бѣдствій житейскихъ.

По окончаніи обряда посвященія мисты допускались къ созерцанію священныхъ драмъ, изображавшихъ различныя событія изъ миѳовъ о Кавирахъ [3]). О распредѣленіи этихъ драмъ нѣтъ никакихъ указаній въ древнихъ источникахъ. Остается также совершенно неизвѣстнымъ, сколько времени продолжались самоѳракійскія торжества. Порядокъ слѣдованія однѣхъ драмъ за другими, конечно, опредѣлялся взаимной связью событій въ томъ преемствѣ, въ какомъ слѣдовали они одно за другимъ въ самоѳракійскихъ миѳахъ. Такимъ образомъ, можно полагать, прежде всего драматически представлялось установленіе Кавирами мистерій, затѣмъ различныя обстоятельства, въ которыхъ проявилась ихъ божественная сила и помощь людямъ, или когда виновныхъ постигалъ гнѣвъ Кавировъ. Но, къ сожалѣнію, о мистическихъ драмахъ ничего неизвѣстно.

---

[1]) На керамическихъ изображеніяхъ, найденныхъ при раскопкахъ въ ѳиванскомъ Кавиріи, встрѣчаются изображенія мистовъ, увѣнчанныхъ листьями и съ вѣтвями въ рукахъ.

[2]) Schol. Apoll. Rhod. I, 917: περὶ γὰρ τὴν κοιλίαν οἱ μεμυημένοι ταινίας ἅπτουσι πορφυρᾶς. Cf. Suid: ἀλλ' εἴ τις.

[3]) О священныхъ драмахъ на Самоѳракіи говоритъ Галинъ, De usu part. VIII, c. 14 (vol. III, p. 576 Kuehn): Πρόσεχε τοίνυν ἤδη μοι τὸν νοῦν μᾶλλον, ἢ εἴ ποτε μυούμενος Ἐλευσίνια καὶ Σαμοθράκια καὶ ἄλλην τινὰ τελετὴν ἁγίαν ὅλος ἦσθα πρὸς τοῖς δρωμένοις τε καὶ λεγομένοις ὑπὸ τῶν ἱεροφαντῶν κτέ.

С. Круа, а за нимъ Нейгайзеръ и нѣкоторые другіе ученые, основываясь на свидѣтельствѣ Климента александрійскаго и Юлія Фирмика о томъ, что одинъ изъ Кавировъ былъ убитъ своими братьями, держались того мнѣнія, что на Самоѳракіи изображалась сцена убійства Кавира, его погребенія и воскрешенія. На основаніи аналогіи съ обрядами, совершавшимися въ другихъ культахъ, Нейгайзеръ представилъ очень живую картину, какъ воспроизводились на Самоѳракіи сцены, имѣвшія отношеніе къ миѳу объ убійствѣ Кавира [1]). Но пріурочивать обрядъ этотъ къ самоѳракійскимъ мистеріямъ нѣтъ основанія, такъ какъ изъ словъ Климента александрійскаго и Юлія Фирмика вытекаетъ, что обрядъ этотъ совершался въ Македоніи. Юлій Фирмикъ говоритъ объ этомъ прямо [2]), а Климентъ указываетъ косвенно, замѣчая, что голова Кавира была погребена его братьями у подошвы Олимпа [3]). Если бы этотъ обрядъ совершался на Самоѳракіи, то едва ли Климентъ и Фирмикъ обошли бы это обстоятельство молчаніемъ, такъ какъ Самоѳракія была главнымъ мѣстомъ почитанія Кавировъ. Кромѣ того самый характеръ ученія о Кавирахъ на Самоѳракіи не даетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы тамъ установился миѳъ объ убійствѣ Кавира. Кавиры самоѳракійскіе сближались съ елевсинскими божествами, съ Діоскурами, Куритами, Коривантами, Идейскими Дактилями и Тельхинами, но ни одно изъ этихъ существъ не представлялось въ греческихъ миѳахъ погибающимъ отъ руки своихъ братьевъ, воскрешеннымъ и затѣмъ примиряющимся, во славѣ и величіи, съ своими убійцами. Если строго держаться только того, о чемъ сообщаютъ древніе авторы, на что указываютъ самоѳракійскіе миѳы, — насколько они намъ извѣстны,— то сказаніе объ убійствѣ Кавира должно признать македонскимъ миѳомъ и всѣ многочисленныя керамическія изображенія смерти Кавира, его воскрешенія и ѳеогаміи имѣющими связь съ миѳами этой области, а не самоѳракійскими. Соотвѣтственно различію миѳовъ о Кавирахъ различны были и драмы, совершавшіяся на праздникахъ въ ихъ честь въ различныхъ мѣстахъ древняго міра. Лучше отмѣтить совершенный пробѣлъ по вопросу о тѣхъ δρώμενα, въ которыхъ воспроизводились на Самоѳракіи миѳы о Кавирахъ, чѣмъ пріурочивать сюда то, что по прямымъ указаніямъ можно отнести только къ Македоніи.

Въ связи съ драмами, имѣвшими отношеніе къ миѳамъ о Кавирахъ, совершались на Самоѳракіи и другія драмы, имѣвшія отношеніе къ тѣмъ божествамъ и героямъ, которые находились, по сказаніямъ, въ какомъ-нибудь отношеніи къ Кавирамъ. Есть прямое свидѣтельство о томъ, что во время самоѳракійскихъ торжествъ исполнялся обрядъ поисковъ за Армоніей въ память о тѣхъ поискахъ, которыя были, по миѳу, предприняты, когда прелестную Армонію похитилъ приплывшій на Самоѳракію Кадмъ [1]).

Несомнѣнное отношеніе къ обрядамъ посвященія въ самоѳракійскія мистеріи имѣетъ одна древняя ваза, изданная Панофкой [2]). Въ центрѣ рисунка этой вазы изображена герма, представляющая собой молодаго Вакха-Плутона. По правую сторону гермы находится дерево, вѣтви котораго поднимаются до верхней части картины. Подлѣ дерева стоитъ Орфей, увѣнчанный тополемъ, въ плащѣ и сандаліяхъ. Одной рукой онъ держитъ лиру, другой старается остановить Кервера, который бросается на вступающихъ въ область Аида людей. Это идетъ нагой юноша со шляпой, переброшенной на спину, неся въ лѣвой рукѣ два копья и плащь. За юношей слѣдуетъ старикъ въ плащѣ, наброшенномъ поверхъ хитона, съ кривой палкой въ рукѣ. Юноша указываетъ ему правой рукой на Орфея, какъ бы спрашивая, можно ли взять изъ его рукъ лиру. Старикъ, повидимому, позволяетъ ему сдѣлать это. Направо, позади Орфея, сидитъ подъ миртовымъ деревомъ жена

---

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 130 sq.

[2]) Jul. Firm. De err. profan. relig. c. 11 C. Halm (CSER II, 91).

[3]) Clem. Alex. Cohort. c. 2 p. 6 Sylb. (=Euseb. Praep. Euang. II, 3, 27 sq. Dind.).

[1]) Schol. Eurip. Phoen. v. 7: Ἔφορος δὲ Ἠλέκτρας τῆς Ἄτλαντος αὐτὴν (т. е. Армонію) εἶναι λέγει, Κάδμον δὲ παραπλέοντα τὴν Σαμοθράκην ἁρπάσαι αὐτήν, τὴν δὲ εἰς τιμὴν τῆς μητρὸς ὀνομάσαι τὰς Ἠλέκτρας πύλας, καὶ νῦν ἔτι ἐν τῇ Σαμοθράκῃ ζητοῦσιν αὐτὴν ἐν ταῖς ἑορταῖς.

[2]) Panofka, Musée Blacas, pl. VII. Cf. Archäol. Zeit. 1844, Taf. XIV. Mém. de l'Acad. des Inscriptions, nouvelle série, t. XXI, 2-re part., p. 104 sq.

его Евридика. На другомъ, верхнемъ планѣ картины, по правую сторону сидитъ Афродита. Голова ея украшена повязкой, тѣло ея покрыто прозрачной одеждой, сквозь которую просвѣчиваютъ прекрасныя формы богини. Въ лѣвой рукѣ она держитъ вѣеръ, правой подхватываетъ лебедя, который усаживается на ея колѣняхъ. Предъ Афродитой изображенъ крылатый Еротъ съ мистической повязкой въ рукѣ. Въ лѣво отъ Ерота — Ермій съ своимъ волшебнымъ жезломъ, удерживающій правой рукой собаку. За Ерміемъ стоитъ Панъ въ видѣ безбородаго красиваго юноши. Голова его украшена повязкой. Въ правой рукѣ онъ держитъ свирѣль.

На другой сторонѣ вазы[1]) въ центрѣ картины изображенъ юноша, тотъ же самый, который представленъ на лицевой сторонѣ. Онъ увѣнчанъ повязкой въ знакъ того, что уже принялъ посвященіе въ мистеріи. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ два копья, правую протягиваетъ съ чашей къ молодой женщинѣ, которая наливаетъ ему какой-то напитокъ[2]). По правую сторону посвященнаго стоитъ другой совершенно обнаженный юноша съ копьемъ въ лѣвой рукѣ; правой рукой онъ протягиваетъ посвященному три мистическія повязки. Вверху надъ посвященнымъ паритъ крылатый геній—гермафродитъ, держа гирлянду розъ и повязку для посвященнаго.

Т. Панофка признаетъ въ этихъ рисункахъ изображеніе посвященія въ самоѳракійскія мистеріи. Основаніемъ для такого объясненія служитъ ему свидѣтельство Плинія о томъ, что Афродита, Поѳосъ и Фаэтонтъ были особенно почитаемы на Самоѳракіи[3]). Присутствіе Афродиты и Поѳоса, въ видѣ крылатаго Ерота, на этомъ рисункѣ очевидно. Незамѣтно при первомъ взглядѣ Фаэтонта, но Панофка рядомъ остроумныхъ соображеній убѣдительно доказываетъ, что его замѣняетъ на этомъ рисункѣ Панъ. Такимъ образомъ мы видимъ на этомъ рисункѣ ту тріаду, о соотвѣтствіи которой Аксіеру, Аксіокерсу и Аксіокерсѣ рѣчь была выше при

---

[1]) Panofka, Musée Blacas, pl. VIII.

[2]) Ср. елевсинскій „кикеонъ".

[3]) Plin. HN. XXXVI, 4 (5).

опредѣленіи божествъ, отожествлявшихся въ силу мистической синкрасіи съ самоѳракійскими Кавирами[1]).

Нѣкоторые обряды самоѳракійскихъ мистерій совершались въ особой пещерѣ. Изъ словъ Ликофрона можно заключать, что въ этой пещерѣ происходили оргіи въ честь Екаты, культъ которой былъ присоединенъ къ культу Кавировъ[2]).

Во время самоѳракійскихъ торжествъ происходили процессіи мистовъ, которые несли вакхическіе ѳирсы въ рукахъ[3]). Процессіи эти направлялись отъ одного святилища къ другому, а также въ священныя рощи. Быть можетъ, мисты выходили и на берегъ моря, чтобы тамъ, въ виду грозной стихіи, испросить заступничества Кавировъ. Священнодѣйствія сопровождались шумной, экстатической музыкой. Танцоры и танцовщицы, спеціально обучавшіеся религіознымъ пляскамъ, представляли въ пластичныхъ, выразительныхъ тѣлодвиженіяхъ миѳы, относившіеся къ исторіи Кавировъ и другихъ божествъ, культъ которыхъ былъ связанъ съ почитаніемъ Кавировъ[4]). По свидѣтельству Цицерона, самоѳракійскія оргіи происходили въ ночное время[5]). Ночная тишина, когда замираетъ вся природа, и ночной мракъ, разгоняемый свѣтомъ факеловъ, придавали религіознымъ торжествамъ особое величіе и производили на молящихся глубокое впечатлѣніе.

Для участія въ самоѳракійскихъ торжествахъ стекались поклонники изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ древняго міра. Многіе

---

[1]) См. стр. 52.

[2]) Lycophr. Alex. 77: Ζήρινθον ἄντρον τῆς κυνοσφαγοῦς θεᾶς
λιπὼν ἑρυμνὸν κτίσμα Κυρβάντων Σάον κτέ.
Schol. Nicand. Ther. v. 460: ἄλλοι δὲ τὸ Ζηρίνθιον ἄντρον ἐν Σαμοθράκῃ φασὶν εἶναι. Cf. Nonn. Dionys. IV, 183 sq:
ἄντρα Καβείρων,
χαίρετε, καὶ σκοπιαὶ Κορυβαντίδες· οὐκέτι λεύσσω
μητρῴης Ἑκάτης νυχίην θιασώδεα πεύκην.

[3]) Stat. Achil. II, 157 sq.

[4]) Strab. X, 466. Cf. X, 470. Lucian. De salt. c. 15. Cf. Orph. H. XXXI, 1 Abel: σκιρτηταὶ Κουρῆτες, -ποσσίκροτοι κτέ.

[5]) Cic. ND. I, 42.

города отправляли на Самоѳракію своихъ пословъ для присутствія на праздникахъ въ честь Кавировъ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, спустя цѣлый рядъ вѣковъ, сохранились на камняхъ и извлечены на свѣтъ. Не только Греки, но и гордые Римляне посѣщали негостепріимную Самоѳракію во время празднествъ и съ покорной мольбой о своемъ счастіи обращались къ богамъ покореннаго ими народа. Въ надписяхъ, найденныхъ А. Конце во время археологическихъ изслѣдованій на Самоѳракіи, встрѣчаются имена мистовъ, пришедшихъ для присутствія на самоѳракійскихъ торжествахъ изъ Дардана, Илеи, Кизика, Саны, Аликарнасса, Колофона, Ефеса, Мароніи и другихъ городовъ [1]).

Обряды самоѳракійскихъ мистерій, конечно, не оставались неизмѣнными во все время существованія культа Кавировъ, но наклонность древнихъ Грековъ сохранять религіозныя установленія κατὰ τὰ πάτρια, въ той формѣ, въ какой они были приняты предками, даетъ основаніе полагать, что перемѣны эти были незначительны. Онѣ могли вызываться измѣненіями въ ученіи о самоѳракійскихъ божествахъ, внесеніемъ въ область этого культа другихъ божествъ, а также стремленіемъ придать внѣшней сторонѣ мистерій больше блеска и пышности. Первоначально самоѳракійскія драмы, конечно, не отличались такой сложностью, какъ въ то время, когда установилось на Самоѳракіи почитаніе Діоскуровъ, Кивелы, Реи и другихъ божествъ, когда возникла необходимость драматически воспроизводить миѳы, относившіеся и къ этимъ божествамъ. А что касается до роскоши обстановки самоѳракійскихъ оргій, то особеннаго блеска достигли онѣ при діадохахъ. Раньше діадоховъ, когда самоѳракійскія мистеріи еще не пользовались большой славой, едва ли совершались онѣ съ такимъ блескомъ. Изъ Кв. Курція можно заключать, что Александръ Великій смотрѣлъ на самоѳракійскія мистеріи съ презрѣніемъ [1]). Но уже Лисимахъ относился съ большимъ уваженіемъ къ самоѳракійскимъ мистеріямъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство [2]). Глубокое уваженіе оказывали Самоѳракіи и его преемники. Среди политическихъ тревогъ, волновавшихъ всю Елладу, среди упорной и кровавой борьбы діадоховъ этотъ островъ наслаждался миромъ и сохранялъ права неприкосновеннаго убѣжища. Тамъ спасалась Арсиноя отъ преслѣдованій Птоломея Керавна. Тамъ же искалъ убѣжища съ своей женой и дѣтьми Персей, побѣжденный Римлянами [3]). На Самоѳракіи искалъ себѣ пріюта и Птоломей Филометоръ, уступая совѣту своего любимаго евнуха Евлея [4]). Со времени смерти Александра Великаго до правленія Августа Самоѳракія только дважды подвергалась нападеніямъ: при Лисимахѣ и во время борьбы съ пиратами, которые разрушили храмъ Кавировъ и разграбили его громадныя богатства [5]). Но на эти случаи можно смотрѣть какъ на исключительныя явленія. Число ихъ не велико сравнительно съ даннымъ періодомъ.

Во время римскаго владычества надъ Елладой уваженіе къ самоѳракійскимъ мистеріямъ не уменьшилось. Римляне предоставили Самоѳракіи автономію [6]) и охотно принимали посвященіе въ таинства Кавировъ. Надписи съ именами римскихъ мистовъ открыты въ значительномъ числѣ во время археологическихъ раско-

[1]) Conze, Reise auf d. Ins. Thrak. Meeres, S. 64: θεωροὶ Δαρδανέων, cf. ibid. S. 70: θεωροὶ Δαρδανεῖς, ibid. S. 64: Ἠλείων θεωροί. S. 67: [θεωροὶ παραγενόμενοι] Μυριναίων, ibid. θεω[ροὶ πα]ραγενόμενοι Σαν[αίων], ibid. S. 68: θ[εωροὶ παραγενόμενοι] Ἀλικαρνασεῖς. Cf. ibid. S. 70, ibid. Κεραμιητῶν θεωροί. Cf. Conze, Arch. Untersuch. II 98 См. Conze, Reise, S. 72, гдѣ перечислены тѣ города, представители которыхъ встрѣчаются въ самоѳракійскихъ надписяхъ.

[1]) Curtius, VIII, I, 26.
[2]) Monatsb. d. Akad. zu Berl. 1855, S. 623.
[3]) T. Liv. XLV, 5 sq. Plut. Aem. Paul. c. 26. Iustin. XXXIII, 2.
[4]) Polyb. XXVIII, 21 (17a).
[5]) Appian. BM. c. 63. Plut. Pomp. c. 24.
[6]) Plin. HN. IV, 73 (23). Ср. слова Л. Атилія: „utrum nos, hospites Samothraces, vere accepimus, an falso, sacram hanc insulam et augusti totam atque inviolati soli esse?“ T. Liv. XLV, 5. Но Самоѳракія впослѣдствіи все-таки была лишена самоуправленія. Такъ можно заключать изъ словъ Аппіана, который замѣчаетъ, что въ его время всѣ острова Эгейскаго моря были подчинены Римлянамъ. App. Praef. c. 5 Когда отнято было у Самоѳракійцевъ самоуправленіе, неизвѣстно.

покъ на Самоѳракіи, произведенныхъ австрійскими учеными[1]). Повидимому, былъ посвященъ въ самоѳракійскія мистеріи и Цицеронъ, одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ римлянъ своего времени[2]). Гордый Марцеллъ пожертвовалъ въ храмъ Кавировъ много статуй и картинъ[3]). Даже племянникъ могучаго императора Августа Германикъ желалъ посѣтить Самоѳракію какъ мѣсто славное древними преданіями, и только страшныя бури помѣшали ему исполнить свое желаніе[4]). Многіе императоры принимали посвященіе въ самоѳракійскія мистеріи и охотно позволяли изображать себя на монетахъ въ видѣ Кавировъ. Вступленіе гордыхъ владыкъ древняго Рима въ среду самоѳракійскихъ мистовъ указываетъ, что значеніе культа Кавировъ на Самоѳракіи не ослабѣло съ потерей еллинской независимости, слѣдовательно была въ этомъ культѣ высокая нравственная сила, предъ которой преклонилась сила оружія непобѣдимыхъ завоевателей.

ГЛАВА V.

Культъ Кавировъ на Лимносѣ, Имвросѣ и въ Віотіи.

А. *Кавиры на Лимносѣ.*

Вліяніе природы Лимноса на особыя черты лимносскихъ Кавировъ. Представленія древнихъ Грековъ о лимносскихъ Кавирахъ. Божества, культъ которыхъ былъ соединенъ на Лимносѣ съ культомъ Кавировъ. Герои, соединенные съ культомъ Кавировъ на этомъ островѣ. Лимносскія торжества въ честь Кавировъ.

Культъ Кавировъ на Лимносѣ имѣлъ мистическій характеръ, подобно самоѳракійскому. На это указываютъ Ферекидъ (у Страбона)[5]) и римскій поэтъ Аттій[6]). Но мистеріи лимносскія не до-

[1]) См. CIL III, 713—722.
[2]) Cic. ND. I, 42.
[3]) Plut. Marcel. c. 30.
[4]) Tacit. Ann. II, 54.
[5]) Strab. X, 472.
[6]) Attius, Philoct. fr. 51. Cf. Cic. ND. I, 42.

стигли той степени развитія и не привлекали къ себѣ такого множества восторженныхъ поклонниковъ, какъ мистеріи самоѳракійскія. Развитіе самоѳракійскаго культа Кавировъ въ ущербъ лимносскому, не смотря на громадныя неудобства сообщенія съ Самоѳракіей, заставляетъ предполагать особенныя черты въ самоѳракійскомъ ученіи о Кавирахъ, ставившія его выше лимносскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что самоѳракійское ученіе о Кавирахъ представляло болѣе сложную систему, чѣмъ ученіе о тѣхъ же божествахъ на Лимносѣ. Нельзя не замѣтить, что въ дошедшихъ до настоящаго времени отъ древности извѣстіяхъ лимносскіе Кавиры нигдѣ не представляются спасителями отъ несчастій на морѣ. Не имъ предлагаетъ молиться о заступничествѣ Тригей въ комедіи Аристофана „Миръ“, а Кавирамъ самоѳракійскимъ[1]). Эти данныя, хотя и отрицательнаго характера, быть можетъ, не случайны, а въ основѣ ихъ лежитъ особенность ученія о лимносскихъ Кавирахъ. Можно полагать, что и нравственныя преимущества посвящавшихся на Самоѳракіи признавались болѣе значительными, чѣмъ тѣхъ, которые принимали посвященіе на Лимносѣ,—въ противномъ случаѣ большинство мистовъ стремилось бы на Лимносъ.

Природа Лимноса отразилась на особенныхъ чертахъ Кавировъ, которые были почитаемы на этомъ островѣ. Подъ вліяніемъ вулканической природы этого острова[2]) въ представленіяхъ древнихъ грековъ о лимносскихъ Кавирахъ съ особою силою выступаетъ идея о подземномъ огнѣ. По свидѣтель-

[1]) Aristoph. Pac. v. 277 sq.

[2]) Лимносъ обязанъ своимъ происхожденіемъ дѣйствію вулканическихъ силъ. Силы эти продолжали дѣйствовать и въ тѣ времена, отъ которыхъ сохранились точныя историческія свѣдѣнія. Графъ Шуазель Гуффье нашелъ вблизи Лимноса слѣды исчезнувшаго острова Хрисы, извѣстнаго изъ исторіи Филоктита. Во время Митрадатовской третьей войны этотъ островъ былъ еще замѣтенъ надъ поверхностью моря, но при Павсаніи онъ находился подъ волнами моря. App. BM.c. 77. Paus. VIII, 33, 4. См. Physikalische Geogr. von Griechenl. Neumann-Partsch, Bresl. 1885, S. 338 f.

ству Акусилая аргосскаго Кавиры произошли отъ нимфы Кавиры и Камилла, а Камиллъ признавался сыномъ Ифеста, бога огня. По согласному съ Акусилаемъ свидѣтельству Ферекида Кавиры были дѣти нимфы Кавиры, дочери Протея и Ифеста[1]). Приведя эти миѳы, Стравонъ замѣчаетъ, что Кавировъ наиболѣе почитали на Лимносѣ и Имвросѣ,—отсюда ясно, что миѳъ о происхожденіи Кавировъ отъ бога огня былъ особенно распространенъ на этихъ вулканическихъ островахъ. Идея о вулканическомъ огнѣ замѣтна въ тѣхъ чертахъ, какія приписываетъ лимносскимъ Кавирамъ Алкону и Евримедонту Ноннъ панополитанскій[2]). По Нонну лимносскіе Кавиры—сыновья Ифеста и ѳракійской нимфы Кавиры. Подобно своему отцу, они изготовляютъ при помощи огня различныя издѣлія изъ металловъ. На лимносскихъ монетахъ Кавиры изображались съ аттрибутами Ифеста, съ молоткомъ въ рукѣ и въ конической шапочкѣ на головѣ.

Идея о Кавирахъ, какъ о божествахъ огня, замѣчается и въ обрядахъ лимносскихъ мистерій. Филостратъ разсказываетъ, что въ воспоминаніе объ одномъ преступленіи, которое совершили лимносскія женщины[3]), на Лимносѣ ежегодно совершалось очищеніе. Въ это время на девять дней тушили всѣ огни на островѣ

---

[1]) Strab. X, 472, 473. Cf. Hesych. Κάβειροι· καρκῖνοι· πάνυ δὲ τιμῶνται οὗτοι ἐν Λήμνῳ ὡς θεοί· λέγονται δὲ εἶναι Ἡφαίστου παῖδες. Eustath. Odyss. VIII, 292.

[2]) Nonn. Dionys. XIV, 17 sq. XXIX, 193.

[3]) Сущность всѣхъ разсказовъ древнихъ авторовъ о преступленіи лимносскихъ женщинъ сводится къ тому, что онѣ перебили своихъ мужей. Возникло ли это преданіе на почвѣ дѣйствительнаго событія, или оно представляетъ фикцію для объясненія обряда, происхожденіе котораго стало совершенно темнымъ,—трудно рѣшить. Повидимому, болѣе основаній полагать, что въ основѣ этого преданія лежитъ дѣйствительный фактъ, хотя и не въ такихъ размѣрахъ. Очень возможно, что нѣкоторыя изъ похищенныхъ Лимносцами женщинъ перебили своихъ мужей. О похищеніи Лимносцами женщинъ говорятъ многіе авторы. См. Herod. IV, 145. VI, 138. Apollod. I, 9, 17. Polyaen. VII, 10. Plut. De mulier. virt. 9. Quaest. gr. 21. Schol. Pind. Pyth. IV, 88. Schol. Eurip. Hec. 870. Schol. Apoll. Rhod. I, 609. cf. 615. Steph. Byz. Σιντία. См. Welcker, Aeschyl. Trilog. S. 247 ff.

и посылали корабль за новымъ огнемъ на Дилосъ[1]); въ теченіе девяти дней приносили жертвы въ честь умершихъ и молились хтоническимъ и таинственнымъ богамъ[2]).

Фотій въ своемъ лексиконѣ замѣчаетъ, что Кавиры были божественныя существа, перенесенныя изъ Лимноса вслѣдствіе какого-то преступленія лимносскихъ женщинъ[3]). Это замѣчаніе имѣетъ совершенно отрывочный характеръ. Фотій не говоритъ, куда были перенесены Кавиры. На рѣшеніе этого вопроса бросаетъ свѣтъ приведенный выше разсказъ Филострата объ отправленіи корабля на Дилосъ во время лимносскаго праздника въ честь Кавировъ. Отсюда можно заключить, что существовалъ у древнихъ Грековъ миѳъ о переселеніи Кавировъ изъ Лимноса на Дилосъ. Не перевозили-ль во время этого праздника статуи Кавировъ на Дилосъ въ знакъ того, что боги покидаютъ Лимносъ, возмущенные злодѣяніемъ лимносскихъ женщинъ[4])? Тушеніе огня на девять дней символически могло указывать на отсутствіе Кавировъ—божествъ огня.

Въ природѣ Лимноса замѣчается и другая черта. Почва этого острова была очень удобна для разведенія винограда. Уже у Омира упоминаются корабли, привезшіе Ахейцамъ вино изъ Лимноса, посланное имъ въ даръ потомкомъ Ясона Евеномъ[5]). Про-

---

[1]) Ф. Ленорманъ остроумно указалъ на отношеніе къ этому празднику изображенія горящаго факела на одной лимносской монетѣ. Daremb.-Saglio, Diction. p. 759.

[2]) Philostr. Heroic. XX, 24. О. Крузіусъ высказалъ сомнѣніе объ отношеніи этого праздника къ культу Кавировъ. См. Ersch—Gruber, RE. XXXII, 2 S. 21. Но едва ли это сомнѣніе основательно. Филостратъ говоритъ: θεοὺς γὰρ χθονίους καὶ ἀπορρήτους καλοῦντες τότε καθαρόν, οἶμαι, τὸ πῦρ τοὺν τῇ θαλάττῃ φυλάττουσιν, а какіе же другіе θεοὶ ἀπόρρητοι были на Лимносѣ, кромѣ Кавировъ?

[3]) Phot. Lex. v. Κάβειροι.

[4]) Это предположеніе высказалъ уже Велькеръ, Aeschyl. Trilog., S. 248.

[5]) Il. VII, 467 sqq: νῆες δ' ἐκ Λήμνοιο παρέστασαν οἶνον ἄγουσαι
πολλαί, τὰς προέηκεν Ἰησονίδης Εὔηνος.
τὸν ῥ' ἔτεχ' Ὑψιπύλη ὑπ' Ἰήσονι, ποιμένι λαῶν.

шелъ отъ Омировскаго времени рядъ вѣковъ, но Лимносская земля не утратила своего плодородія, и въ Аристофановской комедіи „Миръ“ хоръ поетъ:

„Любо мнѣ на лозы Лимноса глядѣть“ [1]).

Эта черта лимносской природы также отразилась на представленіяхъ древнихъ Грековъ о мѣстныхъ Кавирахъ. Въ трагедіи Эсхила „Кавиры“ эти существа были изображены божественными покровителями винодѣлія, шутливо грозящими Аргонавтамъ все наполнить виномъ [2]).

Но кромѣ природы отражались на культѣ Кавировъ и религіозно-философскія ученія, въ особенности ученіе Орфиковъ. Подъ вліяніемъ его, какъ видно въ сообщаемомъ Ипполитомъ отрывкѣ изъ Пиндара, на Лимносѣ былъ почитаемъ Кавиръ, имѣвшій прекрасное дитя, какъ родоначальникъ человѣчества [3]).

При разсмотрѣніи упоминаній древнихъ авторовъ о лимносскихъ Кавирахъ нельзя не замѣтить крайняго непостоянства въ представленіи объ ихъ числѣ, притомъ даже въ извѣстіяхъ писателей близкихъ между собою по времени. Такъ, по Пиндару на Лимносѣ былъ одинъ Кавиръ, по Ферекиду — три, по Эсхилу — неопредѣленное число, затѣмъ, спустя цѣлый рядъ вѣковъ, у Нонна панополитанскаго является два Кавира.

Если бы было основаніе думать, что авторъ поэмы Διονυσιακά руководился ближайшими къ себѣ по времени, а не древними миѳами, то отсюда можно было бы заключить, что колеблющіяся представленія о лимносскихъ Кавирахъ какъ о монадѣ, тріадѣ и вообще неопредѣленномъ числѣ въ концѣ концовъ установились на діадѣ, но, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности опредѣлить, какими источниками пользовался Ноннъ при изложеніи миѳа о Кавирахъ. Сопоставленіе выше приведенныхъ фактовъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что представленіе о Кавирахъ лимносскихъ какъ

[1]) Aristoph. Pac. v. 1161 sq.

[2]) TGF, Aesch. fr. 94—97, Nauck².

[3]) Origen. (Hippol.), Philosoph., p. 97 E. Miller. Cf. Preller, Ausgew. Aufsätze, S. 158. O. Kern, Hermes, 1890, S. 15.

о діадѣ было болѣе позднимъ, чѣмъ представленіе о нихъ какъ о монадѣ и тріадѣ, но сдѣлалось ли впослѣдствіи представленіе о нихъ какъ о діадѣ исключительнымъ, вполнѣ установившимся, этотъ вопросъ приходится оставить открытымъ.

Говоря о Кавирахъ, Акусилай и Ферекидъ упоминаютъ объ ихъ трехъ сестрахъ, нимфахъ Кавиридахъ [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этихъ же Кавиридъ слѣдуетъ разумѣть подъ лимносскими нимфами, о которыхъ идетъ рѣчь въ томъ мѣстѣ схолій къ Пиндару, гдѣ сообщается преданіе, что Мидія, жена Ясона, избавила Коринѳянъ отъ голода, принеся жертву Димитрѣ и лимносскимъ нимфамъ [2]). Изъ этихъ словъ становится яснымъ, что въ представленіи о нимфахъ Кавиридахъ, а, слѣдовательно, и родственныхъ имъ лимносскихъ Кавирахъ, была черта общая аграрнымъ божествамъ — покровительство земледѣлія. Каково было отношеніе нимфъ Кавиридъ къ Кавирамъ по лимносскимъ миѳамъ, неизвѣстно. Едва ли эти божества представлялы три пары, соединенныя брачными узами. Такъ какъ на это нѣтъ нигдѣ указаній, ни у древнихъ авторовъ, ни въ символикѣ изъ области культа Кавировъ, то было бы совершенно произвольно видѣть въ лимносскихъ Кавирахъ и Кавиридахъ идею брачнаго союза трехъ діадъ. На это указалъ уже Велькеръ [3]), и едва ли можно оспаривать его мнѣніе.

Итакъ въ представленіи о лимносскихъ Кавирахъ выступаютъ черты общія божествамъ огня, винодѣлія и божествамъ аграрнымъ. Всѣ эти божества, по всей вѣроятности, стояли въ тѣсной связи на Лимносѣ съ культомъ Кавировъ, но о божествахъ винодѣлія и аграрныхъ нѣтъ прямыхъ указаній, а есть указанія о божествахъ огня.

Уже во времена Омировскія существовалъ на Лимносѣ культъ

[1]) Strab. X, 472 (слова Акусилая аргосскаго и Ферекида сиросскаго). Сравн. Steph. Byz. v. Καβειρία.. καὶ νύμφαι Καβειρίδες ἀπὸ Καβείρης τῆς Πρωτέως καὶ Ἀγχιόνης, ἀφ' ἧς καὶ Ἡφαίστου Κάδμιλος.

[2]) Schol. Pind. Ol. XIII, 74: καὶ ἔπαυσε (Μήδεια) Κορινθίους λιμῷ κατεχομένους θύσασα Δήμητρι καὶ νύμφαις Λημνίαις.

[3]) Welcker, Aesch. Trilog., S. 214.

бога огня—Ифеста [1]). Онъ не былъ вытѣсненъ культомъ Кавировъ, но соединился съ нимъ. Какъ на посредствующее звено между обоими этими культами можно смотрѣть на миѳъ, по которому Кавиры признавались сыновьями Ифеста. Несомнѣнно, въ силу этого сказанія Лимносъ назывался священнымъ островомъ не только Кавировъ, но и отца ихъ Ифеста [2]). Какимъ уваженіемъ былъ окруженъ на Лимносѣ культъ Ифеста, указываютъ лимносскія монеты. На нихъ изображалась голова Ифеста, какъ покровителя острова [3]), подобно тому какъ на монетахъ посвященнаго солнцу Родоса изображалась голова солнца.

Кромѣ того былъ на этомъ островѣ культъ Ермія [4]). Хотя въ лимносскихъ миѳахъ нѣтъ прямыхъ указаній на связь этого божества съ Кавирами, но ее можно съ полнымъ основаніемъ предполагать на основаніи связи Ермія съ культомъ Кавировъ на Имвросѣ, который представляетъ значительное сходство съ лимносскимъ.

О почитаніи Аполлона на Лимносѣ свидѣтельствуетъ изображеніе этого бога на монетахъ города Ифестіи [5]), а о культѣ его сестры Артемиды среди Лимносцевъ прямо говоритъ Галинъ [6]). Его слова подтверждаются Плутархомъ, который, прославляя доблести женщинъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что у Лимносцевъ былъ обычай всюду возить съ собой древнюю деревянную статую Артемиды, похищенную ими изъ Враврона [7]). Прямыхъ указаній на связь Артемиды съ Кавирами нѣтъ, но косвенное указаніе на нее можно видѣть въ миѳѣ объ Ангелѣ, которая была отожествляема съ Артемидой [8]), о той Ангелѣ, очищеніе которой было совершено Кавирами по повелѣнію Зевса. Кромѣ того, сходныя съ

---

[1]) Il. I, 593 sq. Odyss. VIII, 283 sq.

[2]) Nicandr. Ther. 458: Ἡφαίστοιο νῆσος (о Лимносѣ).

[3]) Mionnet, Descr. de méd. I, 431, n° 4.

[4]) На это указываетъ названіе лимносской горы Ἑρμαῖον, Aesch. Agam. 283; Soph. Philoct., 1459.

[5]) Eckhel, DN. II, p. 51.

[6]) Galen. IX, 2, 246.

[7]) Plut. De mul. virt. v. Τυρρηνίδες.

[8]) Hesych. Ἄγγελος· Ἄρτεμις.

Артемидой черты представляетъ признававшаяся эпонимомъ острова Лимноса богиня Лимна. Стефанъ византійскій говоритъ о ней слѣдующее: Λῆμνος... ἀπὸ τῆς μεγάλης λεγομένης θεοῦ, ἣν Λῆμνόν φασι· ταύτῃ δὲ καὶ παρθένους ἔθυον [1]). Всѣ эти черты указываютъ на Артемиду. Эпитетъ μεγάλη прилагался къ ѳракійской Артемидѣ—Вендидѣ, а указаніе на то, что Лимнѣ приносили въ жертву дѣвушекъ, напоминаетъ о существовавшемъ въ древности у Аѳинянъ обычаѣ приносить дѣвицъ въ жертву Артемидѣ, который впослѣдствіи былъ замѣненъ обрядомъ ἀρκτεύεσθαι [2]). Изъ монетъ видно, что на Лимносѣ былъ установленъ культъ Аѳины [3]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ культъ стоялъ въ связи съ культомъ Кавировъ, подобно тому какъ на Самоѳракіи.

Ни у древнихъ авторовъ, ни въ надписяхъ нѣтъ указаній на связь культа лимносскихъ Кавировъ съ Діоскурами, но эта связь обнаруживается въ изображеніяхъ на лимносскихъ монетахъ, на которыхъ встрѣчаются шапочки Діоскуровъ, озаренныя звѣздами [4]).

Кромѣ этихъ божествъ съ миѳами о лимносскихъ Кавирахъ были соединены миѳы о нѣкоторыхъ герояхъ. Уже Эсхилу были

---

[1]) Steph. Byz. v. Λῆμνος.

[2]) Вейске считалъ Лимну аграрной богиней. Относительно происхожденія ея имени онъ пишетъ: Λῆμνος von λαῖον, λήϊον, Getreidefeld und dies von λάω (λαμβάνω)... Mir scheint dieser der Göttin und der Insel gemeinsame Beiname ein Adjectiv zu sein nach der Analogie von ἐρεμνός, σεμνός, στάμνος und villeicht Τῆμνος, vodurch unsere Etymologie von λάω, λάβω sich bestätigt. Weiske, Prometheus, S. 441, Anm. 4. Но эта этимологія слаба настолько, что не требуетъ опроверженія. Болѣе удачно словопроизводство Нейгайзера: Λῆμνος videtur esse participium medii pro λήμενος, cf. alumnus, auctumnus, στάμνος, pro alu-menus, auctu-menus, στά-μενος. Radix autem esse videtur lâ, quae significat dare, ut sit datrix, frugum nempe universaeque fecunditatis. Neuhäuser, Cadmilus p. 36, adn. 8.

[3]) A. Conze, Reise, Taf. XX, n° 7, 8.

[4]) Eckhel, DN. II, p. 51. A. Conze, Reise auf den Inseln d. Thrak. Meeres, Taf. XX, n° 5.

извѣстны преданія, по которымъ въ тѣсной связи съ Кавирами стояли Аргонавты. На почвѣ этихъ сказаній создана трилогія Ἰασόνεια. Въ одной изъ драмъ, входившихъ въ составъ этой трилогіи, выводились на сцену лимносскіе Кавиры, угощавшіе Аргонавтовъ [1]). Миѳы о путешествіи въ Колхиду представляли цѣлый рядъ разсказовъ о герояхъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, и о лицахъ, судьба которыхъ была соединена съ судьбой Аргонавтовъ [2]), но до настоящаго времени сохранилось указаніе только на связь съ лимносскими миѳами о Кавирахъ миѳовъ о Мидіи, женѣ Ясона. И эти незначительныя указанія имѣютъ совершенно отрывочный характеръ. По нимъ Мидія то обращается съ молитвой о помощи къ лимносскимъ нимфамъ Кавиридамъ [3]), то плывя мимо Лимноса бросаетъ на этотъ островъ какой-то страшно дѣйствующій ядъ, отъ котораго лимносскія женщины стали издавать дурной запахъ. И до сего времени, сообщаетъ легковѣрный Миртилъ, бываетъ ежегодно день, когда мужчины удаляются отъ женщинъ вслѣдствіе издаваемаго ими зловонія [4]).

Упомянутый выше девятидневный праздникъ очищенія обнаруживаетъ связь между миѳами о Кавирахъ и Промиѳеѣ. Время, когда на всемъ островѣ тушили огонь, должно было живо напоминать Грекамъ то состояніе, какое переживали люди, лишенные огня, пока имъ не далъ его Промиѳей, т. е. пока не было открыто искусство добывать огонь. Это предположеніе находитъ себѣ прочное подтвержденіе въ преданіи, по которому люди узнали впервые употребленіе огня на Лимносѣ [5]).

У Исихія встрѣчается совершенно отрывочное замѣчаніе:

---

[1]) TGF, Aesch. 94—97 Nauck².

[2]) Миѳы объ Аргонавтахъ были извѣстны на Лимносѣ гораздо раньше миѳовъ о Кавирахъ. О нихъ зналъ уже Омиръ. Il. VII, 467 sqq. Cf. Il. XXI, 40 sq.

[3]) Schol. Pind. Ol. XIII, 74.

[4]) Schol. Apoll. Rhod. I, 615.

[5]) Tzetz. ad Lycophr. 227: ἐν γὰρ Λήμνῳ πρῶτον εὑρέθη τό′ τε πῦρ, καθὼς καὶ ἐν τῷ περὶ Χίου κτίσεως Ἑλλάνικος ἱστορεῖ.

Ἰνόνια· ἑορτὴ ἐν Λήμνῳ. Уже К. О. Германнъ высказалъ предположеніе, что этотъ праздникъ, установленный очевидно въ честь нимфы Ино, имѣлъ связь съ торжествами въ честь Кавировъ, что Ино почиталась на Лимносѣ, какъ спасающая отъ морскихъ опасностей Левкоѳея [1]). Эта догадка подтверждается аналогичнымъ культомъ Левкоѳеи-Ино на Самоѳракіи. Праздникъ на Лимносѣ въ честь Левкоѳеи-Ино уясняетъ значеніе отрывочнаго сообщенія Исихія о перенесеніи на Лимносъ „восточныхъ божествъ“, подобно тому какъ были они перенесены на Самоѳракію изъ Дрома, и приводитъ къ заключенію о сходствѣ нѣкоторыхъ миѳовъ объ этихъ божествахъ на Самоѳракіи и Лимносѣ [2]). Кромѣ того на основаніи одного мѣста у Нонна панополитанскаго можно заключать, что съ культомъ Кавировъ былъ соединенъ на Лимносѣ культъ Екаты [3]).

Вотъ тѣ незначительныя свѣдѣнія, какія сохранились отъ древности относительно культа Кавировъ на Лимносѣ. Сравнивая лимносскую систему съ самоѳракійской, нельзя не замѣтить въ обѣихъ нѣкоторыхъ общихъ чертъ какъ въ представленіи о самихъ Кавирахъ, такъ и въ миѳахъ, соединенныхъ съ культомъ Кавировъ, но въ то же время замѣтно и различіе между той и другой системой. Въ виду ясныхъ, несомнѣнныхъ фактовъ, мнѣніе Лобека о тожествѣ тѣхъ и другихъ божествъ не можетъ быть признано справедливымъ [4]).

Лимносскія оргіи совершались, подобно самоѳракійскимъ, въ ночное время. Исполненіе ихъ носило энтузіастическій характеръ. Мистическія драмы соединялись, подобно тому какъ и на Самоѳракіи, съ пѣніемъ и оживленными танцами, со звуками кимваловъ и тимпановъ [5]). Жрецы, представлявшіе Кавировъ-Куритовъ

---

[1]) K. F. Hermann, Lehrb. der Antiquit. II², § 65, 8.

[2]) См. выше, стр. 77.

[3]) Nonn. Dionys. XXIX, 214.

[4]) Lobeck, Aglaoph., p. 1212.

[5]) Велькеръ усматривалъ изображеніе обряда посвященія въ лимносскія мистеріи на одной сицилійской вазѣ. На этой вазѣ съ правой стороны сцены представленъ нагой мужчина, сидящій на высокомъ

бряцали оружіемъ. По временамъ, соотвѣтственно ходу дѣйствія мистическихъ драмъ, все успокаивалось и раздавались печальные звуки флейты, смѣнявшіеся громкими кликами жрецовъ и мистовъ.

камнѣ. Лѣвая рука его приподнята надъ головой, правой онъ держитъ какой-то предметъ въ видѣ палки. Велькеръ замѣчаетъ, что ноги его находятся въ неестественномъ положеніи, указывающемъ, что онѣ прикрѣплены къ камню, но при самомъ тщательномъ разсмотрѣніи рисунка нельзя найти слѣдовъ прикрѣпленія. Этого нельзя объяснять грубымъ исполненіемъ изображенія, какъ дѣлаетъ Велькеръ. Въ данномъ случаѣ, а также при замѣткѣ о томъ, что рука сидящаго мужчины прикрѣплена къ стѣнѣ, Велькеръ внесъ въ описаніе рисунка не находящіяся на немъ черты. Предъ сидящимъ мужчиной стоитъ другой, повидимому, преклонныхъ лѣтъ, простирая надъ нимъ правую руку, какъ бы благословляя его. Въ лѣвой рукѣ его жезлъ. Посрединѣ всей картины находится скала, а на ней сосудъ. Предъ скалой стоитъ молодая женщина, въ которой Велькеръ видитъ нимфу Кавиро; поднявъ лѣвую руку вверхъ, она указываетъ правой рукой внизъ на какой-то предметъ, котораго на изображеніи не видно. Далѣе, влѣво, изображенъ нагой безбородый человѣкъ съ молоткомъ въ рукѣ. Онъ уходитъ, оборачиваясь назадъ съ видимымъ выраженіемъ удовольствія. Объясняя эту сцену, Велькеръ признаетъ сидящаго на камнѣ человѣка за посвященнаго въ мистеріи лимносскихъ Кавировъ, а стоящаго предъ нимъ мужчину онъ считаетъ жрецомъ Кавировъ. Отсюда Велькеръ дѣлаетъ заключеніе, что при посвященіи въ мистеріи на Лимносѣ неофитовъ приковывали къ камню въ память о страданіяхъ Промиѳея, поставленнаго въ связи съ лимносскими Кавирами. Создавъ эту сцену, Велькеръ патетически восклицаетъ: Wie viel sanfter die Aufnahme in Samothrake, wenn die Geweiheten rings um den thronenden Neuling den Reihen tanzten! Welcker, Aesch. Trilog. S. 262 f. Но уже Ленорманъ, Élite de mon. céram. I, p. 154 ff. замѣтилъ, что представленное Велькеромъ объясненіе не можетъ быть признано вѣрнымъ, а описаніе его удовлетворительнымъ. Ленорманъ видитъ въ этомъ изображеніи Ифеста въ своей мастерской среди киклоповъ. Стоящая по среди всей сцены женщина, по его мнѣнію, мѣстная нимфа Этна. Но и Ленорманъ неправильно понимаетъ какъ всю сцену, такъ и отдѣльныя ея частности. Въ сидящемъ на скалѣ человѣкѣ онъ видитъ одного изъ киклоповъ, отирающаго потъ съ своего чела, съ кускомъ желѣза въ рукѣ. Но положеніе поднятой руки вовсе не даетъ основанія для такого объясненія. Эта рука приподнята какъ бы въ

Нѣкоторые обряды исполнялись въ рощахъ [1]). Время года, когда праздновались лимносскія торжества, неизвѣстно. По всей вѣроятности, оно не совпадало съ временемъ мистерій на Самоѳракіи, такъ какъ одновременное совершеніе торжества въ честь однихъ и тѣхъ же боговъ могло бы неблагопріятно отозваться на численности поклонниковъ въ томъ и другомъ мѣстѣ, отвлекая ихъ въ два различные пункта.

О жрецахъ Кавировъ на Лимносѣ нѣтъ опредѣленныхъ указаній у древнихъ авторовъ. Такъ какъ праздникъ очищенія имѣлъ на Лимносѣ особое значеніе, то можно полагать, что тамъ, подобно тому какъ и на Самоѳракіи, былъ Кой, жрецъ-очиститель. Велькеръ высказалъ предположеніе, что роду Эоѳалидовъ принадлежало на Лимносѣ наслѣдственное достоинство кириковъ. Онъ основываетъ свою догадку на томъ, что участникъ похода Аргонавтовъ, соединеннаго съ миѳами о Кавирахъ, Эоѳалидъ, представляется у Аполлонія родосскаго кирикомъ [2]). Догадка эта очень остроумна, но и теперь, когда со времени появленія въ свѣтъ изслѣдованія Велькера „Эсхилова трилогія Промиѳей“ прошло болѣе полувѣка, она остается только догадкой. Вообще по вопросу о жрецахъ Кавировъ на Лимносѣ, къ сожалѣнію, могутъ быть высказаны только одни предположенія, отъ которыхъ мы воздержимся, не желая увеличивать число безполезныхъ домысловъ тамъ, гдѣ нужны прочно установленные факты.

знакъ благоговѣйнаго удивленія предъ совершающимся. Притомъ съ точки зрѣнія Ленормана остается все-таки непоясненнымъ жестъ стоящаго предъ нимъ мужчины. Его рука несомнѣнно благословляетъ, а вьющаяся лента, проходящая чрезъ всю сцену, напоминаетъ изображеніе сценъ мистическихъ. Поэтому на данной вазѣ слѣдуетъ видѣть посвященіе въ мистеріи, но не въ мистеріи Кавировъ, а въ мистеріи Ифеста. Ср. B. Weiske, Prometheus, S. 452 Снимки съ этой вазы у Welcker, Aesch. Tril. S. 262—3. Heinecke, Orchomenos, Taf. III. Lenorman-de Witte, Élite de mon. céramogr. I, Pl. LI.

[1]) Cic. ND. I, 42: praetereo Samothraciam eaque, quae Lemni
nocturno aditu occulta coluntur
silvestribus saepibus densa...

[2]) Welcker, Aesch. Trilog., S. 209.

Б. Культъ Кавировъ на Имвросѣ.

Черты имвросскихъ Кавировъ. Имвросская надпись, изданная Конце. Невозможность чтенія въ ней πάτ(εκ)οι. Ошибочность мнѣнія Конце объ отожествленіи въ этой надписи Кавировъ съ титанами. Основы связи миѳовъ о титанахъ съ имвросскими миѳами о Кавирахъ. Греческія божества и герои, соединявшіеся на Имвросѣ съ культомъ Кавировъ. Фригійское вліяніе на имвросскій культъ Кавировъ.

По свидѣтельству Ферикида (у Стравона) Имвросъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ почитанія Кавировъ [1]), а Ямвлихъ, упоминая о мистеріяхъ на Имвросѣ, ставитъ ихъ на ряду съ мистеріями самоѳракійскими и елевсинскими [2]). Но такое прославленіе имвросскихъ мистерій, кажется, преувеличено. Если эти мистеріи были такъ же славны, какъ самоѳракійскія и елевсинскія, то отчего о нихъ такъ рѣдко упоминаютъ древніе авторы, какъ бы не считая ихъ заслуживающими вниманія? Не служитъ ли это умолчаніе опроверженіемъ словъ Ферекида и Ямвлиха о важности имвросскихъ мистерій?

Свѣдѣній относительно характера культа Кавировъ на Имвросѣ и его отличительныхъ чертъ очень мало. Акусилай и Ферекидъ совершенно сближаютъ между собой имвросскихъ и лимносскихъ Кавировъ. Это указываетъ на сходство въ представленіяхъ, которыя древніе Греки соединяли съ тѣми и другими божествами,—слѣдовательно въ представленіи объ имвросскихъ Кавирахъ были черты, приписывавшіяся божествамъ огня, божествамъ винодѣлія и земледѣлія, подобно тому, какъ на Лимносѣ [3]).

По согласному свидѣтельству Акусилая аргосскаго и Ферекида сирскаго Кавировъ лимносскихъ было три и столько же нимфъ Кавиридъ. Это единственное прямое указаніе на количество имвросскихъ Кавировъ, которые являются, такимъ образомъ, въ формѣ тріады. Однако едва ли можно сомнѣваться въ томъ,

---

[1]) Strab. X, 472, 473.

[2]) Iambl. Vita Pythag. I. c. 28.

[3]) См. выше, стр. 111.

что представленіе о Кавирахъ, какъ о тріадѣ, было и на Имвросѣ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Греціи, не постояннымъ, а измѣнялось, но ни о формахъ этого видоизмѣненія, ни объ ихъ хронологической послѣдовательности ничего неизвѣстно.

Нѣкоторый свѣтъ на ученіе о Кавирахъ на Имвросѣ, впрочемъ уже въ очень позднее, сравнительно, время, бросаетъ надпись, которую нашелъ тамъ А. Конце во время своихъ археологическихъ изслѣдованій. Надпись эта относится ко второму вѣку по Р. Х. Вотъ эта надпись:

Θεοὶ μεγάλοι,
θεοὶ δυνατοί,
ἰσχυροί, καὶ
Κάσμειλε
ἄνα < ξ? > πατ-
οι Κοῖος
Κρεῖος, Ὑ-
περείων,
Εἰαπετός,
Κρόνος [1]).

Эта надпись, на стихотворный размѣръ которой впервые указалъ О. Крузіусъ [2]), представляетъ интересную формулу обращенія къ имвросскимъ Кавирамъ и соединеннымъ съ ними божествамъ. Великими и сильными богами называются здѣсь, очевидно, Кавиры [3]). Важенъ тотъ фактъ, что къ Кавирамъ на Имвросѣ присоединяется Кадмилъ, подобно тому какъ онъ присоединялся на Самоѳракіи, но было бы, кажется, смѣло провести эту аналогію далѣе и видѣть въ великихъ богахъ этой надписи Аксіера, Аксіокерса и Аксіокерсу, а не ту мужскую тріаду, о почи-

---

[1]) A. Conze, Reise auf den Inseln d. Thrak. Meeres, S. 91. Taf. XV, 9. Cf. Keil, Philolog. II Suppl.-Band (1863), S. 598 ff. O. Crusius, Rhein. Mus. 1888, S. 305.

[2]) Rhein. Mus., 1888, l. c.

[3]) Cp. Bull. de corr. hellén. VII (1883) p. 164: Λυσαγόρας Ἡγασίνου Φυλ[άσιος] θεοῖς μεγάλοις, надпись изъ Имвроса. Cf. ibid. p. 165.

таніи которой на Имвросѣ прямо говорятъ Акусилай и Ферекидъ.

Кто же такой ἄναξ, къ которому обращаются вслѣдъ за Кадмиломъ? Конце, объясняя эту надпись, высказалъ мысль, что это представляемый въ милитской сагѣ Анактъ, сынъ Земли, слѣдовательно, братъ титановъ [1]).

Но построеніе рѣчи явно указываетъ, что этотъ эпитетъ относится къ Кадмилу—иначе придется допустить, что составитель надписи не сумѣлъ связать удобопонятно и ясно своихъ словъ. Въ какомъ же смыслѣ этотъ эпитетъ можетъ быть приложенъ къ Кадмилу, если онъ признавался служебнымъ божествомъ въ системѣ ученія о Кавирахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса можно, кажется, найти въ слѣдующемъ мѣстѣ Стравона: Ἀκουσίλαος δ' ὁ Ἀργεῖος ἐκ Καβειροῦς καὶ Ἡφαίστου Κάμιλλον λέγει, τοῦ δὲ τρεῖς Καβείρους [2]). Изъ этихъ словъ оказывается, что былъ миѳъ, по которому Кадмилъ признавался отцомъ Кавировъ и при такомъ отношеніи къ нимъ онъ могъ быть названъ высокимъ именемъ ἄναξ, а изъ дальнѣйшихъ словъ Стравона видно, что, приводя слова Акусилая (и Ферекида), онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду миѳы лимносскіе и имвросскіе. Такимъ образомъ въ этой надписи можно видѣть подтвержденіе словъ Акусилая (и Ферекида). Что касается до слѣдующаго слова, отъ котораго сохранились только буквы πατ. οι, то Конце совершенно отказался дополнить его, а Кэйль предложилъ читать здѣсь: πάτ(εκ)οι [3]). Но, во-первыхъ, въ еллинской религіи нѣтъ нигдѣ слѣда почитанія патековъ, а во-вторыхъ, такое дополненіе невозможно потому, что послѣ πατ въ концѣ пятой строки надписи нѣтъ мѣста для двухъ буквъ (εκ). При сличеніи этой строки съ размѣромъ предыдущей строки той же надписи и съ тремя непосредственно слѣдующими за ней строками возникаетъ сильное сомнѣніе, были-ль здѣсь еще какія-нибудь буквы. Видно, что въ этихъ строкахъ рѣзчикъ по ка-

[1]) Conze, Reise, S. 91.
[2]) Strab. X, 472 sq.
[3]) Cf. O. Crusius, Rhein. Mus. 1888, S. 305: πάταικοι.

кимъ-то причинамъ, быть можетъ, по свойствамъ камня въ этомъ мѣстѣ нашелъ нужнымъ не доводить 3—7 строкъ до праваго его края. Въ этомъ легко убѣдиться при взглядѣ на копію этой надписи у Конце. Нельзя ли считать слѣды четвертой буквы въ пятой строкѣ за остатки Υ, которая имѣетъ въ этой надписи особую форму съ перечеркиваніемъ по срединѣ? Возможна и ошибка рѣзчика, который вырѣзалъ ϒαναξ вм. ϒανα и затѣмъ не могъ исправить Ξ такъ, чтобы это было незамѣтно. Не слѣдуетъ ли читать здѣсь: ἄνα. ὕπατοι, относя послѣдній эпитетъ къ титанамъ, которые перечисляются дальше [1])? А этотъ эпитетъ вполнѣ могъ быть приложенъ къ нимъ въ виду тѣхъ высокихъ качествъ, какія приписывали имъ древніе греки.

Конце при объясненіи этой надписи видѣлъ тутъ согласное со свидѣтельствомъ Фотія отожествленіе Кавировъ съ титанами [2]), но текстъ надписи не даетъ основанія видѣть здѣсь отожествленіе этихъ божествъ. Обращеніе къ титанамъ поставлено въ ней, очевидно, совершенно отдѣльно. Здѣсь можно усматривать не отожествленіе этихъ божествъ, а только совмѣстное почитаніе ихъ на Имвросѣ. Но уже и одинъ этотъ фактъ представляетъ большое значеніе и интересъ, тѣмъ болѣе, что данная надпись служитъ единственнымъ указаніемъ на него.

Соединеніе миѳовъ о титанахъ съ миѳами о Кавирахъ свидѣтельствуетъ о вліяніи ученія Орфиковъ на имвросскую систему [3]), подобно тому какъ повліяло оно на систему самоѳракійскую. Посредствующимъ звеномъ для соединенія этихъ миѳовъ могло послужить отожествленіе Кавировъ съ Куритами, а было сказаніе, по которому титаны признавались дѣтьми одного изъ Куритовъ и Титеи [4]). Связь представленій и вмѣстѣ съ тѣмъ связь основы этихъ миѳовъ совершенно ясна. Кромѣ того

[1]) Происходящій при этомъ hiatus можетъ быть объясненъ цезурой. Велькеръ предложилъ читать: <ὦ> πατοι. Догадка Михаелиса πάτ<ρι>οι не можетъ быть принята по недостатку соотвѣтствующаго мѣста на камнѣ.
[2]) Conze, Reise, S. 91.
[3]) См. Orphica, fragm. 95 Abel.
[4]) Diod. V, 66, 2.

въ XXXVII орфическомъ гимнѣ выступаетъ еще другая черта, сближающая титановъ съ Кавирами. Тамъ молящійся называетъ титановъ предками своихъ отцовъ, а извѣстно, что и Кавиры признавались родоначальниками человѣчества[1]). Что касается до именъ титановъ, приведенныхъ въ данной надписи, то они не вполнѣ совпадаютъ съ тѣми, какія поименованы въ Прокловомъ отрывкѣ изъ орфической ѳеогоніи. Составитель имвросской молитвы руководился другимъ варіантомъ миѳа о титанахъ. При сопоставленіи со стихами 132 слѣд. Ѳеогоніи Исіода становится яснымъ, что основой тутъ послужило или данное мѣсто Исіода, или тотъ источникъ, изъ котораго заимствовалъ его Исіодъ.

Для возстановленія въ подробностяхъ содержанія миѳовъ о титанахъ, соединенныхъ съ имвросскими миѳами о Кавирахъ, нѣтъ никакихъ данныхъ. Можно судить только объ его общемъ характерѣ.

Общій характеръ миѳовъ о титанахъ очертилъ Діодоръ въ слѣдующихъ словахъ: ὧν (т. е. τιτάνων) ἕκαστόν τινων εὑρετὴν γενέσθαι (μυθολογοῦσι) τοῖς ἀνθρώποις, καὶ διὰ τὴν εἰς ἅπαντας εὐεργεσίαν τυχεῖν τιμῶν καὶ μνήμης ἀενάου[2]). Отсюда видно, что титаны прославлялись какъ благодѣтели человѣчества; благодѣтелями людей признавались и Кавиры, какъ спасители отъ бѣдствій житейскихъ—вотъ другая черта, сближающая миѳы о тѣхъ и другихъ существахъ. Далѣе опредѣленія общаго сходства тѣхъ и другихъ миѳовъ нашъ анализъ простираться не можетъ.

Культъ Кавировъ на Имвросѣ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Греціи, былъ соединенъ съ культомъ различныхъ божествъ.

Ни у одного изъ древнихъ авторовъ нѣтъ указанія на существованіе на Имвросѣ культа Діоскуровъ, но объ этомъ свидѣтельствуютъ монеты. Такъ, на одной имвросской монетѣ изображенъ жезлъ Ермія, а по обѣимъ сторонамъ его символическія шапочки Діоскуровъ, озаренныя звѣздами[3]).

Засвидѣтельствованное Акусилаемъ и Ферекидомъ сходство Кавировъ имвросскихъ съ лимносскими заставляетъ насъ предполагать, что культъ этихъ божествъ былъ соединенъ и на Имвросѣ съ божествами аграрными Димитрой и Корой. Дѣйствительно, на одной монетѣ, найденной А. Конце на этомъ островѣ, изображена голова женщины, представляющей большое сходство съ обычнымъ типомъ Димитры[1]). Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее изображеніе на одной имвросской монетѣ: въ центрѣ извивается дельфинъ, на головѣ его стоитъ чаша; на чашѣ сидитъ мышь—эмблема мистерій[2]); съ одной стороны дельфина колосъ, съ другой—головка мака. Отношеніе этихъ послѣднихъ символовъ къ культу елевсинской Димитры не требуетъ никакихъ доказательствъ. Отсюда видно, что символика мистерій аграрной богини Димитры такъ глубоко проникла въ вѣрованія жителей Имвроса, что отразилась даже на мѣстныхъ нумизматическихъ изображеніяхъ. Возможно ли послѣ этого сомнѣніе въ томъ, что культъ имвросскихъ Кавировъ былъ соединенъ съ культомъ аграрныхъ божествъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, хотя объ этомъ и не говорятъ древніе авторы?

Изъ нумизматическихъ изображеній узнаемъ о культѣ на Имвросѣ Аѳины и Аполлона. На одной монетѣ, найденной Конце на Имвросѣ, изображена на лицевой сторонѣ голова Аѳины, а на оборотной Аполлонъ съ лирой въ лѣвой рукѣ. Надпись: Ἰμβρίων[3]). Кромѣ того культъ Аполлона на Имвросѣ засвидѣтельствованъ эпиграфическими памятниками[4]). Почитаніе обоихъ этихъ божествъ занесено на этотъ островъ несомнѣнно изъ Аѳинъ аѳинскими клирухами. Но нельзя не замѣтить, что эти культы могли стоять тамъ совершенно отдѣльно, безъ связи съ культомъ Кавировъ. Связь имвросскихъ миѳовъ о Кавирахъ съ миѳами объ Аѳинѣ и Аполлонѣ не засвидѣтельствована древними памятниками.

Болѣе всего свѣдѣній сохранилось отъ древности относи-

---

[1]) Orph. H. XXXVII, 1 sq. Abel.
[2]) Diod. V, 66, 3.
[3]) Conze, Reise, Taf. XX, n° 9.

[1]) Conze, Reise, Taf. XX, n° 11. Cf. O. Crusius, Beiträge, S. 13.
[2]) Conze, Reise, Taf. XX, n° 13. О внесеніи въ древнегреческую символику производства слова μυστήρια отъ μῦς см. Н. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, стр. 11.
[3]) Conze, Reise, Taf. XX n° 10. Cf. ibid. n° 12.
[4]) Conze, Reise, S. 88.

тельно почитанія на Имвросѣ Ермія. Стефанъ византійскій говоритъ, что это божество было почитаемо тамъ подъ карійскимъ именемъ Имврама[1]). На одной имвросской монетѣ встрѣчается изображеніе этого Имврама; онъ представленъ въ видѣ Пріапа съ αἰδοῖον въ возбужденномъ состояніи. Въ одной рукѣ его небольшая чаша, а въ другой—толстая, кривая палка[2]). Это изображеніе напоминаетъ Ермія самоѳракійскаго, котораго также изображали, по словамъ Иродота[3]), въ страстно возбужденномъ состояніи. Сходство изображеній Ермія самоѳракійскаго и Ермія имвросскаго указываетъ, что оба эти божества имѣли по крайней мѣрѣ одну общую черту. Этой чертой было олицетвореніе въ томъ и другомъ идеи постояннаго зарожденія жизни въ природѣ, идеи торжества жизни надъ смертію. Данная идея представляетъ отличительную особенность Ермія, соединеннаго съ мистическимъ культомъ Кавировъ.

Какъ особенность имвросскаго Ермія слѣдуетъ отмѣтить его высокое значеніе. Ермій былъ поставленъ здѣсь на ту высоту, на какой онъ не стоялъ ни въ самоѳракійскомъ, ни въ лимносскомъ культѣ. Въ одной имвросской надписи онъ называется владыкой[4]), а это не соотвѣтствуетъ служебной роли, какую имѣлъ Ермій въ другихъ мѣстахъ культа Кавировъ. Другая надпись представляетъ посвященіе мистовъ Ермію, и притомъ только одному Ермію, безъ совмѣстнаго упоминанія Кавировъ[5]). Не служитъ ли это указаніемъ на то, что культъ Ермія съ теченіемъ времени обособился отъ культа Кавировъ и сталъ представлять отдѣльную мистическую систему? На обособленіе, на выдѣленіе

---

[1]) Steph. Byz. Ἴμβρος· ἔστι νῆσος Θράκης ἱερὰ Καβείρων καὶ Ἑρμοῦ, ὃν Ἴμβραμον λέγουσιν οἱ Κᾶρες. Cf. Eustath. ad Dionys. perieg. v. 524. Schol. Hesiod. Theog. v. 338.

[2]) Conze, Reise, Taf. XX, n° 11.

[3]) Herod. II, 51.

[4]) CIG n° 2156. Cf. Conze, Reise, Taf. XVII, n° 9. Bull. de corr. hellén. VII, p. 165.

[5]) Conze, Reise, Taf. XV, 1. Cf. Bull. de corr. hellén. VII, p. 166,—та же надпись съ дополненіемъ П. Фукара.

культа Ермія изъ культа Кавировъ указываютъ слова Стефана византійскаго: „Имвросъ—ѳракійскій островъ, посвященный Кавирамъ и Ермію“. Если бы Ермій по имвросскимъ миѳамъ былъ только служебнымъ божествомъ въ системѣ Кавировъ, то чѣмъ вызывалось бы упоминаніе о томъ, что Имвросъ посвященъ и ему? Это было бы само собой понятно при указаніи, что островъ этотъ посвященъ Кавирамъ.

Кромѣ этихъ божествъ къ самоѳракійскимъ миѳамъ о Кавирахъ были присоединены миѳы о различныхъ герояхъ. Уже Омиръ упоминаетъ объ имвросскомъ героѣ Іетіонѣ[1]). Извѣстно, какъ тѣсно былъ связанъ этотъ герой съ миѳами о Кавирахъ на Самоѳракіи и на Лимносѣ, поэтому съ полнымъ правомъ можно думать о связи миѳовъ объ Іетіонѣ и съ имвросскими сказаніями объ этихъ божествахъ.

На связь миѳовъ о Кадмѣ и Арміи съ имвросскими миѳами о Кавирахъ нѣтъ прямыхъ указаній у древнихъ авторовъ.

Подобно тому какъ на Самоѳракіи и Лимносѣ, и на Имвросѣ ученіе о Кавирахъ подверглось чужеземнымъ вліяніямъ. На эти вліянія указываютъ сохранившіеся до настоящаго времени памятники искусства. Такъ, Конце нашелъ во время своихъ археологическихъ изслѣдованій на Имвросѣ барельефъ, представляющій сидящую на тронѣ Кивелу. Лѣвая рука ея поднята вверхъ (вслѣдствіе порчи барельефа трудно опредѣлить, держала ли она какой-нибудь предметъ, или опиралась о длинный скипетръ), правая опущена внизъ и касается стоящаго у ногъ богини льва[2]). Это изображеніе говоритъ о проникновеніи на Имвросъ фригійскаго вліянія, также какъ и на Самоѳракію.

Непосредственныхъ слѣдовъ финикійскаго вліянія на имвросскій культъ Кавировъ нельзя указать въ настоящее время.

Вотъ тѣ факты, которые можно установить по вопросу о культѣ Кавировъ на Имвросѣ, основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ древнихъ авторовъ, барельефовъ, монетъ и надписей. Сгруппированные въ возможной полнотѣ они не даютъ основъ

---

[1]) Π. XXI, 43.

[2]) Conze, Reise, Taf. XV, n° 8.

для построенія системы имвросскаго ученія о Кавирахъ. Это незначительные обломки зданія, но зданія сложнаго и величественнаго даже въ своихъ развалинахъ. Тутъ все-таки видна великая вѣковая работа мысли древнихъ Грековъ и обнаруживается вліяніе различныхъ греческихъ и иноземныхъ миѳовъ на ученіе объ имвросскихъ Кавирахъ.

Служеніе Кавирамъ на Имвросѣ носило мистическій характеръ. Обряды въ честь ихъ, вѣроятно, совершались съ музыкой, пѣніемъ и восторженной пляской. Стравонъ, указывая, что таковы были черты внѣшней стороны культа Кавировъ, не дѣлаетъ исключенія для Имвроса. Но далѣе опредѣленія общаго характера имвросскихъ празднествъ невозможно идти. Относительно жрецовъ культа Кавировъ на Имвросѣ также приходится отмѣтить полный пробѣлъ, вызываемый жалкимъ состояніемъ указаній древнихъ памятниковъ какъ литературныхъ, такъ и эпиграфическихъ.

B. *Культъ Кавировъ въ Віотіи.*

Сообщаемое Павсаніемъ преданіе объ установленіи культа Кавировъ въ Віотіи. Анализъ его содержанія. Слѣды вліянія на него лимносскихъ, елевсинскихъ и самоѳракійскихъ миѳовъ. Раскопки германскаго археологическаго Института въ віотійскомъ Кавиріи. Объясненіе изображеній на віотійской вазѣ, помѣщенной въ Mittheilungen d. d. arch. Inst., Athen. 1888, Taf. IX. Параллель между миѳами объ Іакхѣ и о сынѣ Кавира. Вліяніе ученія Орфиковъ на культъ Кавировъ въ Віотіи. Божества и герои, соединенные съ віотійскими Кавирами. Жрецы віотійскаго культа Кавировъ.

Преданіе объ установленіи культа Кавировъ въ Віотіи сохранилъ Павсаній въ своемъ „Описаніи Еллады". Мы приведемъ здѣсь цѣликомъ этотъ разсказъ, во всей его наивной простотѣ, такъ какъ онъ представляетъ много важныхъ и интересныхъ данныхъ. Павсаній пишетъ слѣдующее[1]). „Въ священной рощѣ Димитры и Коры вблизи Ѳивъ былъ нѣкогда городъ; жители его назывались Кавирами. Димитра, придя туда, дала на храненіе Промиѳею, одному изъ Кавировъ, и его сыну Этнею какой-то предметъ. Что это былъ за предметъ и въ чемъ состояли совершавшіяся въ

[1]) Paus. IX, 27, 6 sq.

честь Димитры священнодѣйствія, писать объ этомъ я нахожу несогласнымъ съ долгомъ благочестія. Какъ бы то ни было, эти таинственныя священнодѣйствія—даръ Димитры Кавирамъ. А послѣ похода Епигоновъ и взятія Ѳивъ Кавиры были изгнаны Аргосцами и совершеніе таинствъ на нѣкоторое время было прекращено. Впослѣдствіи Пеларга, дочь Потнея, и ея сожитель Исѳміадъ снова, какъ говорятъ, возстановили таинства, перенеся ихъ въ мѣсто, называемое Алексіаромъ. Такъ какъ Пеларга совершала посвященія въ мистеріи не на прежнемъ (т. е. не освященномъ преданіями) мѣстѣ, то Тилондъ и оставшіеся въ живыхъ изъ рода Кавировъ возвратились въ Кавирею. Пеларгѣ, по приказанію додонскаго оракула, были установлены различныя почести, а также стали приносить въ жертву имѣющее во чревѣ животное. Гнѣвъ Кавировъ неотвратимъ, какъ обнаружилось во многихъ случаяхъ." Далѣе Павсаній приводитъ примѣры, какъ Кавиры въ гнѣвѣ своемъ карали людей за непочтительное отношеніе къ ихъ святынямъ.

При анализѣ этого разсказа нельзя не замѣтить сліянія въ немъ, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ варіантовъ миѳовъ о Кавирахъ. По одному изъ нихъ Кавиры—люди, учредившіе мистеріи Димитры[1]), по другому Кавиры—боги. Хотя Павсаній прямо не называетъ ихъ богами, но это совершенно ясно изъ словъ: „гнѣвъ Кавировъ неотвратимъ для людей". Первый варіантъ напоминаетъ лимносское сказаніе о Кавирахъ, по которому на Лимносѣ почитался Кавиръ какъ родоначальникъ людей, какъ первый человѣкъ. Второй варіантъ, по которому мистеріи Кавировъ учреждаются Димитрой и Кавиры-люди возводятся на степень боговъ, представляетъ сходство съ елевсинскими миѳами объ учрежденіи мистерій Димитрой и объ апоѳеозѣ елевсинскихъ героевъ.

Кромѣ того въ этомъ разсказѣ видна связь культа Кавировъ съ миѳами о Промиѳеѣ и Этнеѣ, указывающая на присутствіе въ віотійскихъ Кавирахъ идеи объ огнѣ. Эта черта является другимъ

[1]) Ср. Steph. Byz. Καβειρία.

звеномъ, соединяющимъ миѳы віотійскіе съ миѳами лимносскими.

Замѣтна здѣсь и связь віотійскихъ миѳовъ съ самоѳракійскими легендами объ Ино-Левкоѳеѣ и Меликертѣ. О. Крузіусъ очень остроумно подмѣтилъ ее по намеку, данному въ имени Исѳміада, сожителя Пеларги, сопоставивъ съ этимъ именемъ тотъ фактъ, что исѳмійскія игры были учреждены въ честь Ино и Меликерта [1]). Это единственное и притомъ косвенное указаніе на присутствіе въ віотійской системѣ сказанія объ этихъ существахъ, которымъ, между прочимъ, устанавливается связь миѳовъ віотійскихъ и самоѳракійскихъ.

Изложенный Павсаніемъ миѳъ объ установленіи мистерій Кавировъ въ Віотіи важенъ еще въ отношеніи къ вопросу о томъ, въ какомъ направленіи распространялся культъ Кавировъ. Въ разсказѣ объ установленіи его Димитрой ясно отразилось убѣжденіе древнихъ Грековъ въ томъ, что онъ распространялся по собственной Греціи въ направленіи отъ востока къ западу и подвергся вліянію мистерій Димитры. Въ основѣ этого убѣжденія должны лежать историческія причины. Анализъ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ раскопки германскаго археологическаго Института въ Віотіи, подтверждаетъ справедливость мнѣнія древнихъ Грековъ въ данномъ случаѣ, раскрывая многостороннее сходство елевсинскихъ мистерій съ культомъ Кавировъ и сходство миѳовъ віотійскихъ съ елевсинскими. Конечно, сходство еще не рѣшало бы вопроса, такъ какъ оно даетъ право предполагать вліяніе и въ совершенно обратномъ направленіи—вліяніе миѳовъ о ѳиванскихъ Кавирахъ на миѳы елевсинскіе, но при сопоставленіи этихъ данныхъ съ приведенными Павсаніемъ віотійскими преданіями становится яснымъ, гдѣ слѣдуетъ искать основъ. Если бы онѣ были въ Віотіи, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что Греки видѣли ихъ не тамъ, а въ Аттикѣ? [2]) Они, конечно, имѣли въ своемъ распо-

[1]) O. Crusius, Beiträge, S. 22, Anm. 6.

[2]) Ср. Paus. IV, I, 7, гдѣ Павсаній сообщаетъ миѳъ объ учрежденіи мистерій Кавировъ въ Ѳивахъ Аѳиняниномъ Меѳапомъ.

ряженіи для рѣшенія этого вопроса опредѣленные факты. Въ правѣ ли мы отвергать основанное на фактахъ вѣрованіе для того, чтобы установить произвольную,—иначе ее нельзя назвать,—теорію о распространеніи культа Кавировъ изъ Віотіи по другимъ областямъ древней Греціи?

Какъ ни богата содержаніемъ Павсаніева легенда о ѳиванскихъ Кавирахъ, все-таки крайне недостаточны были бы свѣдѣнія наши о культѣ Кавировъ въ Ѳивахъ, если бы они ею ограничивались; а до 1888 года она была главнымъ источникомъ для изученія віотійскаго культа Кавировъ. Но раскопки въ ѳиванскомъ Кавиріи нѣмецкихъ ученыхъ доставили новый, совершенно неизвѣстный раньше матеріалъ; благодаря ему, открывается теперь возможность бросить взглядъ на культъ Кавировъ въ Віотіи гораздо глубже, чѣмъ это было возможно прежде.

Было бы совершенно излишне описывать здѣсь результаты ѳиванскихъ раскопокъ въ подробности, такъ какъ они съ большой полнотой изложены въ общедоступномъ изданіи Mittheilungen d. d. archeol. Instit., Ath. 1888, 81 ff., 412 ff. и 1890, 355—419. Поэтому теперь возникаетъ необходимость коснуться только важнѣйшихъ вопросовъ, которые выдвинуты на очередь этими раскопками. Я буду останавливаться не столько на описаніи самихъ раскопокъ и найденныхъ во время ихъ предметовъ, сколько на выводахъ, къ которымъ приводятъ найденные во время этихъ раскопокъ остатки древности.

Среди множества предметовъ, найденныхъ въ ѳиванскомъ Кавиріи, особенное значеніе имѣютъ изображенія на одной вазѣ, снимокъ съ которой помѣщенъ въ Mittheil. d. d. arch. Inst. Athen. 1888. Т. IX. На одной сторонѣ ея изображена голова старухи съ надписью Σατύ[ρα] [1]), на другой сторонѣ находятся двѣ группы. Справа помѣщенъ Кавиръ въ полулежачемъ положеніи. Лѣвая рука его (не сохранившаяся на обломкахъ вазы) поддерживаетъ туловище, правая протянута впередъ съ чашей. Надпись: Κάβιρος. Предъ

[1]) Дополненіе этого имени сдѣлалъ О. Керпъ, Hermes, 1890, S. 3.

Кавиромъ изображенъ мальчикъ, черпающій вино изъ большого сосуда. Надпись: παῖς. Другая группа представляетъ мужчину и обнимающую его женщину. Надъ ними надписи: Μῖτος и Κράτεια. Нѣсколько въ сторонѣ отъ этой четы стоитъ мальчикъ, глядящій на Мита и Кратію. Надпись: Πρατόλαος. Лица Мита и Пратолая представлены въ каррикатурномъ видѣ, но черты лица Кратіи не искажены. Виннефельдъ очень правдоподобно объясняетъ это тѣмъ, что въ искаженныхъ чертахъ трудно было бы признать молодую женщину[1]). Вообще въ изображеніяхъ на вазахъ, найденныхъ въ віотійскомъ святилищѣ Кавировъ, люди и герои представляются въ каррикатурномъ видѣ, но менѣе всего искажаются черты женщинъ.

Остроумное объясненіе этихъ изображеній далъ нѣмецкій ученый О. Кернъ[2]). Изображеніе Кавира на этой вазѣ,—пишетъ Кернъ,—очень похоже на фигуры Діониса, такъ что если бы не было надписи Κάβιρος, то легко было бы принять это божество за Діониса. Это изображеніе напоминаетъ слова схоліаста къ Аполлонію родосскому, въ которыхъ сообщается, что по ученію, излагавшемуся „нѣкоторыми лицами", было два Кавира, старшій—Зевсъ и младшій—Діонисъ. Здѣсь, на этой вазѣ, видимъ Кавира-Діониса. Что касается до значенія въ віотійскихъ миѳахъ мальчика, черпающаго для Кавира вино, то роль его объясняется при сопоставленіи этого изображенія съ надписями, сохранившимися на нѣкоторыхъ вазахъ: τῷ Καβίρῳ καὶ τῷ παιδὶ (τοῦ Καβίρου). Итакъ этотъ мальчикъ — сынъ Кавира, — новая черта віотійскаго миѳа, неизвѣстная до раскопокъ въ святилищѣ Кавировъ. Такъ объясняетъ Кернъ. Но, кажется, данную группу слѣдуетъ объяснять нѣсколько иначе. Основой этого изображенія послужилъ, по моему мнѣнію, миѳъ о Зевсѣ и Ганимидѣ; по аналогіи съ этимъ миѳомъ παῖς, Кавиръ младшій, изображенъ виночерпіемъ Кавира старшаго—Зевса, а не Діониса. Нѣтъ ничего страннаго и необычнаго въ томъ, что аттрибуты Діониса приданы Зевсу въ той

[1]) Mittheil. d. d. arch. Inst., 1888, S. 421, Anm. 1.

[2]) O. Kern, Die boiotischen Kabiren, Hermes, XXV (1890), 3 ff.

области, гдѣ культъ Діониса пользовался особымъ уваженіемъ, гдѣ онъ имѣлъ значеніе не менѣе Зевса. Въ изображеніи мальчика (παῖς) сглажено въ данномъ случаѣ представленіе о немъ, какъ о сынѣ Кавира,—иначе какой смыслъ имѣло бы служеніе его въ роли виночерпія своему отцу? гдѣ аналогичныя изображенія на древнихъ греческихъ вазахъ или представленія въ области миѳовъ? Его роль приближается здѣсь къ роли Кадмила, который представлялся въ миѳахъ служителемъ великихъ боговъ. Итакъ мы видимъ на этой вазѣ изображеніе Кавира старшаго, Кавира-Зевса, и Кавира младшаго, Діониса, въ роли Кадмила.

Перейдемъ къ другой группѣ. Уже Виннефельдъ вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что она не изображаетъ поклонниковъ Кавира. Всѣ эти лица держатъ себя совершенно непринужденно въ присутствіи Кавира, не оказывая ему никакихъ знаковъ почитанія, какъ прилично тѣмъ, которые пришли помолиться и воздать честь божеству. Притомъ надписи надъ каждымъ изъ лицъ этой группы были бы неумѣстны, если бы тутъ изображались богомольцы. Эти соображенія приводятъ къ тому выводу, что данная группа представляетъ демоническія существа, тѣсно связанныя съ Кавиромъ въ віотійскихъ сказаніяхъ. Значеніе этихъ лицъ выясняется изъ ихъ именъ. Κράτεια представляетъ собой олицетвореніе женской „силы", женскаго начала. Объясненіемъ аллегоріи, представляемой Митомъ (Μῖτος), служитъ сохранившійся у Климента александрійскаго отрывокъ изъ Епигена, который въ сочиненіи „О поэзіи Орфея", между прочимъ, замѣчаетъ, что у Орфея слово μῖτος аллегорически обозначало сѣмя[1]). Отъ этой демонической четы, отъ силы и сѣмени, происходитъ Пратолай—первый человѣкъ. Таковъ аллегорическій смыслъ этой группы, указывающей на существованіе въ віотійскихъ миѳахъ ученія о происхожденіи человѣка отъ миѳическихъ существъ, тѣсно связанныхъ съ Кавиромъ. Близкую параллель этому миѳу представляетъ сохраненное у Ипполита (Оригена) упоминаніе въ его Φιλοσοφούμενα

[1]) Orphica, fr. 253 Abel.

о томъ, что на островѣ Лимносѣ почитали Кавира какъ родоначальника человѣчества [1]).

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ вытекаетъ, что миѳъ о происхожденіи человѣчества отъ Кавировъ или отъ тѣсно связанныхъ съ ними, близкихъ къ нимъ демоническихъ существъ, не представлялъ отличительной черты віотійскаго ученія, но былъ извѣстенъ и въ другихъ мѣстахъ почитанія Кавировъ. Поэтому слова О. Керна: „also zeigt uns das kleine Vasenfragment ein Stück griechischen Mysterienglaubens einzig in seiner Art“ [2]) не могутъ быть приняты во всей ихъ силѣ. Эта черта въ ученіи мистерій Кавировъ была извѣстна давно, хотя и не была отмѣчена надлежащимъ образомъ. Миѳъ, легшій въ основу разсматриваемой нами группы, намѣченъ уже у Павсанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ называетъ Кавировъ людьми, хотя не въ такихъ ясныхъ, опредѣленныхъ чертахъ.

Обозначеніе одного изъ лицъ этой группы именемъ Μῖτος, заимствованнымъ у Орфиковъ, говоритъ о вліяніи ихъ на культъ Кавировъ въ Віотіи.

Важно отмѣтить тотъ фактъ, что въ надписяхъ на посвященныхъ божеству предметахъ, найденныхъ въ Віотіи, упоминается

[1]) Origen. (Hippol.) Philosoph. E. Miller, p. 97 Кромѣ того, о существованіи аналогичнаго миѳа и на Самоѳракіи можно заключать изъ слѣдующихъ словъ Ипполита: διαρρήδην γὰρ οἱ Σαμόθρᾳκες τὸν Ἀδὰμ ἐκεῖνον παραδιδάσιν ἐν τοῖς μυστηρίοις τοῖς ἐπιτελουμένοις παρ' αὐτοῖς ἀρχάνθρωπον. ἔστηκε δὲ ἀγάλματα δύο ἐν τῷ Σαμοθρᾴκων ἀνακτόρῳ ἀνθρώπων γυμνῶν ἄνω τεταμένας ἐχόντων τὰς χεῖρας ἀμφοτέρας εἰς οὐρανὸν καὶ τὰς αἰσχύνας ἄνω ἐστραμμένας, καθάπερ ἐν Κυλλήνῃ τὸ τοῦ Ἑρμοῦ· εἰκόνες δέ εἰσι τὰ προειρημένα ἀγάλματα τοῦ ἀρχανθρώπου καὶ τοῦ ἀναγεννωμένου πνευματικοῦ κατὰ πάνθ' ὁμοουσίου ἐκείνῳ τῷ ἀνθρώπῳ. Origen. (Hippol.) Philosoph. E. Miller, p. 109. Итакъ Ипполитъ говоритъ прямо, что въ Самоѳракіи сообщалось мистамъ ученіе о первомъ человѣкѣ, объ еллинскомъ Адамѣ, и хотя онъ не излагаетъ въ подробностяхъ содержанія этого ученія, но едва ли можно сомнѣваться, что тамъ сообщалось посвященнымъ о происхожденіи человѣчества отъ Кавировъ,—иначе какова была бы связь ученія объ этомъ Адамѣ, какъ называетъ его Ипполитъ, съ самоѳракійскими мистеріями?

[2]) Hermes, 1890, S. 7.

всегда только одинъ Кавиръ. Это вполнѣ согласно съ одной эпиграммой, приписываемой Діодору, въ которой молящійся, благодаря Кавира віотійскаго за свое спасеніе отъ гибели на морѣ, обращается къ нему со словами: Βοιώτιε Κάβειρε [1]). Этому нисколько не противорѣчитъ то мѣсто Павсанія, гдѣ онъ говоритъ о многихъ віотійскихъ Кавирахъ. Ясно, что онъ говоритъ тутъ не о Кавирахъ-богахъ, а о Кавирахъ-людяхъ, слѣдуя особому варіанту віотійскихъ миѳовъ, который теперь не можетъ быть возстановленъ въ полной формѣ.

Рядомъ съ Кавиромъ является сынъ Кавира, какъ видно изъ посвятительной формулы: τῷ Καβίρῳ καὶ παιδὶ (τοῦ Καβίρου) [2]). Віотійскіе Κάβιρος καὶ ὁ παῖς находятъ, повидимому, аналогичную форму въ елевсинскихъ божествахъ Δημήτηρ καὶ ἡ παῖς [3]); но слѣдуетъ замѣтить, что дальше этой внѣшней черты сходство не простирается, что представленіе о сынѣ Кавира не было поставлено въ Віотіи на ту высоту, какой достигло въ Елевсинѣ представленіе о дочери Димигры, которая почиталась наравнѣ со своей матерью и иногда даже отожествлялась съ ней [4]). Роль „сына Кавира“ въ віотійскихъ миѳахъ слѣдуетъ сопоставлять съ ролью елевсинскаго Іакха. Можно сказать болѣе: миѳы о сынѣ Кавира построены по аналогіи съ миѳами объ Іакхѣ. Παῖς віотійскій представляется сыномъ Кавира, а Іакхъ елевсинскій—сыномъ Димитры [5]). Сынъ Кавира еще мальчикъ (на вазѣ, разсмотрѣнной выше), еще ребенокъ, подобно Іакху. Во время елевсин-

[1]) Anthol. Palat. VI, 245.

[2]) Hermes, 1890, S. 4. Mittheil. d. d. arch. Inst. 1890, S. 384, 385, 386, 392 alib.

[3]) Paus. IX, 22, 5: πλησίον δὲ Δήμητρος καὶ τῆς παιδὸς ναός,—рѣчь идетъ о храмѣ Димитры, находившемся въ Аѳидонѣ вблизи святилища Кавировъ. Cf. Paus. I, 37, 6.

[4]) См. Н. Новосадскій, Елевс. мистеріи, стр. 171.

[5]) См. Н. Новосадскій, Елевс. мистеріи, стр. 164. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ миѳа Іакхъ представлялся сыномъ Персефоны, но въ виду синкрасіи Димитры съ Персефоной это обстоятельство не вноситъ отрицательной черты въ параллель между ὁ παῖς Καβίρου и ἡ παῖς τῆς Δήμητρος.

ской процессіи въ честь ребенка Іакха несли приготовленныя для этого бога игрушки изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Объ этомъ Климентъ александрійскій говоритъ: καὶ τῆσδε ὑμῖν τῆς τελετῆς τὰ ἀχρεῖα σύμβολα οὐκ ἀχρεῖον εἰς κατάγνωσιν παραθέσθαι· ἀστράγαλος, σφαῖρα, στρόβιλος[1]). Полную параллель къ этимъ словамъ представляетъ слѣдующее посвященіе изъ віотійскаго святилища Кавировъ: Ὠκυθόα ἀστραγάλως πέτταρας, στρόβιλον, μάστιγα, δαῖδα, ἀγρούρια, ὁλκὰ δραχμὴ πέντε[2]).

Сходство между Іакхомъ и сыномъ віотійскаго Кавира замѣчается и въ памятникахъ искусства. Въ той же роли, какъ παῖς на Taf. IX Mitth. Athen. 1888, является Іакхъ на одномъ барельефѣ, найденномъ въ Елевсинѣ въ октябрѣ 1885. Барельефъ этотъ представляетъ двѣ сцены. Съ правой стороны пиръ Плутона и Персефоны, съ лѣвой—пиръ Димитры и Персефоны. Лѣвой рукой Димитра держитъ факелы, правую простираетъ надъ головой дочери, держа какой-то предметъ. Д. Филій принимаетъ его за чашу. Персефона занимаетъ мѣсто по правую руку Димитры со скипетромъ. Вблизи ея стоитъ совершенно нагой мальчикъ—Іакхъ, приподнявъ правую руку съ чашей, которою онъ зачерпнулъ вино изъ находящагося тутъ же сосуда. Сходство его роли съ ролью παῖς въ указанномъ выше барельефѣ бросается сразу въ глаза[3]). Кромѣ того замѣтно сходство этой композиціи съ однимъ барельефомъ изъ Θасоса, на религіозныхъ вѣрованіяхъ котораго, какъ извѣстно, отразился культъ Кавировъ[4]). На этомъ барельефѣ, представляющемъ пиръ, изображены двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ въ полулежачемъ положеніи, очень похожемъ на положеніе Кавира, опирается о ложе лѣвою рукой, а правую поднимаетъ вверхъ, держа какой-то несохранившійся на барельефѣ предметъ (едва ли можно сомнѣваться, что это была чаша). Другая женщина сидитъ предъ ней, протягивая правую руку впередъ. Въ сторонѣ отъ этой группы стоитъ обнаженный мальчикъ, опустивъ лѣвую руку внизъ, правой зачерпывая вино изъ большого сосуда. Сходство его позы съ позой ребенка, помѣщеннаго въ Mitth. 1888, Taf. IX, не можетъ не броситься въ глаза. По аналогіи съ барельефомъ елевсинскимъ, можно полагать, что изображенныя здѣсь женщины представляютъ собой Димитру и Кору, а мальчикъ—Іакха въ роли виночерпія.

Сходство нѣкоторыхъ сторонъ миѳовъ елевсинскихъ и віотійскихъ замѣчается еще въ присутствіи въ тѣхъ и другихъ элемента комически-каррикатурнаго. Въ елевсинскихъ миѳахъ выступаютъ Іамва и Ваввo, развеселяющія своими скабрезными шутками Димитру, которая тоскуетъ о потерѣ своей дочери. На керамическихъ изображеніяхъ въ святилищѣ віотійскихъ Кавировъ мисты и герои выступаютъ почти на всѣхъ рисункахъ въ каррикатурномъ видѣ.

Такъ, на рисункѣ, помѣщенномъ въ Mitth. Ath. 1888 стр. 422, изображенъ въ каррикатурномъ видѣ совершенно нагой молодой мистъ, держащій въ рукахъ мистическую повязку. Тамъ же на стр. 425 изображены мисты, глядящіе на фигляра, выкидывающаго хореографическіе фокусы. Фигура танцовщика не сохранилась вполнѣ, но безобразно отброшенная въ сторону нога его указываетъ, что онъ былъ представленъ въ каррикатурномъ видѣ. Другія комическія группы мистовъ описаны Виннефельдомъ безъ приложенія соотвѣтствующихъ снимковъ. Нельзя не отмѣтить, какъ особенность віотійскихъ изображеній, представленіе въ смѣшномъ видѣ мистовъ, идущихъ на поклоненіе Кавиру. Не смотря на присутствіе комическаго элемента въ мистеріяхъ Димитры, мы не встрѣчаемъ изображенія въ смѣшномъ видѣ елевсинскихъ мистовъ; даже имвросскіе мисты выступаютъ на одномъ барельефѣ въ спокойномъ, строгомъ и благоговѣйномъ величіи[1]). Не приложимы ли поэтому къ віотійскимъ Кавирамъ слова Исихія: Κόβειρος· γελοιαστής· σκώπτης· λοιδοριστής[2])?

---

[1]) Clem. Alex. Cohort. p. 5=Orphica, fr. 196 A b e l.

[2]) Mitth. Athen. 1890, S. 380.

[3]) См. Ἐφημ. ἀρχ. 1886, πίν. 3, 1. Описаніе барельефа и объясненіе его, сдѣланное ефоромъ Д. Филіемъ, помѣщены тамъ же на стр. 19 слѣд. Ср. O. K e r n, Hermes, 1890, S. 13, Anm. 2.

[4]) C o n z e, Reise auf d. Inseln d. Thrak. Meeres, Taf. X, 1.

[1]) A. C o n z e, Reise, Taf. XV, n° 10.

[2]) Hesych. v. v. Cf. id. Κόβειρα· γελοῖα.

Кромѣ отмѣченныхъ фактовъ, раскопки въ святилищѣ Кавировъ важны еще въ томъ отношеніи, что онѣ указываютъ на тѣ вліянія, какимъ подвергался культъ Кавировъ въ Віотіи. Керамическія изображенія на вазѣ, описанной выше, свидѣтельствуютъ о вліяніи на миѳы віотійскаго культа Кавировъ ученія Орфиковъ, а оно получило свое начало въ Аѳинахъ. На основаніи этихъ данныхъ О. Кернъ приходитъ къ тому заключенію, что культъ Кавировъ въ Віотіи внесенъ туда изъ Аѳинъ [1]). Но съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Въ Аттикѣ культа Кавировъ не было, какъ же Аѳиняне могли дать Віотійцамъ то, чего сами не имѣли? Нельзя смѣшивать вліянія, представляющаго несомнѣнный фактъ, съ миѳическимъ заимствованіемъ. А что касается до свидѣтельства Павсанія объ учрежденіи культа Кавировъ въ Віотіи Аѳиняниномъ Меѳапомъ, то можетъ ли оно имѣть значеніе историческаго свидѣтельства? Сообщаемое Павсаніемъ преданіе, очевидно, было образовано post factum вслѣдствіе того, что въ віотійскомъ культѣ Кавировъ замѣтны были слѣды орфическаго ученія, которое внесено въ Віотію изъ Аттики.

На основаніи раскопокъ въ Кавиріи О. Кернъ дѣлаетъ выводъ о времени установленія культа Кавировъ въ Віотіи. Такъ какъ древнѣйшій изъ трехъ построенныхъ тамъ храмовъ не можетъ быть, по мнѣнію Дерпфельда, отнесенъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ V или VI вѣкъ, то Кернъ относитъ установленіе культа Кавировъ въ Віотіи къ VI вѣку [2]). Но едва ли на основаніи этихъ данныхъ можно сдѣлать такой выводъ. Какія основанія полагать, что открытый германскимъ археологическимъ институтомъ храмъ и есть тотъ первый храмъ, который былъ построенъ въ Віотіи непосредственно послѣ установленія тамъ культа Кавировъ? Возьмемъ факты аналогичные. Развѣ время построенія древнѣйшаго изъ храмовъ Димитры въ Елевсинѣ, очищеннаго греческимъ археологическимъ обществомъ отъ вѣковыхъ наносовъ, указываетъ на время установленія тамъ мистерій? Развѣ по времени постройки храма Асклипія въ Епидаврѣ можно судить о времени установленія тамъ культа Асклипія? Изъ факта существованія храма Кавировъ въ VI вѣкѣ можно сдѣлать заключеніе только о существованіи въ то время и культа Кавировъ, а не объ установленіи его въ то время. Послѣдній вопросъ лучше оставить открытымъ, чѣмъ выдвигать мнѣніе, покоющееся на столь непрочныхъ основахъ. И послѣ раскопокъ въ віотійскомъ Кавиріи время учрежденія въ Віотіи культа Кавировъ остается неизвѣстнымъ.

[1]) Hermes, 1890, S. 12: Erst von Athen aus wird er (Kabirencult) im sechsten Jahrhundert eingeführt und an den Cult des heimischen Dionysos angeknüpft.

[2]) Hermes, 1890, l. c.

Что касается до системы ученія о Кавирахъ въ Віотіи, то нельзя не замѣтить, что она не такъ сложна, какъ система самоѳракійская и даже лимносская. Въ Віотіи не замѣчается, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ литературныхъ и монументальныхъ памятникахъ, какіе извѣстны до настоящаго времени, прямого указанія на соединеніе съ культомъ Кавировъ культа Діоскуровъ.

О. Крузіусъ высказалъ предположеніе, что въ віотійскомъ культѣ Кавировъ Діоскуры были замѣнены героями Амфіономъ и Зиѳомъ [1]). Дѣйствительно, замѣтно большое сходство чертъ въ представленіяхъ о Діоскурахъ и ѳиванскихъ братьяхъ Амфіонѣ и Зиѳѣ, доходящее даже до отожествленія. У Исихія прямо сказано: Διόσκουροι. οἱ Ἑλένης ἀδελφοὶ Ζῆθος καὶ Ἀμφίων λευκόπωλοι καλούμενοι. Тотъ же эпитетъ λευκόπωλοι, который по преимуществу приписывался Діоскурамъ, придается Зиѳу и Амфіону у Еврипида [2]). Совершенно согласное съ Исихіемъ свидѣтельство находимъ въ схоліяхъ къ Одиссеѣ [3]). Всѣ эти данныя ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія связь Амфіона и Зиѳа съ Діоскурами.

Незамѣтно въ віотійской системѣ цѣлаго ряда различныхъ существъ, встрѣчающихся въ системѣ самоѳракійской — Кивелы,

[1]) O. Crusius, Beiträge, S. 12 и 22.

[2]) Eurip. Herc. 29. Phoen. 606.

[3]) Schol. Odyss. τ, 518: τῇ Νυκτέως Ζεὺς μίγνυται, ἐξ ἧς Ζῆθος γίγνονται καὶ Ἀμφίων· οὗτοι τὰς Θήβας οἰκοῦσι πρῶτοι, καὶ καλοῦνται Διὸς κοῦροι λευκόπωλοι.

Реи, Коривантовъ, идейскихъ Дактилей, Тельхиновъ, Куритовъ, нѣтъ прямыхъ указаній даже на присоединеніе миѳовъ о Кадмѣ и Армоніи, Ясіонѣ и Дарданѣ. Но эти миѳы могли быть соединены съ віотійскимъ ученіемъ о Кавирахъ, такъ какъ основы для ихъ связи были. Эти основы ясно указаны въ соединеніи съ культомъ Кавировъ культа Димитры, которая отожествлялась въ греческой миѳологіи съ Кивелой и Реей, а съ послѣдней связаны въ миѳахъ Куриты, Кориванты и Дактили; связаны съ Димитрой и миѳы объ Ясіонѣ и Дарданѣ. Что касается до миѳовъ о Кадмѣ и Армоніи, то они могли быть присоединены въ силу того вліянія, какое имѣли въ Греціи всѣ мѣстные миѳы и культы на тѣ миѳы, которые приходили къ нимъ извнѣ [1]).

Итакъ въ віотійскомъ культѣ Кавировъ обнаруживается явственно та связь вѣрованій съ мѣстными условіями, съ природой страны, какая замѣчается вообще въ религіи древнихъ Грековъ. Въ Віотіи, области удобной для воздѣлыванія хлѣба и винограда, вступаютъ въ систему Кавировъ божества аграрныя и божества винодѣлія и становятся съ ними въ самую тѣсную связь. Даже нѣкоторыя черты ихъ переносятся на Кавировъ. Ихъ культъ устанавливается аграрной богиней, ихъ система представляетъ аналогію съ системой аграрныхъ богинь; является Кавиръ и сынъ его по аналогіи съ Димитрой и ея дочерью. Черты другого божества—Діониса переносятся также на Кавира и онъ является, какъ Діонисъ, увѣнчанный плющемъ и подобный по внѣшнему виду Діонису. Обращаетъ на себя вниманіе и тотъ фактъ, что на керамическихъ изображеніяхъ, найденныхъ въ ѳиванскомъ Кавиріи, встрѣчаются спутницы Діониса—вакханки, пляшущія подъ звуки

[1]) Связь миѳовъ о Кадмѣ и Армоніи съ религіозной системой віотійскаго ученія о Кавирахъ отмѣчена, хотя косвенно, у Павсанія IX, 12, 4. Посредствующее звено между этими миѳами представляли миѳы о Діонисѣ, который по віотійскимъ сказаніямъ былъ отожествленъ съ Кавиромъ, а Діонисъ былъ рожденъ дочерью Кадма Семелой и въ ея домѣ въ Ѳивахъ хранилось изображеніе Діониса; вѣрили, что оно ниспослано было съ неба.

флейты, на которой играетъ Силинъ, а среди орнаментовъ попадается плющь, посвященный Діонису [1]).

При этомъ сохраняются и другія черты Кавировъ—представленіе о нихъ какъ о божествахъ, спасающихъ людей отъ опасностей на морѣ и бѣдствій житейскихъ [2]). Едва ли была утрачена и другая важная черта, представленіе о свѣтѣ, объ огнѣ. Сохраненію послѣдней во всей силѣ должна была содѣйствовать вулканическая почва Віотіи и добываніе въ значительномъ количествѣ металловъ, а на присутствіе въ віотійскихъ миѳахъ о Кавирахъ представленія о свѣтѣ указываютъ встрѣчающіяся на вазахъ ѳиванскаго Кавирія изображенія солнечнаго существа—Персея. Онъ нарисованъ на одной вазѣ въ каррикатурномъ видѣ, съ громаднымъ αἰδοῖον. Герой, ведя за собою Пегаса, устремляется противъ Химеры [3]).

Въ общемъ нельзя не замѣтить, что віотійскій культъ Кавировъ представляетъ болѣе сходства съ лимносскимъ, чѣмъ съ самоѳракійскимъ. Сходство между самоѳракійскимъ ученіемъ о Кавирахъ и віотійскимъ гораздо слабѣе. Въ Віотіи, подобно тому какъ на Лимносѣ, обнаруживается тѣсная связь Кавировъ съ винодѣліемъ; тамъ религіозная система не такъ сложна, какъ на Самоѳракіи и, наконецъ, тамъ было ученіе объ одномъ Кавирѣ, имѣвшемъ дитя—какая параллель къ лимносскому миѳу о Кавирѣ, имѣвшемъ прекрасное дитя! Въ виду всѣхъ этихъ соображеній нельзя согласиться съ мнѣніемъ К. О. Миллера, который утверждалъ, что ѳиванскій культъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ самоѳракійскимъ [4]).

Въ миѳахъ віотійскихъ, насколько они намъ извѣстны, не было ученія о смерти Кавира, какъ это встрѣчается въ системѣ

[1]) Mitth. d. d. arch. Inst. 1888, Taf. X. Ibid. S. 418.

[2]) Anthol. Palat. VI, 245.

[3]) Mittheil. d. d. arch. Inst. Athen. 1888, Taf. XI. Персей былъ поставленъ въ связь съ Кавирами не только въ Віотіи, но и въ Фокеѣ. См. изображеніе Персея на фокейской монетѣ у Pellerin, Rec. de méd. II pl. LIX, n° 71.

[4]) K. O. Müller, Gesch. hellen. Stämme 455².

македонской. Нейгайзеръ находилъ указаніе на присутствіе въ Віотіи этого миѳа въ упоминаніи Павсанія о томъ, что Димитра, устанавливая тамъ мистеріи Кавировъ, дала Промиѳею и Этнею παρακαταθήκην. Haec παρακαταθήκη,—пишетъ Нейгайзеръ,—certe nihil aliud est, quam interfecti Cabiri pudenda in cista recondita [1]). Но такое объясненіе совершенно произвольно.

О внѣшней, обрядовой сторонѣ віотійскаго культа Кавировъ ничего неизвѣстно. Не знаемъ, когда происходили тамъ праздники и съ какими обрядами были они соединены. Культъ Кавировъ въ Віотіи имѣлъ характеръ мистерій, но древніе авторы ничего не говорятъ о посвященіи въ эти мистеріи. Возникаетъ вопросъ, можно ли объяснять это молчаніе тѣмъ, что для участія въ віотійскомъ служеніи Кавирамъ вовсе не требовалось посвященія? Такое рѣшеніе этого вопроса, конечно, было бы ошибочно. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что доступъ въ віотійскія мистеріи былъ открытъ безъ предварительнаго посвященія. Это устанавливало бы необъяснимое и странное несоотвѣтствіе между культомъ Кавировъ въ Віотіи и въ другихъ мѣстахъ Греціи.

Составъ жрецовъ, посвященныхъ служенію віотійскихъ Кавировъ, мало извѣстенъ. Свѣдѣнія о нихъ почерпаются только изъ надписей, найденныхъ во время раскопокъ германскаго археологическаго Института. Здѣсь встрѣчаются указанія на „священствующихъ“ (ἱαρειάδδοντες) и кавиріарховъ (καβιριάρχη) при ѳиванскомъ Кавиріи [2]). Первые отмѣчаются въ надписяхъ въ количествѣ двухъ человѣкъ, а вторые въ количествѣ четырехъ, трехъ и двухъ. Ихъ именами, совмѣстно съ именами архонтовъ, обозначались года составленія документовъ. Какъ видно изъ этихъ надписей, кавиріархи были смѣняемы ежегодно, а „священствующіе“ оставались несмѣняемыми, вѣроятно, до конца жизни. Положеніе ἱαρειάδδοντες и καβιριάρχη въ ряду другихъ лицъ жреческаго ѳиванскаго персонала неизвѣстно. Въ виду несмѣняемости первыхъ, можно полагать, что ихъ права были болѣе широки, чѣмъ права кавиріарховъ, и на нихъ можно, кажется,

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 73.

[2]) Mittheil. d. d. arch. Inst. Athen. 1890, S. 378 f.

смотрѣть, какъ на верховныхъ жрецовъ при віотійскомъ святилищѣ Кавировъ.

Кромѣ того, въ ѳиванскихъ надписяхъ упоминаются παραγωγεῖες, но также ни слова не говорится объ ихъ обязанностяхъ. Чанто, издавшій и объяснившій надписи, найденныя въ віотійскомъ Кавиріи, высказалъ догадку, что віотійскіе парагоги соотвѣтствовали мистагогамъ въ другихъ мистеріяхъ и что они были назначаемы, по выбору или жребіемъ, каждый разъ предъ началомъ праздниковъ. Мнѣніе Чанто относительно назначенія парагогъ не пожизненно, а только на время совершенія каждаго отдѣльнаго праздника, вполнѣ основательно, но едва ли можно согласиться съ его догадкой о соотвѣтствіи парагоговъ мистагогамъ, хотя Чанто съ твердой увѣренностью говоритъ, что оно „ясно“. Обязанностью мистагоговъ было руководить посвящавшихся, „вводить“ ихъ въ тайны мистерій, а едва ли значеніе „введенія“ соединялось у грековъ съ словомъ παράγειν и другими словами того же образованія? Гдѣ аналогичные примѣры? Поэтому и παραγωγεύς врядъ ли могло называться лицо „вводящее“ въ тайны мистерій. Роль віотійскихъ парагоговъ требуетъ другого объясненія. Не были-ль это лица, приносившія предъ взоры посвященныхъ статуи боговъ и другія священныя вещи (τὰ ἄρρητα ἱερά) во время мистическихъ торжествъ [1])? При этомъ парагоговъ слѣдуетъ сопоставлять не съ мистагогами, а съ елевсинскими панагами [2]).

Вотъ всѣ свѣдѣнія о жреческомъ персоналѣ при храмѣ Кавировъ въ Віотіи. Будутъ ли они когда-нибудь расширены, укажетъ время.

[1]) Ср. ἰαχχαγωγός, κοραγωγός,—здѣсь, въ Віотіи, названіе болѣе общее, неопредѣленное,—не носитель Іакха, Коры, а вообще „носитель“.

[2]) См. мое изслѣдованіе „Елевсинскія мистеріи“ стр. 78.

ГЛАВА VI.

Культъ Кавировъ въ Македоніи и въ другихъ областяхъ древнегреческаго міра.

А. *Культъ Кавировъ въ Македоніи.*

Свидѣтельства о существованіи этого культа въ Македоніи. Климентъ александрійскій. Керамическія изображенія, представляющія убійство Кавира и его воскрешеніе. Памятники искусства и монеты, имѣющія отношеніе къ македонскому культу Кавировъ. Торжества и состязанія въ честь Кавировъ въ Македоніи.

Свѣдѣнія о культѣ Кавировъ въ Македоніи относятся къ позднѣйшему времени. Они заимствуются большею частью изъ отцовъ церкви.

Для рѣшенія вопроса о томъ, когда установленъ былъ въ Македоніи культъ Кавировъ, нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ. Всѣ соображенія по этому поводу могутъ имѣть значеніе только догадокъ. Несомнѣнно, что онъ развился тамъ позже, чѣмъ на Самоѳракіи, Лимносѣ, Имвросѣ и въ Віотіи[1]). Такъ какъ центромъ культа Кавировъ въ Македоніи была Солунь, основанная Кассандромъ, то культъ этотъ, понятно, не могъ быть установленъ въ этой области раньше конца IV вѣка до Р. Х. По всей вѣроятности, онъ утвердился тамъ только въ III вѣкѣ. Среди политическихъ бурь перваго времени правленія діадоховъ едва ли было время думать объ учрежденіи новаго культа.

Наиболѣе подробное сообщеніе о культѣ Кавировъ въ Македоніи представляетъ Климентъ александрійскій (называя Кавировъ Коривантами). Онъ пишетъ: „Хочешь ли посмотрѣть оргіи Коривантовъ? Убивъ своего третьяго брата, они покрыли голову мертвеца пурпуровой тканью, обвили ее багряницей, отнесли на щитѣ къ подошвѣ Олимпа и тамъ похоронили. И вотъ мистеріи,—словомъ сказать, убійство и погребеніе. И жрецы ихъ, которыхъ называютъ анактотелестами, кому приходится ихъ называть, придумываютъ чудеса, соединенныя съ этой мерзкой исторіей; они запрещаютъ подавать на столъ корень петрушки, держась того убѣжденія, что петрушка выросла изъ крови убитаго Кориванта“ [1]). Подтвержденіе словъ Климента находимъ у Юлія Фирмика[2]) и у Лактанція[3]), но послѣдніе два автора, очевидно, заимствовали свои свѣдѣнія изъ Климента, такъ что всѣ эти три свидѣтельства въ сущности сводятся къ одному, но за то слова Климента подтверждаются цѣлымъ рядомъ керамическихъ изображеній на этрусскихъ зеркалахъ.

На одномъ зеркалѣ изображенъ безбородый нагой юноша[4]). Съ обѣихъ сторонъ нападаютъ на него два крылатыхъ мужчины среднихъ лѣтъ, тоже нагіе, съ повязками на головахъ, какія носили посвященные въ мистеріи. Сверху, надъ сценой, помѣщены

---

[1]) Нейгайзеръ полагалъ, что культъ Кавировъ былъ перенесенъ во вновь основанную Солунь жителями городовъ Халястры, Эніи и Киссы, переселившимися въ этотъ новый городъ. Neuhäuser, Cadmilus p. 24. Но нѣтъ никакихъ указаній на существованіе культа Кавировъ въ этихъ городахъ.

[1]) Clem. Alex. Cohort. c. 2 p. 6 Sylb. (=Euseb. Praep. Euang. II, 3, 27 sq. Diud.). Cf. Arnob. Adv. gent. V, 19: oblivioni etiam Corybantia sacra donentur, in quibus sanctum illud mysterium traditur, frater trucidatus a fratribus, interempti ex sanguine apium natum, prohibitum mensis olus illud apponi, ne a manibus mortui inexpiabilis contraheretur offensio.

[2]) Iul. Firm. De err. prof. rel. c. 11 (CSEL II, 91): In sacris Corybantum parricidium colitur: nam unus frater a duobus interemptus est et, ne quod indicium necem fraternae mortis aperiret, sub radicibus Olympi montis a parricidis fratribus consecratur. Cf. Orph. H. XXXIX, 6 Abel.

[3]) Lactant. I, 15, 8.

[4]) Этотъ рисунокъ вызвалъ нѣсколько различныхъ объясненій. Форхгаммеръ полагалъ, что тутъ представлена пляска Коривантовъ и ввѣреннаго имъ юноши (Arch. Zeit. XV, 6). Л. Стефани видѣлъ въ этомъ рисункѣ изображеніе посвященія въ мистеріи Кастора сномъ и смертью (Arch. Zeit. XV, 25). Но гораздо основательнѣе мнѣніе Е. Гергарда, который, не соглашаясь съ объясненіями Форхгаммера и Стефани, принимаетъ эту сцену за изображеніе убійства Кавира его братьями (E. Gerh. Etrusk. Spiegel III, 269 ff.).

полумѣсяцъ и звѣзда. Внизу, съ правой стороны картины,—цвѣтокъ. Эта сцена прекрасно иллюстрируетъ слова Климента александрійскаго. Не можетъ возникать сомнѣнія въ томъ, что здѣсь изображено убійство Кавира его братьями. Число ихъ соотвѣтствуетъ числу Кавировъ у Климента; повязки явно указываютъ, что сцена эта имѣетъ отношеніе къ мистеріямъ. Луна и звѣзда помѣщены на рисункѣ для обозначенія ночного времени, въ которое совершались мистеріи [1]), а цвѣтокъ имѣетъ символическое значеніе воскрешенія Кавира, жизни, которая процвѣтетъ изъ смерти, какъ цвѣтокъ возникаетъ изъ брошеннаго въ землю, какъ бы погребеннаго зерна. Напоминаніе о σέλινον едва ли можно здѣсь видѣть вслѣдствіе несходства этого растенія съ петрушкой.

Въ тѣсной связи съ предшествующимъ стоятъ другія изображенія, представляющія дальнѣйшее развитіе миѳа объ убитомъ Кавирѣ въ той формѣ, какая неизвѣстна непосредственно изъ литературныхъ источниковъ, — воскрешеніе Кавира и его торжественное примиреніе съ братьями. На одномъ этрусскомъ зеркалѣ изображенъ Ермій, оживляющій мертваго Кавира прикосновеніемъ магическаго жезла [2]). Эта сцена съ различными варіантами композиціи повторяется въ цѣломъ рядѣ изображеній, указывая на большое распространеніе даннаго миѳа [3]). Особенно типичны сцены, представляющія ѳеогамію воскрешеннаго Кавира и его торжество, наступившее послѣ страданій и смерти.

Такъ, на рисункѣ у Гергарда, табл. CCLXIX, посреди сцены изображенъ Кавиръ съ своей возлюбленной; по обѣимъ сторонамъ ихъ стоятъ примиренные съ Кавиромъ братья, глядя на него съ видимой любовью и участіемъ.

Изъ Климента александрійскаго мы узнаемъ еще особую черту, касающуюся миѳа объ убійствѣ Кавира. Онъ пишетъ: Καβείρους δὲ τοὺς Κορύβαντας καλοῦντες καὶ τελετὴν Καβειρικὴν καταγγέλλουσιν· αὐτὼ γὰρ δὴ τούτω τὼ ἀδελφοκτόνω τὴν κίστην ἀνελομένω, ἐν ᾗ τὸ τοῦ Διονύσου αἰδοῖον ἀπέκειτο, εἰς Τυρρηνίαν

[1]) Cf. Orph. H. XXXIX, 3 sq: νυκτερινὸν Κουρῆτα, Κορύβαντα—φοίνιον, αἱμαχθέντα κασιγνήτων ὑπὸ δισσῶν.

[2]) Gerhard, Etrusk. Spiegel, Taf. LV, 1—7.

[3]) Ibid. Taf. LVI, 1—3.

κατήγαγον, εὐκλεοῦς ἔμπορoι φορτίου· κἀνταῦθα διετριβέτην φυγάδε ὄντε, τὴν πολυτίμητον εὐσεβείας διδασκαλίαν, αἰδοῖα καὶ κίστην θρησκεύειν παραθεμένω Τυρρηνοῖς [1]).

Миѳъ объ убійствѣ и воскрешеніи Кавира представляетъ аналогію съ миѳомъ объ убійствѣ Діониса титанами и его воскрешеніи. Такъ какъ послѣдній миѳъ получилъ особое распространеніе въ Греціи благодаря Орфикамъ, то это указываетъ, что орфическое ученіе имѣло вліяніе на культъ Кавировъ не только въ Віотіи и Самоѳракіи, но и въ Македоніи. Сходство миѳовъ о македонскомъ Кавирѣ, убитомъ своими братьями, съ миѳами о Діонисѣ замѣчается и въ тѣхъ атрибутахъ (ῥυτόν и κέρας), съ которыми изображается Кавиръ на македонскихъ монетахъ. Въ этомъ видно вліяніе природы Македоніи. Македонія славилась въ древности своимъ виномъ, поэтому македонскому Кавиру приписывали охрану виноградныхъ лозъ. Но подобно многимъ другимъ областямъ Греціи Македонія была богата и металлами [2]); вслѣдствіе этого къ представленію о Кавирѣ присоединяется тамъ и другая черта: Кавиръ изображается съ атрибутами Ифеста. Въ соединеніи съ двойными атрибутами—Діониса и Ифеста—встрѣчается Кавиръ на многихъ монетахъ Солуни. Такъ, на монетѣ, снимокъ съ которой помѣщенъ у Міоннэ I, 490 n° 297, изображенъ Кавиръ въ короткомъ плащѣ съ ῥυτόν въ правой рукѣ и съ молоткомъ въ лѣвой. Надпись: Κάβειρος. На другой сторонѣ голова женщины съ украшеніемъ въ видѣ башни. Надпись: Θεσσαλονεικέων [3]).

Заслуживаетъ вниманія также одна монета изъ Солуни, на лицевой сторонѣ которой изображенъ Кавиръ, увѣнчанный лав-

[1]) Clem. Alex. Cohort. c. 2 p. 6 Sylb. (=Euseb. Praep. Euang. II, 3, 29 Ind.). Сравн. E. Gerhard, Die Geburt der Kabiren, Berl. 1862 (Separatabdr. aus d. Abhandl. der philosoph.—histor. Klasse d. Königl. Akad. d. Wissensch. zu Berl., 1861), Taf. II, гдѣ одинъ изъ Кавировъ изображенъ держащимъ ящикъ, который такъ напоминаетъ κίστην, ἐν ᾗ τὸ αἰδοῖον ἀπέκειτο, о чемъ говоритъ въ приведенномъ выше мѣстѣ Климентъ.

[2]) См. Tafel, De Thessal. p. 267 sq.

[3]) Cf. Mionnet, I, 490, n° 298—302, p. 499, n° 375. Suppl. III, 118, n° 736, ibid. n° 737—743, 876, 898, 901.

ромъ, съ молоткомъ на лѣвомъ плечѣ[1]). Здѣсь Кавиру приданы атрибуты Аполлона и Ифеста, указывающіе на связь этихъ божествъ съ македонскимъ культомъ Кавировъ. Связь культа Аполлона съ культомъ Кавировъ въ Македоніи видна еще болѣе ясно изъ другой солунской монеты. На одной сторонѣ ея изображенъ Аполлонъ, держащій въ правой рукѣ Кавира, а въ лѣвой лавровую вѣтвь. Изъ надписи видно, что это монета Θεσσαλονικέων νεω[κόρων?][2]).

Интересны также македонскія монеты, представляющія Кавира съ молоткомъ и козерогомъ. Послѣдній атрибутъ, вѣроятно, указываетъ символически на проводившееся въ мистеріяхъ Кавировъ ученіе о переселеніи душъ съ земли въ небесныя сферы чрезъ врата Козерога, о которомъ Макробій говоритъ: Capricornus deorum <porta>, quia per illum animae in propriae immortalitatis sedem et in deorum numerum revertuntur[3]). Слова Макробія, очевидно, заимствованы изъ мистическаго ученія, а присоединеніе козерога къ атрибутамъ Кавира наводитъ на мысль, что это ученіе имѣетъ связь съ культомъ Кавировъ[4]).

Кромѣ того на основаніи монетъ можно сдѣлать заключеніе, что о Кавирахъ македонскихъ сохранялось представленіе какъ о божествахъ, спасающихъ на морѣ. На одной монетѣ у Миннэ, I, 453 n° 6, на лицевой сторонѣ изображена голова женщины, увѣнчанная плющемъ; на оборотной—корма корабля, а надъ ней звѣзда, атрибутъ Діоскуровъ-Кавировъ. Надпись: Μακεδόνων. Cf. Миннэ, I, 452, n° 3.

Памятники искусства позволяютъ расширить кругъ божествъ, которыхъ культъ былъ соединенъ въ Македоніи съ культомъ Кавировъ. Французскій ученый Л. Гейзе нашелъ во время своихъ археологическихъ экскурсій по Македоніи въ деревнѣ Сипото барельефъ очень грубой работы, представляющій Діоскуровъ на ло-

[1]) Mionnet, I, 491 n° 303.

[2]) Mionnet, Suppl. III, 164 n° 1067. Cf. ibid. n° 1070.

[3]) Macrob. Somn. Scip. I, c. 12.

[4]) Сравн. P Burger, De diis clavigeris, p. 21.

шадяхъ. Изъ нихъ сохранился на барельефѣ только одинъ, съ лѣвой стороны. Онъ изображенъ на полномъ скаку, въ развѣвающемся по вѣтру плащѣ, въ своей типичной шапочкѣ, имѣющей видъ половины яйца. Фигура другого всадника отбита. Осталась только передняя часть лошади, но этого достаточно для опредѣленія композиціи памятника: онъ представляетъ двухъ скачущихъ другъ противъ друга Діоскуровъ-Кавировъ. По срединѣ находится женщина въ длинной, доходящей до ногъ одеждѣ. Голова ея окружена сіяніемъ, а въ лѣвой рукѣ факелъ, указывающій, что эта женщина—Димитра[1]).

Этотъ памятникъ очень важенъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что и въ Македоніи съ культомъ Кавировъ былъ соединенъ культъ Діоскуровъ и Димитры[2]). Такимъ образомъ ученіе о Кавирахъ въ Македоніи представляло въ значительной степени сложную систему, включая въ себѣ цѣлый рядъ различныхъ божествъ. Система эта охватывала божества свѣта и огня, а также божества хтоническія и боговъ—покровителей винодѣлія.

Культъ Кавировъ въ Македоніи не ослабѣвалъ съ теченіемъ времени, а пріобрѣталъ все больше значенія. Временемъ высшаго его развитія былъ періодъ римской имперіи. Это видно изъ большого количества монетъ, на которыхъ изображены римскіе императоры и императрицы въ видѣ Кавировъ[3]). Интересно отмѣ-

[1]) Revue arch. XXVI (1873), p. 39 sq. Спустя три года снимокъ съ этого барельефа былъ опять изданъ въ сочиненіи L. Heuzey—H. Daumet, Mission archéol. de Macédoine, Paris, 1876, p. 337. По мнѣнію Гейзе этотъ барельефъ принадлежитъ къ памятникамъ македонскаго города Стовъ, ibid. p. 336.

[2]) Въ виду этихъ данныхъ нельзя признать вѣрнымъ замѣчаніе Е. Гессельмайера, что въ Македонскомъ культѣ Кавировъ нѣтъ Ермія и Димитры. E. Hesselmeyer, Die Pelasgerfrage, S. 51, Anm. 1. Въ этомъ случаѣ Гессельмайеръ слѣдуетъ О. Крузіусу.

[3]) Mionnet, Suppl. III, 134 n° 864 изображеніе Нерона въ видѣ Кавира на солунской монетѣ. Eckhel, DN. III, 375 изображеніе Антонина Пія и Фаустины въ видѣ Кавировъ. Cf. Mionnet, Descr. de med. I, 500, n° 302: изображеніе императора Макрина, а на оборот-

тить тотъ фактъ, что владыки Рима чаще изображали себя въ видѣ Кавировъ македонскихъ, чѣмъ самоѳракійскихъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что культъ Кавировъ въ тѣ времена стоялъ въ Македоніи по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ выше культа Кавировъ самоѳракійскихъ? Не сообразно было бы съ гордостью и величіемъ римскихъ императоровъ изображать себя въ видѣ Кавировъ менѣе почитавшихся и менѣе извѣстныхъ.

Время года, въ которое совершался въ Македоніи праздникъ въ честь Кавировъ, неизвѣстно. Въ виду отожествленія Кавира македонскаго съ Діонисомъ можно предполагать, что праздникъ этотъ падалъ на время уборки винограда или на тотъ мѣсяцъ, когда пробовали первое вино новаго сбора, когда обыкновенно совершались праздники въ честь Діониса.

Относительно внѣшней стороны македонскаго праздника въ честь Кавировъ древніе авторы ничего не говорятъ. Замѣтная повсюду тѣсная связь обрядовъ съ относящимися къ данному культу миѳами даетъ полное право думать, что во время македонскихъ торжествъ драматически воспроизводились сцены, представлявшія убійство Кавира, его воскрешеніе и ѳеогамію.

Трудно рѣшить, какъ изображалась сцена убійства Кавира. Нейгайзеръ, возстановляя картину совершенія этого обряда, который онъ ошибочно приписываетъ самоѳракійскимъ мистеріямъ, высказалъ предположеніе, что Кавира, погибающаго отъ руки своихъ братьевъ, представлялъ быкъ, подобно тому какъ это было въ мистеріяхъ Діониса, въ которыхъ сюжетомъ религіозной драмы служилъ миѳъ о растерзаніи Діониса титанами [1]). Предположеніе это не можетъ быть признано основательнымъ, такъ какъ въ мистеріяхъ елевсинскихъ, представляющихъ во многихъ случаяхъ близкое сходство съ мистеріями Кавировъ, роли божествъ въ мистическихъ драмахъ разыгрывались не животными, а жрецами и жрицами. Болѣе сильное и потрясающее впечатлѣніе должно бы произвести на присутствовавшихъ фиктивное убійство жреца, игравшаго роль Кавира, чѣмъ дѣйствительное убійство быка. Да и самая сцена нападенія двухъ Кавировъ—братьевъ на быка, какъ на третьяго брата, носила бы странный, даже комическій характеръ.

Юлій Фирмикъ, говоря о македонскомъ Кавирѣ, замѣчаетъ, что ему „окровавленному молятся съ окровавленными (устами) и руками" [1]). Это, какъ замѣтилъ уже Нейгайзеръ, указываетъ на особый обрядъ—орошать кровью убитаго жертвеннаго животнаго руки и уста молящихся. Этимъ, конечно, выражалось тѣсное сближеніе мистовъ съ божествомъ и нравственное участіе въ его страданіяхъ. Затѣмъ статуя, изображавшая убитаго Кавира, предавалась погребенію. Ее обвивали пурпуровой тканью и клали въ гробъ [2]). Пѣвцы исполняли при этомъ печальныя пѣсни; могли принимать участіе въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ и спеціальные танцоры, совершая соотвѣтствовавшій воспоминаемымъ печальнымъ событіямъ торжественный, величавый маршъ. Затѣмъ мрачныя сцены смѣнялись, соотвѣтственно миѳу, другими, свѣтлыми и радостными. Являлся жрецъ въ видѣ Ермія и изображалась сцена воскрешенія убитаго Кавира. Наступало примиреніе его съ братьями и брачный пиръ.

Вотъ картина мистическихъ сценъ, совершавшихся во время праздника Кавировъ въ Македоніи. Частности могли быть другія, но въ вѣрности общаго содержанія ея едва ли возможно сомнѣваться.

Съ праздникомъ Кавировъ въ Македоніи соединялись торжественныя гимнастическія и мусическія состязанія. Организація этихъ состязаній совершенно неизвѣстна и о самомъ существова-

---

ной сторонѣ Ники съ маленькимъ Кавиромъ на рукѣ. Ibid. I, 503 n° 397: на лицевой сторонѣ увѣнчанная лавромъ голова Гордіана, на оборотной урна и пальмовая вѣтвь, какъ символъ побѣды. Cohen, Monn. l'emp. rom. V, p. 89, n° 62: изображеніе Клавдія Готѳскаго въ видѣ Кавира.

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 131.

[1]) Iul. Firm. De err. prof. relig. c. 11 (CSEL, II, 91 sq.): hic est Cabirus, cui Thessalonicenses quondam cruento <ore>, cruentis manibus supplicabant.

[2]) Относительно обряда погребенія боговъ въ мистическихъ культахъ см. указанія у Нейгайзера, Cadmilus, p. 131.

ніи ихъ узнаемъ не изъ авторовъ и надписей, а только изъ монетъ. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что монеты эти относятся ко временамъ римской имперіи и неизвѣстно еще ни одной монеты болѣе древней, въ которой указывалось бы на состязанія въ честь Кавировъ въ Македоніи[1]). Соединеніе въ Македоніи состязаній съ празднествомъ въ честь Кавировъ, чего не замѣчается ни на Самоѳракіи, ни въ другихъ мѣстахъ почитанія этихъ божествъ, указываетъ на особенную торжественность обстановки праздниковъ македонскихъ.

Нельзя не сожалѣть о томъ, что извѣстія о культѣ Кавировъ въ Македоніи, поставленномъ, очевидно, на значительную высоту, такъ ничтожны и отрывочны. Но неизвѣстное теперь, быть можетъ, будетъ раскрыто впослѣдствіи при помощи археологическихъ раскопокъ, какъ это сдѣлано въ Віотіи, или благодаря случайнымъ находкамъ.

Б. *Распространеніе культа Кавировъ и его вліяніе на религіозныя вѣрованія въ различныхъ областяхъ древнегреческаго міра.*

Троада. Понтъ. Кизикъ. Пергамъ. Фокея. Смирна. Милитъ. Вранхиды. Культъ Кавировъ въ Сиріи и на греческихъ островахъ. Вліяніе культа Кавировъ на религіозныя вѣрованія Аттики. Культъ Кавировъ въ Аѳидонѣ и Амфиссѣ. Культъ Кавировъ принадлежалъ іонійскому и эолическому племенамъ.

Культъ Кавировъ не ограничился тѣми мѣстностями, которыя мы прослѣдили. Онъ получилъ широкое распространеніе въ различныхъ областяхъ древнегреческаго міра и, не смотря на скудость древнихъ свѣдѣній объ этомъ культѣ, возможно еще отмѣтить цѣлый рядъ мѣстностей, населенныхъ Греками, гдѣ Кавиры имѣли свои храмы, гдѣ они были почитаемы, гдѣ миѳы о нихъ были поставлены въ связь съ мѣстными религіозными вѣрованіями, гдѣ они изображались на памятникахъ искусства и на монетахъ.

Такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ даже для приблизительнаго опредѣленія хронологической послѣдовательности распространенія культа Кавировъ въ различныхъ областяхъ древнеэллинскаго міра, то при разсмотрѣніи различныхъ мѣстностей Греціи, въ которыхъ былъ установленъ ихъ культъ, приходится слѣдовать не хронологическому, а географическому порядку. Прослѣдимъ его въ направленіи отъ востока къ западу,—въ томъ направленіи, въ какомъ онъ распространялся по собственной Греціи изъ Самоѳракіи. Начнемъ съ Малой Азіи.

Культъ Кавировъ, по свидѣтельству Стравона, былъ установленъ въ троадскихъ городахъ Коривантіи и Ковириссѣ[1]). Проникъ онъ и въ Понтъ. На это ясно указываетъ названіе города Κάβειρα, находившагося въ царствѣ понтійскомъ[2]).

Изъ надписей, найденныхъ А. Конце во время археологическихъ раскопокъ на Самоѳракіи, видно, что жители города Кизика очень чтили самоѳракійскихъ Кавировъ, посылая своихъ депутатовъ и іеропіевъ для участія въ самоѳракійскихъ торжествахъ[3]). Интересно отмѣтить также тотъ фактъ, что изображенія на кизикскихъ монетахъ, представляющія Димитру, ищущую свою дочь, имѣютъ большое сходство съ барельефомъ того же содер-

---

[1]) Mionnet, I, 503 n° 397: На лицевой сторонѣ увѣнчанная лавромъ голова императора Гордіана, на оборотной—урна и пальмовая вѣтвь, какъ символъ побѣды. Надпись: Θεσσαλονικέων Καβίρεια (!). Cf. ibid. n° 398; Suppl. III, 164 n° 1067: упомянутая выше (стр. 146) монета съ изображеніемъ Аполлона, держащаго Кавира на своей рукѣ; у ногъ его урна и пальмовая вѣтвь—символъ побѣды на состязаніяхъ. Надпись: Πύθια. Mionnet, I, 500 n° 382: изображеніе побѣды, держащей въ правой рукѣ маленькаго Кавира. Надпись: Θεσσαλονικέων. Cf. ibid. n° 383, 384, 389, 391, 403. Suppl. III n° 142, 921, 922.

[1]) Strab. X, 473. Cf. VI, 331 fr. 50. Dion. Hal. I, 69. Plut. Camill. c. 20.

[2]) Steph. Byz. Καβείρια. Pellerin, Recueil de méd. II, pl. XXXVIII, n° 3: понтійская монета; на одной сторонѣ ея помѣщена голова Горгоны, на другой—женщина съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ. Надпись: Καβηρώ. Cf. Strab. XII, 556.

[3]) Conze, Arch. Unters. I n° 21: ἐπι βασιλέως Εὐμάχου τοῦ Τημένου, ὡς δὲ Κυζικηνοὶ ἄγουσιν ἐπὶ Ἱππονίκου τοῦ Λυσαγόρου ἱππάρχεω· ἱεροπο[ι] οἱ ἀποσταλέντες ὑπὸ τοῦ δήμου τοῦ Κυζικηνῶν [Δι]ογένης Ἀττάλου... γος Θεοχάρου... Cf. CIG n° 2157. Marquart, Kyzikos, S. 90 ff. 126 ff. 186 ff.

жанія, находившимся на фронтонѣ храма Кавировъ въ Самоѳракіи[1]). Отсюда видно вліяніе самоѳракійскихъ миѳовъ на кизикскіе, но едва ли на основаніи тѣхъ данныхъ, какія извѣстны въ настоящее время, можно утверждать, что въ Кизикѣ былъ установленъ культъ Кавировъ. Скорѣе возможно рѣшить этотъ вопросъ отрицательно.

Павсаній свидѣтельствуетъ о существованіи культа Кавировъ въ Пергамѣ[2]). Его слова подтверждаются согласнымъ свидѣтельствомъ ритора Аристида[3]) и пергамскими памятниками какъ эпиграфическими, такъ и монументальными. Важна одна надпись временъ Антонина Пія или Каракаллы, въ которой отмѣчены нѣкоторыя черты пергамскаго культа Кавировъ[4]). Такъ какъ тутъ прославляется Зевсъ, рожденный въ Пергамѣ въ присутствіи Кавировъ, то видно, что въ этомъ городѣ Кавиры были отожествляемы съ Куритами, подобно тому какъ на Самоѳракіи. Кавиры носили въ Пергамѣ, также какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ ихъ почитанія, эпитетъ боговъ великихъ[5]). На другія черты культа Кавировъ въ Пергамѣ бросаютъ свѣтъ барельефы пергамскаго алтаря, представляющіе титаномахію. Среди барельефовъ этого алтаря Конце, а за нимъ Пухштейнъ съ полнымъ основаніемъ отмѣчаютъ фигуры, изображающія Кавировъ[6]). Одна изъ этихъ фигуръ представляетъ мужчину среднихъ лѣтъ, съ молоткомъ въ рукѣ, другая, значительно испорченная, представляла, по вѣроятному предположенію Пухштейна, молодого человѣка. Пухштейнъ отмѣчаетъ, что отношеніе между этими Кавирами напоминаетъ отношеніе между Кавирами ѳиванскими, гдѣ является Кавиръ и его παῖς. Среди другихъ божествъ на этомъ алтарѣ, въ группѣ которыхъ находятся пергамскіе Кавиры, обращаютъ на себя вниманіе Кадмилъ и Кивела, такъ близко напоминающіе религіозную систему самоѳракійскую. Кромѣ того тутъ изображены въ связи съ Кавиромъ Силина, Иліосъ, Эосъ, Имера, Эѳиръ, Уранъ, Ѳемида, Фива и Астерія, — все это божества свѣта, указывающія, что представленіе о солярномъ характерѣ Кавировъ не чуждо было ученію о Кавирахъ въ Пергамѣ.

Изображеніе пергамскихъ Кавировъ въ видѣ діады даетъ основаніе предполагать, что они были сближаемы тамъ съ діадой Діоскуровъ.

Кромѣ этихъ чертъ въ пергамскихъ Кавирахъ едва ли возможно отмѣтить еще другія, которыя имѣли бы достовѣрный характеръ[1]).

Изъ цѣлаго ряда монетъ становится извѣстнымъ сильное вліяніе культа Кавировъ на мѣстныя религіозныя вѣрованія въ Фокеѣ. Тутъ встрѣчаются Діоскуры съ тѣми же атрибутами, съ какими они изображались на Самоѳракіи, встрѣчаются въ связи съ Діоскурами и другія божества, культъ которыхъ былъ соединенъ съ культомъ Кавировъ преимущественно на Самоѳракіи. Такъ, на одной монетѣ изъ Фокеи изображена голова Кивелы съ украшеніемъ въ видѣ башни; на оборотной сторонѣ той же монеты—корма корабля, а надъ ней шапочки Діоскуровъ, озаренныя звѣздами. Надпись: Φωκαιέων[2]).

Былъ культъ Кавировъ и въ Смирнѣ. На одной смирнской монетѣ временъ императора Марка Аврелія изображена Кивела, держащая въ правой рукѣ двухъ Кавировъ[3])—явное указаніе на установленіе культа этихъ божествъ.

Николай дамасскій сообщаетъ объ установленіи культа Ка-

---

[1]) Foerster, Raub d. Perseph. S. 253. Cf. Conze, Arch. Unters. I, Taf. XXXIX, XL.

[2]) Paus. I, 4, 6.

[3]) Aristid. Orat. LV, II p. 709 Dind.

[4]) CIG n° 3538.

[5]) Jahrb. d. Königl. Preuss. Kunstsamml. Berl. 1880, S. 88 n° 452: [θε]οῖς μεγάλοις [Μηνό]φιλος Ἀσκλ[η][πιοῦ ἱερε]ύς κτέ.

[6]) Puchstein, Zur Pergamenisch. Gigantomachie (Sitzungsb. der Königl. Preuss. Akad. Berl. 1889 S. 330 f.). Cf. Sitzungsb. der Preuss. Akad. 1881, S. 275

[1]) Ср. E. Thraemer, Pergamos, Leipz. 1886, S. 263—27.

[2]) Pellerin, Rec. de méd. II, pl. LIX n° 72. Cf. ibid. n° 73.

[3]) Mionnet, Rec. de méd. III, 238 n° 1342 (= Daremb.—Saglio, Diction. p. 760 n° 901). Cf. Lobeck, Aglaoph. p. 1226.

вировъ въ Милитѣ, куда онъ былъ перенесенъ, по его словамъ, изъ Фригіи [1]).

Изъ одной надписи становится извѣстнымъ почитаніе Кавировъ во Вранхидахъ. Въ этой надписи упоминается жрецъ великихъ боговъ Кавировъ, называвшійся котархомъ [2]).

Значительное количество надписей на монетахъ даетъ основаніе установить внѣ всякаго сомнѣнія культъ Кавировъ среди Грековъ, жившихъ въ Сиріи. На монетахъ Вирита (Бейрута), Триполя и Тира встрѣчаются головы Діоскуровъ, которые были отожествляемы съ Кавирами, или ихъ атрибуты [3]). Хотя ни на одной изъ извѣстныхъ намъ монетъ этихъ городовъ нѣтъ надписи „Кавиръ", но заимствованные несомнѣнно изъ культа Кавировъ

---

[1]) FHG III, 388. На одной надписи, найденной Конце во время путешествія по Самооракіи, встрѣчается посвященіе какой-то Милетянки: ἡ δεῖνα ...ά)νδρου Μιλησία θ(εοῖς μεγάλοις). Conze, Reise, S. 60.

[2]) CIG n° 2882. Cf. ibid. n° 2880 и 2881. Какъ понимать слово κώταρχος — до настоящаго времени остается спорнымъ вопросомъ. А. Бекъ при объясненіи надписи CIG n° 2882 высказалъ предположеніе, что это слово должно сопоставлять со словами κωτίλλειν и κωτίλος, въ значеніи ὄαρος, ut quasi ὁαριστὴς deorum ille fuerit κωτάρχης, quemadmodum Διὸς μεγάλου ὁαριστής. Другое мнѣніе высказалъ Бергкъ, Arch. Zeit. 1849, S. 46; онъ сопоставляетъ κώταρχος съ κοίτη (ср. по Бергку κώμη и κοιμᾶσθαι). Котархомъ, по мнѣнію Бергка, назывался жрецъ, носившій ящикъ съ священными предметами. Не слѣдуетъ ли производить это слово отъ κοῖτος, ложе? Если это вѣрно, то подъ котархомъ слѣдуетъ понимать жреца, устраивавшаго ложе Кавировъ во время ихъ лектистерній. Извѣстно, что въ Елевсинѣ устраивались лектистерніи Плутону.

[3]) Pellerin, Rec. de méd. II pl. LXXXI n° 3. Монета. На лицевой сторонѣ голова Кивелы съ украшеніемъ въ видѣ башни, на оборотной—трезубецъ Посидона, вокругъ котораго обвивается дельфинъ, а по обѣимъ сторонамъ трезубца шапочки Діоскуровъ, озаренныя звѣздами. Надпись: Βηρύ[του]. Cf. Euseb. Praep. Euang. I, 10, 35: Βηρυτὸν δὲ Ποσειδῶνι καὶ Καβείροις. Pellerin, ibid. II pl. LXXXII, n° 31: на лицевой сторонѣ монеты бюсты Діоскуровъ со звѣздами, на оборотной — вѣнокъ, а по серединѣ пальмовая вѣтвь. Надпись: Τριπολιτῶν. Cf. ibid. pl. LXXXII, n° 33, 35; pl. LXXXIII, n° 43: монета съ изображеніемъ Діоскуровъ изъ Тира.

символы говорятъ если не объ установленіи тамъ ихъ культа, то объ его значительномъ вліяніи на мѣстныя религіозныя вѣрованія, тѣмъ болѣе, что значительное количество надписей на монетахъ даетъ возможность установить внѣ всякаго сомнѣнія фактъ распространенія культа Кавировъ въ Сиріи вообще. Такъ, на одной монетѣ изображена голова Димитры, украшенная колосьями; на оборотѣ—два Кавира, держащіе въ рукахъ копья. Надъ ними звѣзды—атрибуты Діоскуровъ-Кавировъ. Надпись: θεῶν Καβείρων Συρίων [1]). Миннэ высказалъ мнѣніе, что эта монета происходитъ не изъ Сиріи, а изъ острова Сироса, но съ этимъ едва ли можно согласиться при сопоставленіи аналогичныхъ изображеній на монетахъ, которыя принадлежатъ несомнѣнно Сиріи, а не Сиросу. Такъ, на одной монетѣ, помѣщенной у Миннэ Suppl. IV, 405 n° 284, изображены двѣ шапочки Діоскуровъ-Кавировъ, озаренныя звѣздами, а на оборотной сторонѣ пантера. Надпись: Συρίων. Изображеніе пантеры указываетъ, что эта монета не изъ острова Сироса, а изъ Сиріи. Къ сирійскимъ, а не сиросскимъ монетамъ, какъ полагаетъ Миннэ, слѣдуетъ относить и ту, которая помѣщена въ Suppl. IV, 406 n° 292. На лицевой сторонѣ ея изображена увѣнчанная лавромъ голова императора Антонина Благочестиваго; на оборотной—бюсты Марка Аврелія и Фаустины младшей. Подъ ними пчела и звѣзда. Надпись: Συρι. Καβίρων [2]).

Кромѣ этихъ нумизматическихъ указаній заслуживаетъ вниманія свидѣтельство Евимера косскаго, сохраненное Аѳинеемъ, что жителямъ финикійскаго Сидона былъ извѣстенъ миѳъ о Кадмѣ и Армоніи, который имѣетъ такую тѣсную связь съ миѳами о Кавирахъ [3]).

---

[1]) Mionnet, Suppl. IV, 404, n° 279.

[2]) Cf. Mionnet, Suppl. IV, 405 n° 289. Монета. На одной сторонѣ ея увѣнчанная лавромъ голова Домиціана, на другой — головы Діоскуровъ-Кавировъ. По срединѣ пальмовая вѣтвь. Надпись: Συρί [ων Κ] αβίρω[ν]. Cf. ibid. n° 290, 291, 293—297. Pellerin, Mélanges des méd. I, 77 sq. (=Eckhel, DN. III, p. 374): бюсты Фаустины старшей и младшей; надпись: Καβίρων Συρίων.

[3]) Athen. XIV, 658 EF.

Всѣ эти факты представляютъ возможность только отмѣтить существованіе культа Кавировъ въ Сиріи, но не даютъ никакихъ руководящихъ нитей для опредѣленія содержанія ученія о нихъ въ этой странѣ.

Разсмотримъ культъ Кавировъ на островахъ. Есть указанія на то, что культъ божествъ, имѣвшихъ въ греческой религіи тѣсную связь съ Кавирами—Діоскуровъ, былъ установленъ на островѣ Θасосѣ, ближайшемъ къ главному центру служенія Кавировъ—Самоѳракіи [1]). Вліяніе самоѳракійскихъ религіозныхъ вѣрованій на ѳасосскіе вполнѣ объясняется близостью этихъ острововъ и сходствомъ ихъ природы. Ѳасосъ вулканическаго происхожденія подобно Самоѳракіи.

Вліяніе соединенныхъ съ культомъ Кавировъ миѳовъ замѣтно и на островѣ Лесвосѣ. Конце во время своихъ археологическихъ экскурсій на Лесвосѣ нашелъ въ Ересѣ два обломка надгробнаго памятника, на которомъ изображено было двое молодыхъ людей; они стоятъ подлѣ своихъ лошадей, держа ихъ за узды (сохранился только одинъ изъ юношей на лѣвой сторонѣ барельефа). Въ центрѣ дерево, покрытое плодами. Надпись: ... οἱ Γαΐου Μυτι-[ληναῖοι]. Конце совершенно вѣрно замѣчаетъ, что художникъ изобразилъ на этомъ барельефѣ двухъ умершихъ молодыхъ людей въ видѣ νέοι Διόσκουροι,—въ видѣ тѣхъ божествъ, которыя такъ часто были отожествляемы съ Кавирами [2]).

О существованіи культа Кавировъ на островѣ Хіосѣ можно думать на основаніи найденной тамъ посвятительной надписи въ честь великихъ боговъ [3]), хотя очень возможно, что эти великіе боги были не Кавиры, а носившіе тотъ же эпитетъ Діоскуры.

Есть прямыя и несомнѣнныя указанія на то, что культъ Кавировъ былъ установленъ на островѣ Дилосѣ. Ямвлихъ упоми-

[1]) Scymni Perieg. v. 661. Avien. Descr. orb. v. 701. Conze, Reise, Taf. X, n° 2, 6, 8.

[2]) Conze, Reise auf der Insel Lesbos, Hannov. 1865, S. 31. Снимокъ съ этого барельефа помѣщенъ ibid. Taf. XV, 1.

[3]) CIG n° 2221 d: ...λα Μεγα[ρ]ίστου—τὸν αὑτῆς πατέρα Μεγάριστον Καλλιφῶ[ν]τος [ἀνέθηκε]ν θεοῖς μεγάλοις.

наетъ о дилосскихъ мистеріяхъ (τελετή), сопоставляя ихъ съ елевсинскими, имвросскими и самоѳракійскими [1]). Но не только литературныя свидѣтельства указываютъ на почитаніе Кавировъ у Дилосцевъ, а также и эпиграфическія. Въ надписи, помѣщенной въ CIG n° 2296, встрѣчается Гай сынъ Гая, Ахарнянинъ, бывшій жрецомъ великихъ боговъ Діоскуровъ-Кавировъ. Въ другой дилосской надписи (CIG n° 2270) упоминается Еввулъ, сына Димитрія, Марѳонянинъ, жрецъ τῶμ μεγάλων θεῶν καὶ πάλιν Ἀσκληπιοῦ. Эти великіе боги, конечно, Кавиры, какъ видно изъ сопоставленія этой надписи съ предыдущею. Кромѣ того въ дилосскихъ надписяхъ упоминается еще цѣлый рядъ жрецовъ великихъ боговъ Діоскуровъ-Кавировъ [2]). Этими чисто внѣшними указаніями ограничиваются наши свѣдѣнія о культѣ Кавировъ на Дилосѣ. Черты ученія, излагавшагося тамъ о Кавирахъ, и соединенные съ Кавирами на этомъ островѣ миѳы неизвѣстны.

По мнѣнію Крузіуса такъ близко лежавшій отъ Дилоса островъ Паросъ былъ древнѣйшимъ мѣстомъ почитанія Кавировъ [3]). Въ доказательство вѣрности своего мнѣнія онъ ссылается на тотъ фактъ, что древнѣйшимъ названіемъ этого острова было Κάβαρνις, по имени миѳическаго Каварна, возвѣстившаго Димитрѣ о похищеніи ея дочери [4]),—а миѳъ этотъ представляетъ сходство съ самоѳракійскими миѳами о похищеніи Армоніи. Кромѣ того Крузіусъ указываетъ на общность Самоѳракіи и Паросу миѳовъ объ Ясіонѣ и Евримедонтѣ, который является въ миѳахъ Пароса и въ миѳахъ Самоѳракіи какъ Кавиръ. Но первые миѳы не болѣе свидѣтельствуютъ о связи Пароса съ Самоѳракіей, чѣмъ съ Елевсиномъ, а что касается до миѳовъ объ Евримедонтѣ, то неизвѣстно, на основаніи какихъ соображеній Крузіусъ помѣщаетъ ихъ и на Самоѳракіи также, какъ и на Паросѣ. Дѣлать на такихъ основахъ

[1]) Iambl. V. Pythag. c. 28 p. 151.

[2]) Извѣстныя изъ надписей имена дилосскихъ жрецовъ Діоскуровъ-Кавировъ сгруппированы въ хронологическомъ порядкѣ у Шеффера, De Deli insulae rebus, p. 238 f. О святилищѣ Кавировъ на Дилосѣ см. Bull. de corr. hellén. VII, 329 ff.

[3]) Ersch-Gruber, Allgem. Encykl. XXXII (1882), 2, S. 20.

[4]) См. Steph. Byz. Πάρος.

выводъ о существованіи древнѣйшаго культа Кавировъ на Паросѣ едва ли возможно.

Относительно существованія культа Кавировъ на островѣ Сиросѣ очень трудно сказать что-нибудь положительное вслѣдствіе крайне сомнительнаго происхожденія изъ Сироса упомянутыхъ выше монетъ съ надписью: Συρίων.

За то съ полной достовѣрностью можетъ быть установленъ фактъ почитанія самоѳракійскихъ Кавировъ на расположенномъ такъ близко отъ Сироса островѣ Киѳносѣ. Л. Россъ нашелъ тамъ во время своего путешествія камень съ надписью, относящеюся, по его мнѣнію, къ IV в. до Р. Х: [Σαμ]οθρᾳκίων θεῶν [1]).

Обратимся теперь къ собственной Греціи, слѣдуя въ томъ же направленіи, отъ востока къ западу. Въ Аттикѣ замѣтно нѣкоторое вліяніе культа Кавировъ на религіозныя вѣрованія въ димѣ Кефалѣ. Почитавшіеся тамъ Діоскуры носили эпитетъ μεγάλοι θεοί [2]), подобно тому какъ на Самоѳракіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они были почитаемы совмѣстно съ Кавирами. Но едва ли на основаніи этого факта можно утверждать, что въ Аттикѣ былъ установленъ культъ Кавировъ. Павсаній, говоря о храмѣ, находившемся на ἱερὰ ὁδός, въ которомъ стояли статуи Димитры, Персефоны, Аѳины и Аполлона, ни слова не упоминаетъ о томъ, чтобы тамъ были статуи Кавировъ [3]). Нельзя не замѣтить, что всѣ божества, о которыхъ говоритъ здѣсь Павсаній, стояли въ очень тѣсной связи съ самоѳракійской системой ученія о Кавирахъ и это могло послужить благопріятной почвой для присоединенія въ Аттикѣ новыхъ божествъ изъ той же системы—Діоскуровъ, но думать о внесеніи въ эту область культа самихъ Кавировъ нѣтъ никакихъ основаній.

Интересна связь миѳовъ дима Кефалы съ миѳами побережья Фокиды и Віотіи,—той области, гдѣ былъ установленъ культъ

[1]) Intelligenz.-Bl. zur allgem. Liter.-Zeit. 1844, S. 493.

[2]) Paus. I, 31, 1.

[3]) Paus. I, 37, 6.

Кавировъ. На связь между этими миѳами указываетъ I. Тепфферъ. Отмѣченные имъ факты интересны [1]).

Важно то, что нѣтъ указаній на общее почитаніе въ этихъ мѣстахъ Діоскуровъ, какъ великихъ боговъ. Всѣ эти факты говорятъ только о вліяніи мистерій Кавировъ на миѳы дима Кефалы, а не объ установленіи тамъ культа этихъ божествъ.

Подвигаясь все далѣе, мы переходимъ, минуя уже разсмотрѣнный культъ Кавировъ вблизи Ѳивъ, къ сѣверу, къ віотійскому городу Анѳидону, въ которомъ были, по словамъ Павсанія, святилища Димитры, Коры и Кавировъ [2]). Свидѣтельство Павсанія служитъ единственнымъ указаніемъ на существованіе культа Кавировъ въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ это извѣстіе остается совершенно одинокимъ, но нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ его справедливости, такъ какъ условія природы этой мѣстности представляли большое сходство съ тѣми мѣстами древней Греціи, гдѣ былъ установленъ культъ Кавировъ. Мѣстность, въ которой былъ расположенъ Анѳидонъ, гористая, подобно Самоѳракіи. Почва Анѳидона очень удобна для разведенія винограда, какъ на Лимносѣ и вблизи Ѳивъ [3]). Жители этого города были ѳракійскаго происхожденія — новая черта, связывавшая ихъ съ жителями Самоѳракіи [4]). Главный промыселъ ихъ былъ морской—добываніе пурпурныхъ улитокъ и губокъ. Отсюда естественно могла возникнуть потребность установленія культа боговъ, о которыхъ вѣрили, что они спасаютъ отъ гибели на морѣ [5]). Группируя тѣ черты въ культѣ анѳидонскихъ Кавировъ, какія намъ извѣстны, нельзя не замѣтить, что онѣ представляютъ болѣе сходства, болѣе общности съ культомъ самоѳракійскимъ, чѣмъ съ ближайшимъ къ нему ѳиванскимъ.

Подвигаясь далѣе къ западу, мы находимъ культъ Кавировъ

[1]) I. Toepffer, Attische Genealogie, Berl. 1889, 256, Anm. 5.

[2]) Paus. IX, 22, 5.

[3]) FHG II, 259, fr. 23: αὕτη δέ εὔοινος κτέ. Paus. IX, 22, 5 sqq. Athen. I, 31 B. Plut. Quaest. gr. 19.

[4]) Steph. Byz. Ἀνθηδών.

[5]) Амфиссейцы вели свой родъ отъ морскаго божества Главка. Strab. IX, 405.

въ западной Локридѣ, въ городѣ Амфиссѣ. Павсаній пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Амфиссейцы совершаютъ также мистеріи въ честь Анактовъ, называемыхъ дѣтьми. А что за боги Анакты-дѣти, относительно этого нѣтъ согласія. Одни утверждаютъ, что это Діоскуры, по другимъ—Куриты, а тѣ, которые думаютъ, что они знаютъ нѣсколько больше <другихъ>, говорятъ, что это Кавиры“ [1]). Эти слова указываютъ на неопредѣленность и неясность въ представленіи о тѣхъ божествахъ, которыхъ мистеріи были установлены въ Амфиссѣ, но такая неопредѣленность и неясность замѣчается вездѣ въ культѣ Кавировъ, поэтому можно съ полнымъ основаніемъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ „болѣе свѣдущихъ лицъ“, которыхъ имѣетъ въ виду Павсаній, говоря: „οἱ δὲ πλέον τι ἐπίστασθαι νομίζοντες“ итѣ.

Въ Пелопоннисѣ былъ очень распространенъ культъ божествъ, которыя стояли въ тѣсной связи съ Кавирами и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи были отожествляемы съ ними, культъ Діоскуровъ. Къ нимъ прилагался тотъ же эпитетъ, какой и къ Кавирамъ—μεγάλοι θεοί. „Великіе боги“ встрѣчаются въ одной надписи изъ Анданіи, въ которой изложенъ уставъ обрядовъ мистическаго торжества въ честь великихъ богинь. Г. Зауппе, объясняя эту надпись, высказалъ мнѣніе, что упоминаемые въ ней μεγάλοι θεοί—самоѳракійскіе Кавиры [2]). Но І. Тепфферъ признаетъ въ нихъ Діоскуровъ, культъ которыхъ, какъ извѣстно, охватилъ весь Пелопоннисъ. Онъ замѣчаетъ: Und woher weiss man denn ferner, das die in der Urkunde namhaft gemachten μεγάλοι θεοί die samothrakischen Kabiren gewesen sind? Die Inschrift selbst bietet für diese Annahme nicht die geringste Handhabe [3]). Съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться. Фактъ приложенія къ самоѳракійскимъ Кавирамъ эпитета „μεγάλοι θεοί“ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но было бы неосновательно полагать, что всѣ божества, къ которымъ присоединялся этотъ эпитетъ — Кавиры.

[1]) Paus. X, 38, 7.

[2]) H. Sauppe, Mysterieninschr. aus Andania, S. 44. Мнѣніе Зауппе принято О. Крузіусомъ, см. Ersch-Gruber, AE. XXXIII, 2, S. 24, и Ф. Ленорманномъ, Daremb.-Saglio, Dictionn. p. 768.

[3]) I. Töpffer, Att. Genealogie, S. 220.

Вотъ тѣ пункты древнегреческаго міра, въ которыхъ можно отмѣтить или установленіе культа Кавировъ, или вліяніе его на мѣстныя религіозныя вѣрованія. Обозрѣвая ихъ, нельзя не замѣтить, что культъ этотъ развивался и распространялся среди іонійскаго и эолійскаго племени,—въ особенности въ поселеніяхъ іонійскихъ. А что касается до племени дорійскаго, то нельзя указать съ увѣренностью ни одного города, принадлежавшаго этому племени, въ которомъ несомнѣнно существовалъ бы культъ Кавировъ. Это обстоятельство обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что у Дорійцевъ особенно широкое распространеніе получилъ культъ божествъ, стоявшихъ въ самой тѣсной связи съ Кавирами и даже отожествлявшихся съ ними — Діоскуровъ. Итакъ данныя для установленія культа Кавировъ у Дорянъ находились, но, не смотря на существованіе этого, такъ сказать, посредствующаго звена, мистеріи Кавировъ не были восприняты. Это имѣетъ свои причины и ихъ слѣдуетъ искать въ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ особенностяхъ дорійскаго племени. Со временемъ, когда изслѣдованіе религій отдѣльныхъ греческихъ племенъ станетъ на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ на какой оно находится въ настоящее время, быть можетъ, выяснятся и эти сокровенныя въ настоящее время причины.

Фактъ принадлежности культа Кавировъ іонійскому и эолійскому племенамъ, не отмѣченный еще до настоящаго времени, имѣетъ очень важное значеніе въ области изученія вѣрованій отдѣльныхъ греческихъ племенъ. Въ то же время онъ выясняетъ причину, почему миѳы о Кавирахъ представляютъ аналогію съ миѳами объ Аполлонѣ: не подлежитъ въ настоящее время никакому сомнѣнію, что Аполлонъ былъ божествомъ не іонійскаго только, а іонійскаго и эолическаго племенъ. Такимъ образомъ среда, въ которой развивались миѳы объ Аполлонѣ и Кавирахъ была общею, а отсюда должно было возникнуть сходство въ самомъ образованіи этихъ миѳовъ.

ГЛАВА VII.

Ученіе, излагавшееся въ мистеріяхъ Кавировъ.

Господство отрицательнаго направленія по вопросу объ ученіи, проводившемся въ этихъ мистеріяхъ. Лобекъ и его вліяніе. Указанія древнихъ авторовъ на ученіе, проводившееся въ мистеріяхъ Кавировъ. Мнѣнія западноевропейскихъ ученыхъ о сущности этого ученія. Шеллингъ. Крейцеръ. Швейггеръ. Содержаніе ученія, раскрывавшагося въ мистеріяхъ Кавировъ. Ученіе о божествѣ. Сходство между мистеріями Кавировъ и елевсинскими. Ученіе о человѣкѣ и природѣ. Время прекращенія культа Кавировъ. Остатки культа Діоскуровъ-Кавировъ въ современныхъ греческихъ суевѣріяхъ.

Остается разсмотрѣть важнѣйшую и самую темную сторону культа Кавировъ—проводившееся въ немъ ученіе. Здѣсь возникаетъ особенно много трудностей, такъ какъ ученіе мистическаго культа Кавировъ всего болѣе было облечено тайной. Кромѣ того тутъ приходится отступить отъ общепринятаго взгляда, что мистеріи древнихъ грековъ представляли только рядъ драматическихъ дѣйствій, что въ нихъ не открывалось никакого ученія, а извѣстно, какъ трудно колебать прочно установившіяся мнѣнія.

Излишне приводить здѣсь доказательства, высказанныя разными учеными въ разное время въ подтвержденіе того мнѣнія, что никакого ученія въ мистеріяхъ древнихъ грековъ не излагалось. Эти доказательства сгруппированы съ большой полнотой въ замѣчательномъ изслѣдованіи Лобека „Аглаофамъ“. Ни раньше, ни послѣ Лобека не было выдвинуто столько вѣскихъ доводовъ противъ изложенія въ мистеріяхъ особыхъ доктринъ. То, что высказывалось въ этомъ направленіи раньше его, было слабо, а что высказывалось послѣ, представляетъ или повтореніе мыслей Лобека, или только докторальныя приговоры мистическому ученію безъ необходимыхъ доказательствъ въ пользу его отрицанія. Отрицательное направленіе въ этой области постепенно крѣпло и въ настоящее время оно можетъ быть признано вполнѣ господствующимъ въ наукѣ. Доказательства того, что оно не имѣетъ подъ

собой прочныхъ основъ, приведены въ моемъ изслѣдованіи „Елевсинскія мистеріи“ [1]). Не находя необходимости повторять здѣсь свои доводы объ изложеніи ученія въ мистеріяхъ вообще, приступлю прямо къ рѣшенію частнаго вопроса о томъ, проводилось ли особое ученіе въ мистеріяхъ Кавировъ.

И этотъ вопросъ рѣшенъ Лобекомъ отрицательно. Онъ пишетъ: „какъ бы ни понимать двусмысленное слово λεγόμενα, оно не заставитъ насъ думать, что іерофанты толковали о началахъ вещей, о природѣ божества, о безсмертіи души и объ остальныхъ предметахъ, которые придумываютъ хвалители мистическаго ученія“ [2]). И тутъ, въ области ученія Кавировъ, слова Лобека пустили глубоко свои корни и мнѣніе, что сущность культа этихъ божествъ состояла въ торжественныхъ, величественныхъ обрядахъ, можетъ быть признано общепринятымъ въ настоящее время [3]). Но съ этимъ нельзя согласиться.

Прежде всего представимъ соображенія общаго характера. Культъ Кавировъ пользовался глубокимъ уваженіемъ не только среди Грековъ, но и среди другихъ народовъ древняго міра. Посвященіе въ самоѳракійскія мистеріи принимали лица македонскаго царствующаго дома, а во времена діадоховъ островъ Самоѳракія, на которомъ совершались мистеріи въ честь Кавировъ, былъ окруженъ величайшей заботой и вниманіемъ правителей. Впослѣдствіи, когда Греція была подчинена римскому владычеству, гордые побѣдители отправлялись на Самоѳракію, чтобы со смиренной мольбой преклониться тамъ предъ богами побѣжденнаго ими народа.

---

[1]) Н. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, стр. 153 слѣд.

[2]) Lobeck, Aglaoph. p. 1288.

[3]) Lenormant, Daremb.-Saglio, Dictionn. p. 765: Pas plus qu'à Éleusis et dans aucun mystère, il n'y avait dans les initiations de Samothrace de catéchèse ou d'enseignement dogmatique formel. C'était un ensamble de rites entourés d'un respect superstitieux et voilés aux profanes par la loi du secret le plus sévère, de cérémonies et de spectacles sacrés, accompagnés de paroles énigmatiques, dont l'intelligence du myste devait tirer le sans intime etc. Cf. G. Crüger, Theologumena Pausaniae, p. 65. E. Hesselmeyer, Pelasgerfrage, S. 146.

Такимъ образомъ культъ Кавировъ былъ окруженъ почетомъ и глубокимъ уваженіемъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Возможно ли допустить, чтобы люди въ теченіе такого продолжительнаго времени благоговѣли предъ одними только драматическими представленіями изъ жизни боговъ и героевъ, какъ бы величественны и роскошны ни были эти представленія? Если бы въ мистеріяхъ вся сущность сводилась только къ одной обрядовой сторонѣ и не было бы въ нихъ никакого особаго ученія, то спустя самое короткое время древніе Греки стали бы смотрѣть на нихъ только какъ на театральныя представленія,—тѣмъ болѣе, что сюжетами греческихъ трагедій обыкновенно служили миѳы о различныхъ герояхъ и нерѣдко въ нихъ являлись на сцену боги. Но такъ какъ Греки никогда не смотрѣли на мистеріи, совершавшіяся въ честь Кавировъ, какъ на театральныя представленія, то явно, что была въ нихъ особая черта, отличавшая ихъ отъ обычныхъ драмъ, а такой чертой могло быть только проводившееся въ нихъ ученіе. Такимъ образомъ даже если бы не было никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, что въ этихъ мистеріяхъ излагалось особое ученіе, его должно было бы предполагать на основаніи общаго характера отношенія къ нимъ древняго міра. Но къ этимъ соображеніямъ можно присоединить опредѣленныя указанія древнихъ авторовъ.

Діодоръ, сообщивъ въ краткихъ чертахъ миѳы, касающіеся установленія мистерій Кавировъ, и миѳы о герояхъ, культъ которыхъ былъ соединенъ съ культомъ этихъ боговъ, отказывается изложить ихъ въ подробностяхъ и заявляетъ: καὶ τὰ μὲν κατὰ μέρος τῆς τελετῆς ἐν ἀπορρήτοις τηρούμενα μόνοις παραδίδοται τοῖς μυηθεῖσιν[1]). Въ этихъ словахъ заключается прямое и ясное указаніе на то, что посвященнымъ въ мистеріи Кавировъ сообщались во время драматическихъ представленій особыя свѣдѣнія, особые „священные разсказы“, стоявшіе въ связи съ мистическимъ ученіемъ объ этихъ божествахъ и составлявшіе единую съ нимъ цѣлую систему.

Стравонъ, приведя указаніе на то, что Кавировъ отожествля-

[1]) Diod. V, 49, 5.

ли съ Куритами, Корибантами, Идейскими Дактилями и замѣтивъ, что самоѳракійскія и лимносскія мистеріи представляютъ между собой сходство, заявляетъ: ἔστι μὲν οὖν θεολογικὸς πᾶς ὁ τοιοῦτος τρόπος τῆς ἐπισκέψεως καὶ οὐκ ἀλλότριος τῆς τοῦ φιλοσόφου θεωρίας[1]). Эти слова имѣютъ важное значеніе; они указываютъ не только на изложеніе мистическаго ученія, но и на присутствіе философскаго элемента въ доктринахъ культа Кавировъ.

Еще опредѣленнѣе и яснѣе указываютъ на фактъ сообщенія особаго ученія въ мистеріяхъ Кавировъ слова Ямвлиха, который сообщаетъ о Пиѳагорѣ: ἔτι δέ φασι καὶ σύνθετον αὐτὸν ποιῆσαι τὴν θείαν φιλοσοφίαν καὶ θεραπείαν, ἃ μὲν μαθόντα παρὰ τῶν Ὀρφικῶν, ἃ δὲ παρὰ τῆς τελετῆς τῆς ἐν Ἐλευσῖνι γινομένης, ἐν Ἴμβρῳ τε καὶ Σαμοθράκῃ καὶ Δήλῳ κτέ[2]).

Въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу не имѣетъ никакого значенія, дѣйствительно ли Пиѳагоръ заимствовалъ нѣкоторыя основы своего ученія изъ того, что сообщалось во время мистерій въ Елевсинѣ, на Самоѳракіи, Имвросѣ и Дилосѣ, или это позднѣйшая выдумка, но важно само указаніе на это обстоятельство. Подобный разсказъ не могъ бы сложиться, если бы на Самоѳракіи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ установился культъ Кавировъ, не проводилось никакого ученія. Возможно ли было бы говорить о заимствованіи изъ такого источника, изъ котораго нельзя было бы ничего заимствовать по той простой причинѣ, что нечего было заимствовать?

Діодоръ, указывающій на сообщеніе въ мистеріяхъ Кавировъ особаго ученія, говоритъ при этомъ также о высокомъ вліяніи этихъ мистерій на подъемъ нравственнаго уровня лицъ, принявшихъ въ нихъ посвященіе[3]). Неужели однѣ величественныя драмы, какое бы глубокое и потрясающее дѣйствіе ни производили онѣ на мистовъ, могли вліять на возвышеніе нравственнаго ихъ уровня?

[1]) Strab. X, 466.
[2]) Iambl. Vita Pythag. c. 28 p. 151.
[3]) Diod. V, 49, 6. Cf. Schol. Arist. Pac. v. 278.

Приведенныя нами указанія древнихъ авторовъ относительно того, что въ мистеріяхъ Кавировъ излагалось особое ученіе, правда, немногочисленны, но это не можетъ возбуждать недовѣрія къ данному факту. Напротивъ, самая немногочисленность ихъ, самый характеръ этихъ свидѣтельствъ, высказанныхъ какъ бы мимоходомъ, совершенно случайно, подкрѣпляетъ довѣріе къ нимъ. Нѣтъ надобности много говорить о томъ, что всѣмъ извѣстно. Только о спорныхъ, вызывающихъ сомнѣніе вопросахъ много толкуютъ и спорятъ.

Многія явленія древнегреческой жизни остаются намъ неизвѣстными только потому, что это были явленія обыденныя, часто происходившія.

Представленныхъ нами доводовъ, кажется, достаточно для подтвержденія мысли о томъ, что въ мистеріяхъ Кавировъ излагалось особое ученіе. Нельзя требовать оффиціальныхъ удостовѣреній въ этомъ, не могли же древніе Греки имѣть въ виду современное отрицательное направленіе по вопросу объ ученіи, проводившемся въ мистеріяхъ. Впрочемъ, благодаря случайности, мы имѣемъ если не подлинное документальное удостовѣреніе въ томъ, что въ мистеріяхъ Кавировъ проводилось опредѣленное ученіе, то несомнѣнное указаніе на таковое удостовѣреніе. Это постановленіе Аѳинянъ о преданіи казни Діагора милосскаго за то, что онъ разглашалъ тайны мистерій Кавировъ. Если бы въ этихъ мистеріяхъ не проводилось никакого ученія, то возможно ли было бы появленіе подобнаго постановленія? Для кого требовался такой странный обманъ и какой цѣли онъ могъ служить? Въ виду этого факта съ особенной силой выступаетъ невѣрность высказанной недавно Е. Гессельмайеромъ мысли: „vielmehr hat man deshalb nichts ausgesagt und nichts verheimlicht, weil es nichts zu verheimlichen gab“ [1]). А къ такой мысли сводятся, можно сказать, всѣ мнѣнія современныхъ западно-европейскихъ ученыхъ относительно вопроса объ ученіи мистерій вообще и мистерій Кавировъ въ частности.

---

[1]) E. Hesselmeyer, Die Pelasgerfrage, S. 146.

Въ виду выше приведенныхъ фактовъ нельзя ли съ полной увѣренностью сказать, что въ мистеріяхъ Кавировъ сообщалось посвященнымъ особое ученіе, что въ немъ состояла сущность ихъ, а не въ драматическихъ представленіяхъ и въ величественныхъ религіозныхъ обрядахъ?

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, въ чемъ состояло это ученіе. Начнемъ съ разсмотрѣнія мнѣній западно-европейскихъ ученыхъ. Такъ какъ основой этого ученія было ученіе о Кавирахъ, то и всѣ попытки новѣйшихъ изслѣдователей были направлены главнымъ образомъ на вопросъ о томъ, какія идеи проводились подъ образами этихъ божествъ.

Начало анализа идей, раскрывавшихся въ религіозной системѣ Кавировъ, положилъ В. Шеллингъ. Онъ видитъ въ системѣ самоѳракійскихъ боговъ рядъ существъ, постепенно переходящій отъ „низшихъ, міровыхъ“ божествъ къ высшимъ и заканчивающійся въ верховномъ, надмірномъ богѣ. Этотъ рядъ представляется у Шеллинга въ слѣдующемъ порядкѣ. Самое низшее божество—Димитра, голодъ, стремленіе (Hunger, Sucht); она есть первое, самое отдаленное начало всего дѣйствительнаго бытія. Ближайшее къ Димитрѣ существо—Персефона, начало видимой природы; затѣмъ—Діонисъ, владыка духовнаго міра. „Надъ природой и духовнымъ міромъ“ стоитъ божество, связывающее ихъ съ надмірнымъ существомъ и между собой — Кадмилъ или Ермій. А выше всего міра находится Димiургъ [1]).

Создавая эту систему, Шеллингъ исходилъ отъ той самоѳракійской тріады, о которой сообщаетъ Мнасей патарскій, но такъ какъ она не представляетъ данныхъ для построенія такого ряда божествъ, — Кадмилъ присоединяется къ ней Діонисодоромъ, а верховнаго надмірнаго существа тутъ совсѣмъ нѣтъ, — то Шеллингъ считаетъ „естественнымъ“ продолжить рядъ существъ, пре-

---

[1]) Schelling, Ueber die Gottheit. v. Samothr. S. 27 f. Сравн. выше, стр. 7 и 37. Далѣе, на стр. 39, Шеллингъ возводитъ эту цѣпь даже къ семи божественнымъ существамъ, не устанавливая согласія между обоими рядами.

рывающійся, по его мнѣнію, у схоліастовъ, присоединивъ къ нему остатки, которые, какъ онъ думаетъ, находятся среди „развалинъ“ (Trümmer) финикійскихъ космогоній[1]). Уже сами эти основы говорятъ противъ вывода Шеллинга. Соотвѣтствіе Димитры, Персефоны и Діониса самоѳракійскимъ Кавирамъ не можетъ считаться вѣрнымъ (см. выше, стр. 51 слѣд.), а построеніе недостающихъ частей въ ученіи о Кавирахъ по аналогіи съ финикійскими космогоніями могло бы считаться правдоподобнымъ только при условіи заимствованія Греками культа Кавировъ отъ Финикіянъ, а это заимствованіе не можетъ быть вполнѣ доказано (см. выше, стр. 38 слѣд.). Такимъ образомъ ясно, что система Шеллинга представляетъ не дѣйствительныя вѣрованія Грековъ, а величественное созданіе фантазіи нѣмецкаго ученаго. Но лучше наивная простота, чѣмъ величіе, несоотвѣтствующее дѣйствительности.

Дальнѣйшую попытку разъяснить основы ученія о Кавирахъ представилъ Крейцеръ[2]). По его мнѣнію самоѳракійская тріада представляетъ собою „высокія космогоническія силы, а въ цѣломъ это символическая догма о міровой гармоніи“. Аксіеръ, котораго Крейцеръ отожествляетъ съ Ифестомъ, „есть первая сила, первое дыханіе, изъ котораго произошло творящее міръ двойство. Онъ отецъ величайшихъ боговъ, поэтому и Кавиры (а самъ Аксіеръ не Кавиръ?) могутъ также называться Ифестами, на что сохранились указанія у Грековъ“[3]). Что касается до Аксіокерса и Аксіокерсы, которыхъ Крейцеръ отожествляетъ съ Ареемъ и Афродитой, то о нихъ онъ пишетъ слѣдующее. „Самоѳракійское ученіе представляетъ Аксіокерсу супругой Аксіокерса. Это представленіе сохраняется въ древнихъ памятникахъ искусства. На нихъ всегда изображались совмѣстно Арей и Афродита какъ въ храмахъ, такъ и при лектистерніяхъ. Эти божества, сочетавшись, произвели Армонію: борьба и единеніе, сочетавшись, создаютъ міровой порядокъ. Ту же мысль провелъ Емпедоклъ въ своемъ ученіи о νεῖκος и φιλία. И то, что іонецъ Ираклитъ высказалъ

[1]) Schelling, Ueber die Gotth. v. Samothr. S. 82.
[2]) Creuzer, Symbolik, II², 322 ff.
[3]) Тутъ Крейцеръ ссылается на Фотія, см. Κάβειροι.

въ своемъ положеніи „борьба—мать всѣхъ вещей“, выражено въ данной самоѳракійской ѳеомиѳіи. Эта идея перешла затѣмъ въ орфическую теологію, а отсюда ее заимствовали тѣ философы, которые насадили ее въ самыхъ позднихъ школахъ, какъ указываютъ многія мѣста Плутарха, Ираклита и Прокла“[1]).

Относительно Кадмила Крейцеръ пишетъ: „Въ актѣ проявленія дѣятельности великихъ боговъ и произведенія ими мірового порядка, Армоніи, проявляетъ свою дѣятельность четвертое лицо Кадмилъ какъ сила служебная“[2]). Въ Кадмилѣ Крейцеръ усматриваетъ олицетвореніе разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественнаго слугу (natürlichen Diener) творящаго бога. Свои объясненія Крейцеръ подтверждаетъ аналогичными примѣрами изъ религіи Египтянъ и Финикіянъ.

Представленное Крейцеромъ выясненіе тѣхъ идей, которыя проводились въ образахъ Кавировъ, носитъ характеръ строго обдуманной философской системы. Имѣетъ глубокій смыслъ ученіе о міровой гармоніи и много величія придавала бы ему та обстановка, при которой оно сообщалось, если бы оно дѣйствительно сообщалось въ глуби мистическихъ святилищъ еллинскихъ Кавировъ. Но, приписавъ Самоѳракіи эту величественную философскую систему, Крейцеръ упустилъ изъ виду, что, сводя всю сущность ученія мистерій къ міровой гармоніи, онъ придалъ основное значеніе не самимъ Кавирамъ, а соединенной съ ними героинѣ Армоніи, перенеся такимъ образомъ центръ ученія съ основныхъ, главныхъ божествъ на второстепенное. Это обстоятельство подрываетъ довѣріе къ объясненію Крейцера, такъ какъ невозможно допустить, чтобы сущность ученія выражалась въ идеѣ, соединенной съ второстепеннымъ божествомъ, а не съ главными. Кромѣ того его объясненіе страдаетъ сильными натяжками. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Крейцеръ объ Аресѣ и Афродитѣ: „in ihrer Umarmung erzeugten <Mars und Venus> die Harmonia“[3]), но нѣтъ никакихъ основаній считать

[1]) Creuzer, Symbolick, II², 324.
[2]) Creuzer, Symbolick, II² 324.
[3]) Creuzer, l. c.

Армонію дочерью Аксіера и Аксіокерсы въ силу сомнительный синкрасіи ихъ съ Ареемъ и Афродитой. Ни въ самоѳракійскихъ, ни въ какихъ другихъ миѳахъ нѣтъ и намека на то, что Армонія считалась дочерью Аксіера и Аксіокерсы. Наконецъ, довѣріе къ выводамъ Крейцера не подкрѣпляется, а, напротивъ, совершенно подрывается указаніемъ его на то, что идеи, признанныя имъ за основы мистическаго ученія культа Кавировъ, встрѣчаются у Емпедокла, Ираклита и у другихъ философовъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то всѣ эти философы подверглись бы преслѣдованію за разглашеніе тайны мистерій, подобно тому какъ подвергся гоненію Діагоръ милосскій, какъ подвергся ему Эсхилъ, когда въ нѣкоторыхъ его трагедіяхъ Аѳиняне нашли намеки на ученіе мистерій Димитры [1]). Но о преслѣдованіи Емпедокла, Ираклита и другихъ философовъ за раскрытіе мистическаго ученія Кавировъ древніе авторы не упоминаютъ ни слова. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что мнѣніе Крейцера о проводившемся въ мистеріяхъ Кавировъ ученіи ошибочно.

Далѣе являются труды Швейггера, въ которыхъ впервые проведена оригинальная мысль, что основой мистерій Кавировъ служило ученіе о проявленіи электрическихъ силъ, перешедшее въ самоѳракійскую систему какъ наслѣдіе отъ временъ значительно предшествовавшихъ установленію этихъ мистерій [2]). Швейггеръ смотритъ на свое открытіе съ большою гордостью и придаетъ ему громадное значеніе. Онъ пишетъ: „При взглядѣ на скульптурные и литературные образы Діоскуровъ и Кавировъ, представляется поразительнымъ тотъ фактъ, что іероглифы, которые въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій были непонятны, теперь опять съ легкостью могутъ быть прочитаны каждымъ, кто имѣетъ потребныя къ тому познанія въ физикѣ. Ключъ къ этимъ іероглифамъ былъ скрытъ въ глуби природы, и мы должны были найти его, какъ только при изслѣдованіи природы достигли до этой глуби“ [3]).

[1]) Aristot. Eth. Nic. III, 2. Cf. Schol. ad l. c. Aelian. V. H. V, 19.

[2]) I. S. C. Schweigger, Ueber die älteste Physik, Nürnb. 1821; Einleitung in die Mythologie, Halle, 1836, S. 180—285; Ueber naturwissensch. Mysterien, Halle, 1843.

[3]) Schweigger, Ueber die älteste Physik, S. 73.

Держась такой точки зрѣнія, Швейггеръ объясняетъ главнѣйшіе пункты ученія Кавировъ, начиная съ миѳовъ объ его установленіи. Сопоставляя разнорѣчивые миѳы объ установленіи культа Кавировъ—въ Віотіи Димитрой, а на Самоѳракіи Зевсомъ,—Швейггеръ примиряетъ это разногласіе слѣдующимъ образомъ. „Для насъ, когда мы признали, что остатки древняго ученія объ электричествѣ лежали въ основѣ мистерій Кавировъ, вполнѣ понятно, какъ учредителями ихъ могли совмѣстно называться Зевсъ и Димитра: небо и земля имѣютъ одинаковое вліяніе на электрическія силы“ [1]). Затѣмъ Швейггеръ, придерживаясь той же точки зрѣнія, объясняетъ значеніе миѳовъ о Кавирахъ. Дальнѣйшія его разсужденія я приведу для точности въ подлинныхъ словахъ. Коснувшись 39 орфическаго гимна, въ которомъ воспѣвается Коривантъ, Швейггеръ, пишетъ: „Dass aber in dem darauffolgenden 39-sten Hymnos (выше онъ говорилъ о содержаніи 38 гимна) das aus Vereinigung oder aus dem Tode der beiden Electricitäten hervorgehende Feuer besungen werde, d. h. Axieros, oder der ägyptische Phthas, von dessen Doppelnatur schon vorhin die Rede war, solches wird sich nun dem Leser dieses Hymnos unmittelbar darstellen. Nur Einiges brauchen wir zu diesem Zwecke hervorzuheben. Der Dichter nennt den gefeierten Gott „den grössten König der ewigen Erde, den gewaltigen, unanschaubaren“; und unmittelbar darauf den „nächtlichen (d. h. in der Nacht des Sturms erscheinenden) Kureten“ (Cabir), den „Besänftiger wilder Furcht, Vertreiber von Schreckbildern, den die Wüste (des Meeres) durchirrenden Korybanten“. Noch sprechender ist es, dass er ihn gleich darauf als einen „Gott von Doppelnatur“ (θεὸν διφυῆ) bezeichnet. Offenbar also ist der mannweibliche Phthas gemeint, welcher nach Herodot der Vater der Cabiren (!), der aber auch in anderer Beziehung, insofern er selbst mitunter die Cabiren gezählt wird, als Bruder derselben betrachtet werden kann“ [2]).

[1]) Schweigger, Ueber die ält. Physik, S. 62 f.

[2]) Schweigger, Ueber die ält. Physik, S. 64 f.

Кажется, совершенно излишне отмѣчать здѣсь цѣлый рядъ несообразностей, совершенно произвольныхъ толкованій и смѣшенія образовъ—или, вѣрнѣе, именъ, такъ какъ относительно образовъ Швейггеръ, очевидно, имѣлъ самое смутное представленіе — египетскихъ божествъ съ греческими. Нужны ли здѣсь опроверженія? Но послушаемъ далѣе его объясненія, почему къ Кориванту прилагается эпитетъ αἱμαχθείς. „Und nun wird mit einmal der allen Interpreten ganz unerklärlich scheinende 6-te Vers des Hymnos deutlich, wo dieser Gott (in Beziehung nämlich auf die Farbe der Glut) ein purpurrother, ein von den Zwillingsbrüdern blutig gemachter genannt wird. Die physikalische Wahrheit — liegt in jenen Worten, dass Vereinigung beider Elektricitäten rothe Feuerglut hervorbringe. Daraus entstand denn auch das purpurne Oberkleid der beiden Dioskuren und der Gebrauch der Purpurbinde bei der Einweihung in die samothracischen Geheimnisse. Ein späteres Misverständniss der ursprünglichen Bedeutung der Sache veranlasste die Fabel bei den Hetruskern von zwei Cabiren, welche den Bruder erschlugen" [1]). Нельзя не замѣтить здѣсь несоотвѣтствія между миѳическими образами и тѣмъ значеніемъ, какое придаетъ имъ Швейггеръ. Два Кориванта лишаютъ жизни своего брата, и онъ является въ миѳѣ „залитымъ кровью", мертвымъ, а между тѣмъ Швейггеръ говоритъ о произведеніи, о жизни, о началѣ новаго явленія. Кромѣ того тутъ та несообразность, что Швейггеръ, слишкомъ расширивъ границы своей основной идеи, указываетъ проявленіе силы электричества не только въ самихъ Кавирахъ, но и въ приписывавшихся имъ атрибутахъ, въ красной одеждѣ Діоскуровъ, въ пурпуровыхъ повязкахъ посвященныхъ въ самоѳракійскія мистеріи. Что бы онъ сказалъ о красной одеждѣ елевсинскихъ іерофантовъ?

Останавливаться на критическомъ разборѣ всѣхъ домысловъ Швейггера было бы совершенно безполезно. Достаточно будетъ привести еще только одинъ, самый важный. О значеніи трехъ Кавировъ Швейггеръ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ ор-

[1]) Schweigger, Ueber die ält. Phys. S. 65.

фическомъ гимнѣ говорится, что первоначально были три Кавира, т. е. два электричества, которыя въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ вполнѣ правильно обозначались какъ мужеское и женское (какъ Аксіокерсъ и Аксіокерса), и возникающій отсюда мужеско-женскій огонь, Фта, богъ двойной природы (θεὸς διφυής), обозначавшійся въ самоѳракійскомъ мистическомъ ученіи какъ Аксіеръ. Нѣтъ надобности указывать физикамъ, что не представляется никакого противорѣчія, но, напротивъ, въ отношеніи главной идеи мистерій полно глубокаго смысла и физически вѣрно, если въ одномъ отношеніи названо отцемъ Кавировъ то существо, которое съ другой точки зрѣнія является какъ умершій ихъ братъ" [1]).

Но прежде чѣмъ объяснять фактъ, нужно его установить вполнѣ точно, въ противномъ случаѣ объясненіе, хотя бы и вполнѣ правильное, будетъ фикціей уже потому, что оно основано на фикціи, а въ данномъ случаѣ Швейггеръ не позаботился объ установленіи фактически прочной основы. Его объясненія относятся къ созданіямъ его богатой фантазіи. Ни въ какомъ орфическомъ гимнѣ не говорится, что первоначально было три Кавира. Нигдѣ не указано, чтобы Аксіеръ былъ отцемъ Кавировъ. Далѣе, въ той тріадѣ, которая представляетъ Кавировъ, убившихъ своего третьяго брата, указываются только мужскія, однородныя существа, слѣдовательно, если примѣнять точку зрѣнія самого Швейггера, только одно какое-нибудь электричество, а не два. Въ концѣ концовъ нельзя не замѣтить, что Швейггеръ допустилъ странную несообразность, признавая Аксіера отцомъ Кавировъ и видя въ немъ въ то же время „возникающій изъ Кавировъ мужеско-женскій огонь!"

Изъ разсмотрѣнія важнѣйшихъ частей сочиненія Швейггера ставится яснымъ, что его толкованія не отличаются ни логической послѣдовательностью, ни ясностью, а главный недостатокъ его теоріи, совершенно подрывающій ея значеніе, состоитъ въ томъ, что она не основана на точныхъ фактахъ [2]).

[1]) Schweigger, Ueber die ält. Phys. S. 66.

[2]) Взгляды Швейггера имѣли однако своихъ послѣдователей. См. Barth, Die Kabiren in Teutschland, S. 328. Journal des sav. 1837, p. 700—703.

Не останавливаясь на критическомъ разсмотрѣніи цѣлаго ряда различныхъ мнѣній о сущности проводившагося въ мистеріяхъ Кавировъ ученія[1]),—мнѣній, болѣе своеобразныхъ, чѣмъ основательныхъ, остановимся на взглядахъ Нейгайзера. Нейгайзеръ разсмотрѣлъ данный вопросъ шире, чѣмъ предшествовавшіе изслѣдователи. Онъ не ограничился опредѣленіемъ тѣхъ идей, какія проводились въ ученіи о Кавирахъ, но коснулся также и тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя составляли своеобразное содержаніе этого ученія.

Указавъ на присутствіе идеи о безсмертіи души въ мистеріяхъ Кавировъ[2]), Нейгайзеръ отличаетъ въ связи съ этимъ особое

---

[1]) Не считая нужнымъ помѣщать въ текстѣ мнѣніе Фуртвенглера относительно тѣхъ идей, какія выражались въ ученіи о Кавирахъ, такъ какъ оно не основано на сообщаемыхъ древними Греками данныхъ, все-таки не лишнимъ нахожу привести его здѣсь для полноты обозрѣнія различныхъ мнѣній по этому вопросу. Furtwängler, Idee des Todes, S. 385 f. пишетъ: Eine Urgottheit steht an der Spitze des Ganzes... Ein Allgot, dessen sein in der Dyas, dessen werden in der Trias sich offenbart und dessen Offenbarungen wieder zu ebenso vielen Persönlichkeiten sich gestalten—zu den Dyaden und Triaden von Göttern, die, wie Alles, was ist und im ewigen Kreislauf der Zeiten wird, in ihm selbst ihren Ursprung und ihre Einheit haben. Въ русской литературѣ есть маленькая замѣтка о тѣхъ идеяхъ, какія проводились въ мистеріяхъ Кавировъ, въ сочиненіи князя С. Трубецкого „Метафизика въ древней Греціи“, стр. 505—508. Объясненіе значенія Мнасеевыхъ Кавировъ страдаетъ у Трубецкого нѣкоторой темнотой. Приведу здѣсь подлинныя слова кн. Трубецкого. „Мы склонны предполагать въ этой четверицѣ нѣсколько иное значеніе. Аксіокерса—Персефона есть несомнѣнно богиня мистическаго типа; Керсосъ, сближаемый съ Аидомъ, очевидно, хтоническій богъ. Что же касается до Эроса, то хотя этотъ демонъ и соединяется съ матерью-землею и оплодотворяетъ ее, но имѣетъ самостоятельное значеніе на ряду съ нею. Въ бэотійской Ѳеспіи Эросъ чтился болѣе всѣхъ боговъ. Такимъ образомъ эти три бога—Эросъ, Гермесъ-Аидъ (Керсосъ) и Гермесъ-Кадмиллъ суть три типа одного и того же фаллическаго демона, скотья бога Пеласговъ, а богиня Аксіокерса неопредѣленная форма древней нимфы“.

[2]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 134.

значеніе въ нихъ Ермія. Указаніе на характеръ природы Ермія въ мистеріяхъ Нейгайзеръ усматриваетъ въ одномъ фрагментѣ Пиѳагора, который сохраненъ Діогеномъ Лаертіемъ[1]). Въ этомъ фрагментѣ Ермій называется ταμίας ψυχῶν—распредѣлителемъ душъ. А распредѣляются онѣ на чистыя и нечистыя. Чистыя души направляются къ всевышнему (ἐπὶ τὸν ὕψιστον), нечистыя не приближаются къ нимъ и не вступаютъ во взаимныя сношенія между собою, но находятся въ несокрушимыхъ узахъ, въ которыя заключили ихъ Ериніи. Изъ этихъ словъ Нейгайзеръ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ мистеріяхъ Кавировъ излагалось, между прочимъ, ученіе о „природѣ грѣха и добродѣтели“. Для опредѣленія того, что сообщалось тамъ по этимъ вопросамъ, онъ разбираетъ миѳъ о Промиѳеѣ, имѣвшій связь съ миѳами о Кавирахъ, въ той формѣ, въ какой онъ изложенъ у Эсхила, и выдѣляетъ отличительныя черты этого миѳа въ изложеніи Эсхиловомъ[2]). Сущность Эсхилова разсказа о Промиѳеѣ Нейгайзеръ видитъ въ томъ, что онъ, „презрѣвъ верховную власть Зевса, пытался отнять у божества и дать людямъ то, что принадлежитъ только ему одному. Этимъ онъ вызвалъ гнѣвъ бога и сталъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій какъ для себя самого, такъ и для всего человѣческаго рода“[3]). Въ этихъ данныхъ Нейгайзеръ усматриваетъ тотъ смыслъ, что грѣхъ, по ученію мистерій Кавировъ, состоитъ „въ отвращеніи воли отъ бога, которая, не признавая значенія божества, желаетъ занять его мѣсто и старается сущность всѣхъ вещей свести къ закону и порядку“[4]). Это преступное стремленіе, тщетное и неисполнимое въ силу тѣхъ условій, въ какія поставлено человѣче-

---

[1]) Diog. L. VIII, 31.

[2]) Нейгайзеръ основывается на миѳѣ о Промиѳеѣ въ изложеніи Эсхиловомъ въ томъ убѣжденіи, что Эсхилъ заимствовалъ тѣ черты миѳа, которыя представляютъ отличіе отъ Исіодовыхъ, миѳовъ о Промиѳеѣ, у Лимносцевъ, а у нихъ культъ Кавировъ особенно тѣсно былъ связанъ съ миѳами о Промиѳеѣ. Cadmilus, p. 143.

[3]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 145.

[4]) Я удерживаю въ переводѣ ту неясность и темноту мысли, какою отличаются здѣсь слова Нейгайзера въ подлинникѣ.

ство, оскорбляетъ божество и вызываетъ его кару. Такимъ образомъ грѣхъ становится причиной всѣхъ бѣдствій, какія существуютъ въ мірѣ. А для помилованія согрѣшившаго и умилостивленія божества необходимо божественное существо, которое подверглось бы за него мученіямъ". Sententia admodum gravis, замѣчаетъ Нейгайзеръ, ac memorabilis, quae proxime ad religionis christianae doctrinam deique veritatem accedere videtur [1]). Затѣмъ, продолжаетъ Нейгайзеръ, необходимо, чтобы согрѣшившій самъ сознался въ своемъ грѣхѣ и, измѣнивъ свой характеръ, всего себя приложилъ къ волѣ божественной. Въ связи съ этимъ требованіемъ Нейгайзеръ ставитъ учрежденіе обряда покаянія въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ.

Вотъ тѣ основныя понятія о грѣхѣ и добродѣтели, которыя, по мнѣнію Нейгайзера, излагались въ мистеріяхъ Кавировъ. Нейгайзеръ касается и вопроса о значеніи посвященія. Значеніе его состояло, по мнѣнію этого ученаго, въ вѣрованіи, что мисты черезъ посвященіе и участіе въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ соединяются тѣсной связью съ божествомъ и какъ бы вступаютъ въ союзъ съ нимъ [2]). Нейгайзеръ приводитъ слова Еврипида, подтверждающія его мысль [3]). Приводитъ онъ и цѣлый рядъ различныхъ соображеній въ доказательство основательности своего мнѣнія. Онъ указываетъ на то, что вѣра въ свѣтлую будущность за гробомъ посвященныхъ могла основываться только на вѣрѣ въ тѣсное соединеніе съ божествомъ чрезъ посвященіе и участіе въ совершеніи мистерій. Развѣ эта вѣра могла утверждаться только на томъ, что мистамъ сообщалось ученіе о безсмертіи души?— пишетъ Нейгайзеръ. Развѣ они могли вѣрить, что воспріятіе этого ученія сдѣлаетъ ихъ счастливыми? Неужели предвѣдѣніе будущаго счастья составляетъ условіе его полученія? Если вѣра въ значеніе мистерій не лишена всякаго значенія, не была тщетной

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 146.

[2]) Мысль эта была высказана раньше Нейгайзера Шеллингомъ (См. Schelling, Ueber d. Gotth. von Samothr. S. 40), но Нейгайзеръ на это не указываетъ.

[3]) Eurip. Bacch. 73 sq.

и смѣшной, то должно было существовать нѣчто кромѣ этого познанія, что укрѣпляло бы вѣру мистовъ. Должна была существовать нѣкоторая связь между ими и предметомъ надежды. А какимъ образомъ могла устанавливаться эта связь, какъ не при помощи союза съ тѣми богами, во власти которыхъ, по ихъ вѣрованіямъ, былъ міръ подземный [1])?

Вотъ существенныя черты мистерій Кавировъ по мнѣнію Нейгайзера. Общая мысль его о значеніи мистерій, какъ религіознаго установленія, въ которомъ чрезъ посвященіе и участіе въ священнодѣйствіяхъ утверждалась, по вѣрованіямъ Грековъ, связь между человѣкомъ и божествомъ, обоснована прочно и едва ли возможно съ нимъ не согласиться. Не менѣе основательны его мнѣнія касательно ученія о загробной жизни и природѣ грѣха и добродѣтели. Но обзоръ существенныхъ чертъ мистерій Кавировъ, представленный Нейгайзеромъ, отличается несистематичностью, неполнотой и наивной вѣрой въ то, что, указывая на черты экзотерическаго ученія, онъ говоритъ объ ученіи эзотерическомъ, сокровенномъ.

Послѣ Нейгайзера вопросъ объ ученіи, проводившемся въ мистеріяхъ Кавировъ, не подвергался строго научному обсужденію,—нельзя же считать таковымъ неосновательные и курьезные домыслы д'Оржэ. Послѣ Нейгайзера выступаетъ съ особой силою отрицательное направленіе въ отношеніи къ ученію мистерій и даже самая постановка этого вопроса рѣдко выдвигается на очередь.

Пора и мнѣ сказать свое слово объ ученіи, проводившемся въ мистеріяхъ Кавировъ.

Въ мистеріяхъ этихъ излагалось особое ученіе о богѣ, о человѣкѣ и о природѣ. Вотъ три руководительныхъ пункта, опредѣляющихъ, на что должно быть обращено вниманіе при рѣшеніи этого вопроса.

Не можетъ возникать никакого сомнѣнія въ томъ, что въ мистеріяхъ Кавировъ проводилось особое ученіе о божествѣ. На этотъ фактъ прямо указываютъ слова Цицерона, который говоритъ, что въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ болѣе познается сущ-

[1]) Neuhäuser, Cadmilus, p. 124 sq.

ность природы, чѣмъ боговъ[1]). Смыслъ этихъ словъ, повидимому, тотъ, что мисты получали свѣдѣнія и о сущности божества, но не могли познать ее такъ ясно, какъ можно познать видимый міръ, доступный внѣшнимъ чувствамъ.

Основу ученія о божествѣ составляли боги свѣта — Кавиры. Эта черта сохранялась въ нихъ только на первоначальной ступени развитія ихъ культа; затѣмъ изъ нея стали развиваться другія черты, выступая съ большей или меньшей силой въ различныхъ областяхъ подъ вліяніемъ различій природы той или другой мѣстности. Въ областяхъ вулканическихъ съ особою силою выступала идея объ огнѣ, а въ мѣстахъ удобныхъ для разведенія винограда и хлѣба явственнѣе обнаруживались черты аграрныя и черты, приписывавшіяся божествамъ винодѣлія. Но такъ какъ проявленіе божественнаго могущества не ограничивается только природою, но простирается и на судьбы человѣка, то Кавировъ признавали также спасителями отъ житейскихъ бѣдствій и отъ гибели на морѣ. Подъ вліяніемъ глубокаго почитанія этихъ божествъ зародился страхъ предъ ихъ грозной карой.

Ученіе о Кавирахъ было заимствовано Греками только въ основныхъ чертахъ. Его развитіе совершалось уже на греческой почвѣ, а, развиваясь, оно не могло оставаться замкнутымъ въ себѣ, но воспринимало различные новые элементы какъ изъ греческой религіи, такъ и отъ религій другихъ народовъ, съ которыми Греки входили въ болѣе частыя и тѣсныя сношенія. Постепенно былъ внесенъ въ систему ученія о Кавирахъ цѣлый рядъ различныхъ божествъ греческихъ, фригійскихъ и финикійскихъ. Всѣ эти божества были соединены нѣкоторыми общими чертами съ Кавирами.

Какъ культъ мистическій, таинства Кавировъ подверглись особенно сильному вліянію другого, болѣе славившагося въ Греціи мистическаго культа—елевсинскаго. Во всѣхъ главнѣйшихъ мѣстахъ почитанія Кавировъ замѣтно почитаніе и елевсинской богини—Димитры. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что почти всѣ божества, входившія въ елевсинскую систему, — Зевсъ, Діонисъ, Плутонъ, Посидонъ, Аполлонъ, Еротъ, Ермій, Аѳина, Артемида и Еката,—входили въ составъ системы культа Кавировъ[1]). Многіе миѳы изъ области культа этихъ божествъ представляли сходство съ елевсинскими. Таковы миѳы объ установленіи въ Віотіи мистерій Кавировъ Димитрой, миѳы о похищеніи Армоніи Кадмомъ, аналогичные миѳамъ о похищеніи Коры, и миѳы о сынѣ Кавира, аналогичные миѳамъ объ Іакхѣ. Замѣтно даже проникновеніе символовъ мистерій Димитры въ нѣкоторыя мѣста почитанія Кавировъ. Кромѣ упомянутыхъ выше (стр. 123) символовъ на одной имвросской монетѣ, можно указать еще на встрѣчающееся среди самоѳракійскихъ барельефовъ изображеніе бычачьяго черепа[2]), такъ часто попадающееся на барельефахъ Елевсина. Порядокъ посвященія въ самоѳракійскія мистеріи представлялъ сходство съ посвященіемъ въ Елевсинѣ, гдѣ такъ же, какъ на Самоѳракіи, было три степени посвященія. И въ Елевсинѣ и въ Самоѳракіи мисты имѣли своихъ особыхъ спутниковъ — ἀκόλουθοι. Эти факты ясно говорятъ о своемъ значеніи.

Относительно тѣхъ божествъ, которыя входили въ составъ системы Кавировъ, нельзя сомнѣваться, что и въ мистическомъ ученіи они сохраняли свои основныя черты неизмѣнными. Разногласія между мистическимъ и общедоступнымъ ученіемъ о божествахъ не могло быть, такъ какъ въ противномъ случаѣ мистеріи Кавировъ подверглись бы гоненію. Поэтому является полное основаніе думать, что и въ глуби мистическихъ святилищъ соединенныя съ Кавирами божества оставались по существу своему такими же, какими обыкновенно представлялъ ихъ греческій народъ, и только нѣкоторыя частности въ ихъ типѣ были измѣнены.

Постепенно проникали въ религіозное ученіе Кавировъ и философскія ученія. Среди нихъ какъ несомнѣнный фактъ можно установить только вліяніе Орфиковъ, которое такъ явственно от-

---

[1]) Cic. ND. I, 42.

[1]) См. Н. Новосадскій, Елевсинскія мистеріи, стр. 162 слѣд. Тамъ же указаны основы соединенія этихъ божествъ съ культомъ Димитры.

[2]) Arch. des miss. scient. IV, 2 série, таблица послѣдняя (приложенныя тамъ таблицы не отмѣчены цифрами).

разилось въ віотійскихъ миѳахъ о происхожденіи человѣчества отъ божественныхъ существъ, имѣвшихъ связь съ Кавирами. По всей вѣроятности тоже происхожденіе имѣетъ и лимносское ученіе о Кавирѣ, имѣвшемъ прекрасное потомство, и самоѳракійское о Кавирѣ, какъ первомъ человѣкѣ. Нельзя не замѣтить, что въ сущности своей это ученіе не представляетъ въ греческой религіи ничего новаго; основы для него даны уже въ Омировскомъ Зевсѣ, который является πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε, и поэтому въ немъ нѣтъ ничего мистическаго. Но такъ какъ ученіе о происхожденіи человѣка отъ бога составляло одну изъ сторонъ ученія мистерій Кавировъ, то должно предполагать, что тутъ были свои особыя таинственныя черты, а таковыми могло быть ученіе не о происхожденіи только человѣка отъ божества, но и о возможности самаго тѣснаго единенія между человѣкомъ и божествомъ. Подтвержденіемъ этого предположенія служатъ слѣдующія слова Ипполита (Оригена). Упомянувъ о томъ, что въ самоѳракійскомъ храмѣ находились двѣ статуи, представлявшія мужчинъ съ простертыми къ небу руками и въ страстно возбужденномъ состояніи, Ипполитъ пишетъ: εἰκόνες δέ εἰσι τὰ προειρημένα ἀγάλματα τοῦ ἀρχανθρώπου καὶ τοῦ ἀναγεννωμένου πνευματικοῦ κατὰ πάνθ' ὁμοουσίου ἐκείνῳ τῷ ἀνθρώπῳ [1]). Въ этихъ словахъ Ипполитъ явно указываетъ на полное единеніе происходящаго съ произведшимъ, на родство не по плоти только, а также и по духу.

Вторымъ пунктомъ ученія мистерій Кавировъ было ученіе о человѣкѣ, объ его отношеніяхъ къ божеству и нравственныхъ обязанностяхъ. Въ святилища Кавировъ стремились люди, ища себѣ помощи и заступничества на всѣхъ путяхъ своей жизни. Тамъ молилъ боговъ о помощи и купецъ, и путешественникъ, и обманутая ложной клятвою своего возлюбленнаго женщина. Всѣ они одинаково искали помощи и нравственнаго утѣшенія. Но, конечно, необходимы были какія-нибудь основанія для вѣры въ помощь, а основаніемъ ея не могъ служитъ одинъ только обрядъ принятія посвященія. Такого значенія внѣшнему обряду не можетъ придавать ни одна религія, на какой бы низкой ступени развитія она

[1]) Origen. (Hippol.) Philosoph., p. 109 E. Miller.

ни стояла. Необходимы нѣкоторыя нравственныя права, нравственныя основы, укрѣплявшія эту вѣру. Діодоръ сицилійскій говоритъ, что посвященные въ мистеріи Кавировъ становились лучшими, болѣе справедливыми и нравственными [1]),—конечно, потому, что они получили особыя наставленія, помогшія имъ подняться на бо́льшую, сравнительно съ другими, нравственную высоту. А поднятіе на бо́льшую нравственную высоту могло уже становиться опорою для вѣры, могло быть ручательствомъ въ помощи божества, которая являлась, такимъ образомъ, уже какъ бы заслуженною.

Но не одни только надежды на счастіе въ земной жизни почерпали мисты въ культѣ Кавировъ; тамъ же открывалось имъ ученіе о загробной жизни и о блаженствѣ посвященныхъ. Это видно изъ одной надписи, которая была поставлена на могилѣ какого-то юноши, очевидно, посвященнаго въ самоѳракійскія мистеріи [2]). Наиболѣе замѣчательны въ этой надписи слѣдующія слова, указывающія на ученіе о загробной жизни:

[1]) Diod. V, 49, 6. August. CD. II, 26: perhibentur tamen in adytis suis secretisque penetralibus dare quaedam bona praecepta de moribus quibusdam velut sacratis suis.

[2]) CIG n° 6860b. Ср. Münter, Antiqu. Abhandl. 1816, S. 185 ff. Лобекъ утверждалъ, что эта надпись не имѣетъ никакого отношенія къ самоѳракійскимъ мистеріямъ. Онъ пишетъ: Vanam esse hanc opinationem olim ostendi in Ephemer. Ienens. neque aliter sentit Iacobsius, et res ipsa loquitur. Ille (т. е. Мюнтеръ) tamen perstat in sententia (Antiqu. Abhandl. n° VII) inventumque suum eo magis amat, quod sine rivali amat. Aglaoph. p. 1293, adn. i. Какъ видно изъ этихъ словъ, Лобеку было неизвѣстно, что мнѣніе Мюнтера раздѣлялъ Бендсенъ въ своемъ трудѣ, появившемся за пять лѣтъ до выхода въ свѣтъ Аглаофама, см. Bendtsen, Marmora mystica, Miscell. Hafniens. II (1824), 285. Къ мнѣнію Мюнтера присоединился также А. Бекъ. См. CIG n° 6860b, объясненія. Въ виду представленныхъ Мюнтеромъ и Бекомъ вѣскихъ доказательствъ, что въ этой надписи рѣчь идетъ о мистеріяхъ самоѳракійскихъ, было бы излишне приводить здѣсь доводы въ защиту этого мнѣнія. Въ послѣднее время эта надпись издана Г. Кайбелемъ. См. Inscriptiones graecae Siciliae et Italiae, Berol. 1890, n° 2461.

ἐν δὲ τεθνε[ι]ῶσιν ὁμηγύριες πέλουσιν
δοιαί· τῶν ἑτέρη μὲν ἐπιχθονίη πεφόρηται,
ἡ δ' ἑτέρη τείρεσσι σὺν αἰθερίοισι χορεύει·
ἧς στρατίης εἷς εἰμ[ι], λαχὼν θεὸν ἡγεμονῆα.

Обѣщаніе счастія за гробомъ для тѣхъ, которые приняли посвященіе въ мистеріи, должно было наиболѣе привлекать адептовъ въ Самоѳракію и вообще въ мистеріи Кавировъ. Вопросъ о загробной жизни съ того времени, какъ человѣкъ ясно созналъ идею безсмертія, всегда былъ однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ. Таинственный, непроницаемый мракъ, скрывающій отъ умственныхъ взоровъ человѣка то, что лежитъ за предѣлами гроба, озарялся новымъ свѣтомъ въ ученіи мистерій, и жизнь загробнаго міра уже не страшила посвященныхъ, такъ какъ, „взявъ въ вожди божество", они становились участниками лучшей жизни въ эѳирныхъ пространствахъ.

Вотъ тѣ сферы, которыя охватывались въ ученіи мистерій Кавировъ о человѣкѣ—область его жизни земной и область жизни загробной. Такимъ образомъ обнималось все содержаніе жизни человѣческой. При этомъ не удивительно, что на Самоѳракію и въ другіе храмы Кавировъ стремилось такое множество людей. Здѣсь они почерпали свѣтлыя надежды на свое счастіе.

Наконецъ, въ мистеріяхъ Кавировъ раскрывалось особое ученіе о природѣ. На это прямо указываетъ Цицеронъ. На это косвенно указываетъ тѣсная связь культа Кавировъ съ той природой, среди которой онъ развивался,—связь, обнаруживающаяся во всѣхъ мѣстахъ почитанія этихъ божествъ. Раскрытіе ученія о природѣ въ связи съ раскрытіемъ началъ чисто религіознаго характера представляетъ интересное и своеобразное явленіе древнегреческой религіозной жизни. Можно было бы даже усумниться въ томъ, что въ мистеріяхъ сообщалось ученіе и о природѣ, если бы объ этомъ не было прямыхъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ. Кромѣ Цицерона важно слѣдующее мѣсто Евсевія кессарійскаго, такъ опредѣленно указывающее на изложеніе ученія о природѣ въ мистеріяхъ вообще, а, слѣдовательно, и въ мистическомъ культѣ Кавировъ: ὅτι μὲν οὖν ἡ παλαιὰ φυσιολογία καὶ παρ' Ἕλλησι καὶ

βαρβάροις λόγος ἦν φυσικὸς ἐγκεκρυμμένος μύθοις,—δῆλόν ἐστιν ἐν τοῖς Ὀρφικοῖς ἔπεσι καὶ τοῖς Αἰγυπτιακοῖς λόγοις· μάλιστα δὲ οἱ περὶ τὰς τελετὰς ὀργιασμοὶ καὶ τὰ δρώμενα συμβολικῶς ἐν ταῖς ἱερουργίαις τὴν τῶν παλαιῶν ἐμφαίνει διάνοιαν[1]). Свидѣтельствуя относительно ученія о природѣ въ мистеріяхъ, слова Евсевія опредѣляютъ и самый характеръ этого ученія. Ясно, что оно не имѣло научнаго характера, а это былъ „λόγος φυσικὸς ἐγκεκρυμμένος μύθοις", это было ученіе о природѣ сокрытое въ образахъ, въ миѳахъ. Прикровенное выраженіе ученія о природѣ не трудно замѣтить въ нѣкоторыхъ миѳахъ изъ культа Кавировъ. Такъ, смерть Кавира и его воскрешеніе, кромѣ того нравственнаго смысла, какой имѣютъ эти образы, явно выражаютъ еще замираніе природы и ея оживленіе. Праздникъ Армоніи на Самоѳракіи, какъ уже замѣчено О. Крузіусомъ[2]), былъ праздникомъ весны. Подобный λόγον φυσικόν слѣдуетъ, какъ кажется, видѣть въ миѳѣ о Кавирахъ-ракахъ[3]), т. е. солнцѣ въ томъ его фазисѣ, когда оно вступаетъ въ знакъ рака. Вліяніе ихъ на произрастаніе винограда выражалось въ миѳахъ объ ихъ покровительствѣ винодѣлію, а произрастаніе хлѣба—въ Кавирахъ, какъ божествахъ аграрныхъ. Полно глубокаго смысла это выраженіе ученія о природѣ въ формѣ миѳовъ о божествахъ. Оно указываетъ, что мистическому ученію древнихъ грековъ не чужда была мысль о проявленіи божественной созидающей силы въ жизни природы. Оно указываетъ также, что въ этомъ ученіи лежала мысль, что между жизнью духа и природы нѣтъ такой рѣзкой грани, такого рѣзкаго различія, какое обыкновенно представляется. Какой смыслъ имѣло бы поясненіе таинствъ природы таинственными миѳами о высшихъ духовныхъ существахъ, если бы между духомъ и матеріей лежала, по убѣжденію древнихъ грековъ, цѣлая бездна, и если бы проявленія существованія духа не были, по ихъ мнѣнію, аналогичными проявленіямъ существованія матеріи? Это не пантеизмъ, не ученіе

---

[1]) Euseb. Praep. Euang. III, 1, 1 Dind.

[2]) Ersch-Gruber, Encyclop. XXXII, 2, S. 23.

[3]) Hesych. Κάβειροι· Κακῖνοι.

о присутствіи бога въ природѣ, это ученіе о родствѣ и аналогіи жизни духа и жизни природы, — поистинѣ мистическое ученіе. Мистицизмъ съ особою силой проявляется здѣсь, въ этой сторонѣ ученія.

Было бы глубокой ошибкой думать, что въ мистеріяхъ Кавировъ излагались научныя толкованія законовъ природы. Въ такомъ случаѣ мистеріи получили бы характеръ какой-то школы, а въ школу не стремились бы такія массы народа, какія стремились въ глубь святилищъ этихъ боговъ. Можно ли предполагать то идеальное стремленіе къ наукѣ въ древнемъ Грекѣ, какого не выработала прогрессивная жизнь человѣчества до настоящаго времени?

Невозможно проникнуть далѣе въ подробности ученія, проводившагося въ мистеріяхъ Кавировъ, такъ какъ тутъ точные факты и указанія древности отказываются быть руководителями. Стремленіе перейти за предѣлъ фактовъ безплодно; оно естественно могло бы вызвать за собою тотъ упрекъ, какой дѣлаетъ Августинъ Варрону, говоря: hic etiam Samothracum nobilia mysteria in superiore libro sic interpretatur eaque se, quae nec suis nota sunt, scribendo expositurum eisque missurum quasi religiosissime pollicetur [1]). Но и приведенные факты изъ области ученія самоѳракійскихъ мистерій достаточно опредѣляютъ ихъ значеніе и указываютъ, въ чемъ состояла ихъ сила. Вопросы о счастіи въ жизни и блаженствѣ за гробомъ всегда были самыми важными вопросами для человѣка и обѣщаніе счастья всегда можетъ привлекать множество народа. Въ этомъ обѣщаніи почерпали мистеріи Кавировъ свою силу и сила эта была велика потому, что она вытекала изъ потребностей души человѣка, изъ его природы. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х., когда уже значительно ослабѣла среди Грековъ вѣра въ боговъ, когда умолкли оракулы, мистеріи Кавировъ все еще пользовались извѣстностью [2]). Есть указаніе на существованіе ихъ

[1]) August. C D. VII, 28.

[2]) Aristid. I, 308.

еще въ IV в. [1]). Временемъ прекращенія мистерій Кавировъ можно считать годъ изданія византійскимъ императоромъ Ѳеодосіемъ эдикта, строго воспрещавшаго всѣмъ его подданнымъ поклоняться языческимъ богамъ [2]). Но религіозныя вѣрованія пускаютъ свои корни глубоко въ жизнь народа и остаются въ ней на цѣлые вѣка; съ оффиціальнымъ прекращеніемъ служенія Кавирамъ-Діоскурамъ культъ ихъ не угасъ совершенно; слѣды его продолжали сохраняться въ народѣ. Слѣды эти замѣтны и теперь среди современныхъ Грековъ. Но такъ какъ пережившіе свое величіе и свою славу кумиры считаются божествами темными, злыми силами, то такими признаются теперь и символы Кавировъ-Діоскуровъ, огни Эльма. У древнихъ грековъ они считались предвѣстниками спасенія, а теперь греческіе моряки признаютъ ихъ предвѣстниками несчастій, грозы, бури. Вѣрятъ, что эти огни пожираютъ людей и уничтожаютъ снасти, поэтому при появленіи ихъ спѣшатъ скрыться, молятся и курятъ ладономъ [3]). Такимъ образомъ идея о Діоскурахъ-Кавирахъ, хотя уже не въ формѣ вѣрованія, а въ формѣ суевѣрія, живетъ и теперь въ той странѣ, гдѣ она послужила нѣкогда основой мистическаго культа, который такъ долго питалъ сердца древнихъ Еллиновъ надеждой на счастіе, просвѣщалъ ихъ познаніемъ божества и по ихъ собственному признанію возвышалъ ихъ нравственныя достоинства.

[1]) Liban. Orat. pro Aristoph. I, 447: πόσου ποτ' ἂν ἐπρίατο Γεώργιος ἐκεῖνος αὐτομολοῦντα τοῦτον ἰδεῖν καὶ στάντα ἐπὶ τοῦ βήματος, ὅθεν ἐκεῖνοι τὰς γραῦς δημαγωγοῦσιν, ἐξειπεῖν καὶ διασύρειν τὰ ἀπόρρητα τῶν δαιμόνων, τὰ τῆς Ἰνοῦς, τὰ τοῦ παιδός, τὰ Καβείρων, τὰ Δήμητρος.

[2]) Этотъ эдиктъ былъ изданъ 27 Апрѣля 380 г. по Р. Х. См. E. von Lassaulx, Der Untergang des Hellenismus, München, 1854, S. 99. Тамъ же, примѣч. 287, приведена выписка изъ этого эдикта, Codex Theodosian. XVI, 1, 2.

[3]) Παρνασσός, 1880, σελ. 598, статья Н. Полита Νεοελληνικὴ μυθολογία.

ГЛАВА VIII.

Божества различныхъ народовъ, представлявшія сходство съ Кавирами.

Сходныя съ греческими Кавирами божества у Финикіянъ, Египтянъ, Индусовъ, жителей Италіи, Британіи, Кельтовъ, древнихъ Германцевъ и Шведовъ. Общіе выводы.

А. *Финикія.*

Существованіе въ Финикіи культа божествъ, соотвѣтствовавшихъ греческимъ Кавирамъ, засвидѣтельствовано сохраненнымъ у Евсевія кессарійскаго отрывкомъ изъ ѳеогоніи Санхуніатона. Приведя сказанія о происхожденіи цѣлаго ряда финикійскихъ божествъ, Санхуніатонъ говоритъ: „А отъ Сидика <произошли> Діоскуры, они же Кавиры, Кориванты, Самоѳракійцы. Они, по преданію, построили первое судно. Отъ нихъ произошли другія божества, которыя открыли силу травъ и средства отъ укушенія ядовитыхъ животныхъ и заклинанія“ [1]). Болѣе подробныя свѣдѣнія о финикійскихъ Кавирахъ представляетъ Дамаскій въ сохранившихся до настоящаго времени отрывкахъ жизнеописанія Исидора. Отсюда узнаемъ, что Финикіяне почитали подъ именемъ Кавировъ цѣлую систему семи божествъ, къ которымъ было присоединено восьмое божество—Асклипій или Есмунъ [2]). Кромѣ того изъ Иродота извѣстно, что изображенія финикійскихъ Патековъ имѣли сходство съ Кавирами [3]). Вотъ данныя, представляемыя древними авторами, въ которыхъ указывается на существованіе у Финикіянъ божествъ, сходныхъ съ греческими Кавирами. Необходимо замѣтить, что у греческихъ авторовъ нѣтъ нигдѣ прямаго указанія на то, чтобы божества эти назывались у Финикіянъ Кавирами. Ни изъ Дамаскія, ни изъ Евсевія,

[1]) Euseb. Praep. Euang. I, 10, 14 Dind. Cf. I, 10, 38 (=FHG III, 569).

[2]) Damasc. Vita Isid. 302 Westerm.

[3]) Herod. III, 37.

ни изъ Иродота нельзя сдѣлать того вывода, что финикійскія божества, сходныя съ греческими Кавирами, были почитаемы въ Финикіи подъ тѣмъ же именемъ Κάβειροι. Всѣ эти авторы указываютъ только на сходство представленій о тѣхъ и другихъ божествахъ. Имена ихъ на финикійскомъ языкѣ и въ финикійской религіи были другія. По мнѣнію Перро-Шипье, основанному на изслѣдованіяхъ ученыхъ, спеціально изучавшихъ финикійскую религію, Кавировъ слѣдуетъ искать среди солярныхъ финикійскихъ божествъ Semes, Sakon, Poumai [1]). Берже прямо указываетъ на то, что „Кавиры“ финикійскіе были божествами планетными [2]), соотвѣтственно самому ихъ числу (семь).

Во главѣ ихъ стоялъ по мнѣнію Берже, Есмунъ. Но съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ слова Санхуніатона, на которыхъ прямо основано все это мѣсто у Берже, не даютъ основанія сдѣлать такой выводъ, а, напротивъ, приводятъ къ совершенно противоположному заключенію, — къ той мысли, что роль Есмуна въ системѣ финикійскихъ Кавировъ была служебная. Да и самое значеніе имени Есмуна указываетъ на служебную роль этого божества, если принимать его въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ Берже, который держится мнѣнія, что Есмунъ значитъ восьмой [3]). Есмунъ дѣйствительно стоялъ во главѣ многихъ божествъ, но не во главѣ Кавировъ, если довѣрять словамъ Санхуніатона и Дамаскія, а заподозрить ихъ вѣрность нѣтъ основаній. Слѣдуя имъ должно принять, что божества, соотвѣтствовавшія въ Финикіи греческимъ Кавирамъ, составляли систему

[1]) Perrot-Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, III (1885), p. 70.

[2]) Berger, La Phénicie, p. 24.

[3]) Это мнѣніе, принятое Перро-Шипье, отвергается другими изслѣдователями семитическихъ религій. Фр. Бетгенъ замѣчаетъ по этому вопросу: Dass er (Esmun), wie die Alten wollen, „der Achte“ bedeute, ist mir sehr unwahrscheinlich; nach Nummern haben wohl die Römer ihre Töchter benannt, aber nicht die Phönicier ihre Götter. Fr. Baethgen, Beiträge zur Semitischen Religionsgesch. Berlin, 1888, S. 50. Ibid.: Die Etymologie und Herkunft des Namens Eschmun bleibt danach vorläufig unbekannt.

семи равныхъ по значенію божествъ, къ которымъ было присоединено восьмое, Есмунъ, въ роли служебной, низшей[1]).

Такъ какъ присоединеніе къ системѣ финикійскихъ „Кавировъ“ Есмуна ясно указываетъ на сходство представленій о немъ и о Кавирахъ, то возникаетъ необходимость разсмотрѣть характеристическія черты этого божества. Эти черты могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ и на божества, соотвѣтствовавшія греческимъ Кавирамъ, такъ тѣсно соединенныя съ нимъ въ одномъ общемъ культѣ. Есмунъ былъ олицетвореніемъ высшей міровой производительной силы; онъ былъ богомъ поддерживающимъ и охраняющимъ жизненныя силы, поэтому и приписывался ему дивный даръ врачеванія болѣзней, вслѣдствіе чего Греки отожествляли его съ Асклипіемъ[2]). Культъ его, какъ третьяго лица божественной тріады, встрѣчается въ соединеніи съ божествами, въ основѣ представленія о которыхъ лежитъ представленіе о планетахъ. Вотъ и все, что достовѣрно извѣстно объ Есмунѣ. Эти факты указываютъ, что финикійскія божества, соотвѣтствовавшія греческимъ Кавирамъ, въ основѣ своей были божествами планетными или солнечными. Что касается до внѣшняго вида этихъ божествъ, то они изображались въ видѣ карликовъ[3]). Этимъ обстоятельствомъ подтверждается засвидѣтельствованный Иродотомъ фактъ сход-

[1]) У Эккеля D N. III, 359 на монетѣ времени императора Елагабала изображено восемь лицъ, сидящихъ вокругъ корабля. Ср. Euseb. Pr. Euang. I, 10, 38: ταῦτα δὲ (φησί) πρῶτοι πάντων ὑπεμνηματίσαντο οἱ ἑπτὰ Συδὲκ παῖδες Κάβειροι, καὶ ὁ ἴδιος αὐτῶν ἀδελφὸς Ἀσκληπιός.

[2]) Найденная вблизи Cagliari надпись на латинскомъ, греческомъ и финикійскомъ языкахъ подтверждаетъ слова Дамаскія относительно того, что Есмуну приписывались черты сходныя съ Асклипіемъ. Надпись эта помѣщена въ Corpus inscriptionum Semiticarum, p. 143. Въ латинскомъ переводѣ Ренана финикійская надпись представляется въ слѣдующемъ видѣ: Domino Esmuno Merre; altare aereum ponderis librarum centum C, quod vovit Cleon, (servus sociorum), qui in re salaria; audiit vocem eius, sanavit eum etc. Baethgen, Beiträge, 48 f.

[3]) Изображенія финикійскихъ боговъ-пигмеевъ помѣщены у Перро-Шипье, Histoire de l'art III, стр. 65 n° 22 (статуя, находящаяся теперь въ Луврѣ); ibid. стр. 78, n° 27 (Лувръ).

ства изображеній финикійскихъ Патековъ съ изображеніями тѣхъ божествъ Мемфиса, въ которыхъ онъ признавалъ Кавировъ. Изображенія финикійскихъ боговъ-пигмеевъ сохранились до настоящаго времени и уродливыя формы ихъ вполнѣ объясняютъ, почему статуи, находившіяся въ храмѣ Кавировъ въ Мемфисѣ, произвели на Камвиса комическое впечатлѣніе[1]).

Культъ Есмуна былъ распространенъ во многихъ финикійскихъ городахъ. Главнымъ мѣстомъ почитанія его былъ Беритъ[2]). Кромѣ Берита культъ Есмуна встрѣчается въ Сидонѣ, въ Китіи и Идаліи на Кипрѣ, въ Карѳагенѣ и Сардиніи. Черты, приписывавшіяся этому божеству, не отличались устойчивостью и въ различныхъ мѣстностяхъ были различны, подобно тому какъ различны были черты греческихъ Кавировъ въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи. Но несмотря на разнообразіе, можно замѣтить сходство въ представленіяхъ объ Есмунѣ и Кавирахъ. Въ Карѳагенѣ Есмунъ, отожествляемый съ Астартой, слитый съ ней въ одинъ общій образъ Есмуна-Астарты, представлялся какъ богъ любви и плодородія, а на Кипрѣ какъ хранитель города[3]), что приближаетъ его къ Кавирамъ-спасителямъ и Кавирамъ—божествамъ аграрнымъ.

Наконецъ, какъ на общую черту между греческими Кавирами и финикійскими солнечными божествами вообще, слѣдуетъ указать, что тѣ и другіе представлялись въ совершенно противоположныхъ чертахъ, то какъ благодѣтельныя божества, то какъ божества грозныя, причиняющія вредъ людямъ[4]).

Приведенные факты ставятъ внѣ всякого сомнѣнія почитаніе въ Финикіи божествъ, представлявшихъ въ основныхъ чертахъ сходство съ Кавирами. Но такъ какъ имена ихъ не сходны съ

[1]) Baethgen, Beiträge, S. 44. Вблизи Берита находилась роща, посвященная Есмуну. Это напоминаетъ о томъ, что Греки также разводили рощи вблизи храмовъ своихъ Кавировъ. См. стр. 26.

[2]) Baethgen, ibid. S. 45. 48.

[3]) Perrot-Chipiez, Histoire de l'art, III (1885), 70 слѣд. Berger, La Phénicie, p. 24. Fr. Baethgen, Beiträge, S. 44 ff.

[4]) P. D. Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch der Religionsgeschichte, Freiburg, 1887—89. I, 222.

именами греческихъ божествъ и число ихъ не совпадаетъ съ числомъ Кавировъ въ Греціи, то эти факты устраняютъ мысль о заимствованіи культа Кавировъ изъ Финикіи. Какимъ образомъ можно утверждать о заимствованіи тамъ, гдѣ нѣтъ сходства ни въ именахъ, ни въ числѣ? Сходство нѣкоторыхъ основныхъ чертъ тѣхъ и другихъ божествъ должно быть объясняемо не чрезъ заимствованіе культа Кавировъ Греками, а на почвѣ чисто психологической, на которой развивается всякая религія. Ученіе о божествахъ, одаренныхъ сходными чертами, можетъ развиться у различныхъ народовъ вполнѣ самостоятельно, подъ вліяніемъ суммы тѣхъ психологическихъ и физическихъ условій, которыя являются могучими факторами при образованіи религіозныхъ вѣрованій каждаго народа.

Б. *Египетъ.*

Иродотъ, разсказывая о дѣйствіяхъ въ Египтѣ Камвиса, лишившагося здраваго разсудка, говоритъ, что онъ вошелъ въ Мемфисѣ въ храмъ Кавировъ, въ который нельзя вступать никому кромѣ жреца, и сжегъ статуи этихъ божествъ, очень похожія на статуи Ифеста. А статуи Ифеста (т. е. египетскаго божества, котораго Греки сопоставляли съ Ифестомъ), по словамъ Иродота, были очень похожи на изображенія финикійскихъ Патековъ, представляя собою пигмеевъ[1]). Эти слова Иродота указываютъ, что въ Мемфисѣ былъ культъ божествъ, въ которыхъ замѣчалось сходство съ греческими Кавирами, притомъ культъ мистическій, такъ какъ въ храмъ этихъ божествъ дозволялось вступать только жрецу. Едва ли можно придавать широкое значеніе этимъ словамъ Иродота. Не заподозривая нисколько справедливости словъ этого историка, отличающагося большой точностью и добросовѣстностью въ передачѣ фактовъ, изъ выше приведеннаго разсказа его прямо можно сдѣлать только тотъ выводъ, что тѣ божества города Мемфиса, статуи которыхъ были сожжены Камвисомъ, изображались подобно греческимъ Кавирамъ и что культъ ихъ былъ мистическій. Но, кажется, было бы слишкомъ смѣло

[1]) Herod. III, 37.

думать, что и представленія объ этихъ божествахъ были сходны съ представленіями о Кавирахъ. Иродотъ не могъ знать этого ученія; онъ не былъ посвященъ въ мистеріи въ Мемфисѣ, по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ объ этомъ не говоритъ и не намекаетъ. Итакъ все дѣло основано тутъ на внѣшней сторонѣ, на сходствѣ изображеній.

Тѣ черты, которыя Иродотъ указываетъ въ изображеніяхъ мемфисскихъ „Кавировъ", даютъ основаніе полагать, что онъ имѣетъ въ виду бога Пта[1]). Черты, приписывавшіяся этому божеству, дѣйствительно, встрѣчаются и у Грековъ въ приложеніи къ греческимъ Кавирамъ, хотя и не всѣ и не самыя существенныя его черты. Отмѣтимъ здѣсь только сходныя черты. Пта представлялся богомъ подземнаго міра[2]),—и одинъ изъ Кавировъ, Аксіокерсъ, отожествлялся съ богомъ подземнаго міра Плутономъ. Въ одномъ папирусѣ царь Рамессу III обращается къ Пта съ слѣдующими словами: „Пта, владыка жизни обѣихъ странъ, Татунъ, отецъ боговъ, величайшій, безначальный богъ, создавшій всѣхъ людей" и т. д.[3]),—и Кавиры признавались богами, произведшими человѣчество. Въ одной пѣснѣ говорится: „хвала тебѣ, Пта-Татунъ, великій богъ съ закрытымъ лицомъ"[4]), — какая близкая аналогія съ великими богами Кавирами, ликъ которыхъ былъ закрытъ отъ взоровъ непосвященныхъ въ ихъ мистеріи!

Въ религіи древнихъ Египтянъ Пта, въ соединеніи съ своей женой, богиней Зехетъ[5]), и съ сыномъ Имготепъ, составлялъ божественную тріаду. Важно разсмотрѣть типическія черты божествъ, соединенныхъ съ Пта. Изъ ихъ свойствъ выяснится

[1]) Пта изображали въ видѣ новорожденнаго ребенка съ жукомъ на головѣ—символомъ начинающейся жизни. V. von Strauss-Torney, Der altägyptische Götterglaube, Heidelberg. 1889—91. I, 365. Cf. Chantepie de la Saussaye, Lehrbuch d. Religionsgesch. I, 285: er wird als Mumie oder als Zwerg abgebildet, mit dem Scarabeus auf dem Haupte und dem Krokodil unter den Füssen.

[2]) Strauss-Torney, I, 360.

[3]) Strauss-Torney, I, 363.

[4]) Strauss-Torney, I, 364.

[5]) Strauss-Torney, I, 366, 427.

общій характеръ божествъ, представлявшихъ аналогію съ греческими Кавирами.

Тѣ черты, которыя приписываются въ „книгѣ мертвыхъ“ богинѣ Зехетъ, приводятъ къ заключенію, что она была олицетвореніемъ солнечной жары, представляла палящіе, производящіе засуху солнечные лучи; ее признавали также исполнительницей божественной кары надъ людьми за ихъ грѣхи [1]).

Ту и другую черту находимъ въ представленіяхъ о греческихъ Кавирахъ. Кавиры были божествами свѣта и, хотя не были исполнителями божественной кары, однако сами вполнѣ самостоятельно карали людей за ихъ грѣхи.

Сыномъ Пта и богини Нутъ (или Гаторъ) признавался Имготепъ, имя котораго обозначаетъ „приходитъ въ міръ”. Греки, по замѣчанію Торнея, сравнивали его съ Асклипіемъ. Птолемей Филопаторъ прилагаетъ къ нему эпитеты „благодѣтельный, приходящій къ зовущимъ его, дающій жизнь міру“ [2]),—всѣ эти слова очень напоминаютъ эпитеты, прилагавшіеся къ Кавирамъ, черты, приписывавшіяся этимъ божествамъ. Но въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о заимствованіи этого божества, какъ одного изъ членовъ системы Кавировъ, изъ Египта въ Грецію; не можетъ быть рѣчи потому, что культъ Имготепа встрѣчается въ Египтѣ только во времена Птолемеевъ и, по мнѣнію Штраусса-Торнея, нѣтъ основаній признавать его очень древнимъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь миѳа объ Озирисѣ, убитомъ Сеѳомъ, объ его воскрешеніи и новой жизни вмѣстѣ съ женой послѣ воскрешенія. Миѳъ этотъ до мельчайшихъ подробностей, даже до αἰδοῖον, положеннаго въ особый ящикъ, представляетъ сходство съ распространеннымъ въ Македоніи миѳомъ объ убійствѣ Кавира братьями, его воскрешеніи и теогаміи. Удивительно, что

[1]) V. Strauss-Torney, Der ägypt. Götterglaube, I, 430 ff. Первоначально имя ея читали Пахтъ. Правильная форма возстановлена на основаніи надписи Унасской пирамиды, ibid. Тѣ мѣста изъ „книги мертвыхъ“, на основаніи которыхъ опредѣляются существенныя черты богини Зехетъ, приведены у Штраусса-Торнея, I, 431 слѣд.

[2]) V. Strauss-Torney, I, 427.

ни одинъ изъ древнихъ писателей не обратилъ вниманія на это столь поразительное сходство.

Анализъ основныхъ чертъ тѣхъ божествъ Египта, въ которыхъ древніе Греки находили сходство съ Кавирами, и сопоставленіе этихъ божествъ съ послѣдними приводитъ къ тому выводу, что роль Египта, какъ одного изъ факторовъ въ установленіи культа Кавировъ въ Греціи, не можетъ быть прочно обоснована. Египетъ, очевидно, вліялъ на культъ Кавировъ, но это вліяніе относится не ко времени установленія въ Елладѣ этого культа, а ко времени его полнаго расцвѣта, и притомъ оно ясно замѣтно только въ одномъ мѣстномъ, македонскомъ культѣ, насколько позволяютъ прослѣдить тѣ данныя, которыя въ настоящее время извѣстны.

B. *Индія.*

„Если какое-нибудь производство системы Кавировъ правильно, то таковымъ можетъ быть только производство ея изъ Индіи“, писалъ извѣстный знатокъ греческихъ культовъ К. О. Миллеръ [1]). И дѣйствительно ни одна религія древняго міра не представляетъ божествъ, которыя были бы такъ сходны съ Кавирами, какъ божества Индіи.

Начнемъ параллель божествомъ Кувебой (Кубебой), которое обнаруживаетъ сходство съ Кавирами не только въ нѣкоторыхъ чертахъ, но и въ самомъ названіи [2]). Это божество, по представленіямъ Индусовъ, обитало въ глуби земли, во мракѣ, и охраняло скрытые тамъ металлы. Индусы учили, что божество это обитало въ горѣ Кайласѣ, находившейся въ Гималайской цѣпи. Оно было изображаемо въ видѣ безобразнаго карлика [3]). При звуко-

[1]) K. O. Müller, Geschichten hellen. Stämme, Breslau, 1820[1], 457 Anm.

[2]) Созвучныя съ именемъ Κάβειροι слова встрѣчаются въ названіяхъ многихъ мѣстностей Индіи и близкихъ къ ней странъ, упоминаемыхъ древними авторами. Такъ, въ Месопотаміи находился городъ Chabora, Ptol. V, 18. Plin. XXXI, 22. (36). Cf. Ezech. I, 3. Въ Индіи находился городъ Cabura, Ptol. VII, 1. Тамъ же была рѣка Cabirus, Plin. VI, 25 (92). Ptol. VII, 1.

[3]) L. v. Schroeder, Indiens Literatur und Cultur, Leipzig, 1887, S. 375. Cf. The Asiat. Researches, V, 297 слѣд.

вой близости именъ Кавировъ и Кувебы значительно также сходство чертъ между этими божествами. Ученіе о Кавирахъ, какъ божествахъ-металлургахъ, не чуждо было и Грекамъ, а о сходствѣ изображеній Кавировъ и Кувебы можно судить на основаніи того, что говоритъ Иродотъ о статуяхъ Кавировъ.

Еще значительнѣе сходство между Асвинами и греческими Діоскурами, которые были отожествлены съ Кавирами. Вопросъ о значеніи арійскихъ Асвиновъ въ миѳологіи Индусовъ, объ основныхъ чертахъ этихъ божествъ и о сходствѣ ихъ съ греческими Діоскурами разсмотрѣнъ очень тщательно въ изслѣдованіи Л. Миріантея „Асвины или арійскіе Діоскуры“ [1]). Прослѣдивъ то, что говорится въ индійской литературѣ объ этихъ божествахъ, и критически разсмотрѣвъ несходные между собою взгляды Бенфея, Вебера, Макса Миллера и другихъ ученыхъ объ основномъ значеніи Асвиновъ, Миріантей высказываетъ о нихъ свое мнѣніе, по которому въ этихъ божествахъ выражается идея сумерокъ [2]). Миріантей доказываетъ, что при другомъ объясненіи ихъ значенія возникаютъ трудно примиримыя противорѣчія. Мы отмѣтимъ здѣсь тѣ черты, которыя являются сходными у Діоскуровъ и Асвиновъ.

Асвины являются хранителями въ битвахъ [3]); та же черта приписывалась и греческимъ Діоскурамъ. Ее находимъ мы въ разсказѣ Юстина, который сообщаетъ, что Діоскуры оказали помощь Локрійцамъ въ борьбѣ ихъ противъ Кротоніатовъ [4]). Во время битвы при Сагрѣ, разсказываетъ Юстинъ, взвился орелъ, вѣстникъ Зевса, надъ рядами Локровъ и на томъ и другомъ крылѣ ихъ увидѣли двухъ юношей съ блестящимъ оружіемъ, въ пурпуровыхъ плащахъ. Они сражались, сидя на бѣлыхъ коняхъ, а послѣ битвы исчезли.

---

[1]) L. Myriantheus. Die Açvins oder Arischen Dioskuren, München, 1876. Въ русской литературѣ объ Асвинахъ см. Миллеръ Очерки арійской миѳологіи. М. 1876.

[2]) L. Myriantheus, S. 35 f.

[3]) L. Myriantheus, S. 105—108.

[4]) Iustin. XX, 3. Cf. Cic. ND. II, 2.

Въ схоліяхъ къ Пиндару приводится разсказъ о томъ, что Касторъ оказалъ помощь киренскому царю Аркесилаю, когда народъ возмутился противъ него [1]). Этотъ разсказъ напоминаетъ индійское сказаніе о томъ, какъ Асвины помогали царямъ Trikshin'у и Mandhâtar'у защищать свой тронъ противъ возставшихъ [2]).

Оставляя въ сторонѣ тѣ изъ общихъ Асвинамъ и Діоскурамъ черты, которыя не встрѣчаются въ приложеніи къ Кавирамъ, укажемъ тѣ черты, которыя приписывались и Кавирамъ. Асвины признавались богами, посылающими плодородіе, какъ божества, оплодотворяющія землю дождемъ [3]). Присутствіе этой черты въ Діоскурахъ и Кавирахъ не подлежитъ сомнѣнію. Асвины, подобно Кавирамъ-Діоскурамъ, представлялись спасителями отъ бурь и отъ бѣдствій на сушѣ [4]).

Можно отмѣтить еще много чертъ сходства между Асвинами и Діоскурами, которыя простираются до мелочей, несомнѣнно подтверждая ту мысль, что въ основѣ представленія о тѣхъ и другихъ лежала одна общая идея. Такъ, было у древнихъ Грековъ вѣрованіе, что Діоскуры нисходятъ на землю и посѣщаютъ людей, требующихъ отъ нихъ помощи. Греки прославляли веселыми пиршествами предполагаемое ими явленіе Діоскуровъ. Указанія на подобные обычаи встрѣчаются и въ Ведахъ: Асвинамъ приносятъ съ мольбой кушанья и приглашаютъ ихъ на пиръ [5]).

---

[1]) Schol. Pind. Pyth. V, 12.

[2]) Myriantheus, S. 110.

[3]) Myriantheus, S. 123. 130.

[4]) Myriantheus, ibid. S. 155 ff. Cf. A. Bergaigne, La relig. vedique, Paris, 1878—83. II, 466 sq. Представленіе о Діоскурахъ, какъ о божествахъ, спасающихъ людей во время бури, замѣтно въ приписываемомъ Омиру гимнѣ въ честь Діоскуровъ, ст. 6 слѣд.: σωτῆρας τέκε παῖδας ἐπιχθονίων ἀνθρώπων |ὠκυπόρων τε νεῶν, ὅτε τε σπέρχωσιν ἄελλαι| χειμέριαι κατὰ πόντον ἀμείλιχον κτλ. Cf. Eur. Electra v. 1347 sq. Hel. 1664 sq. Isocr. Hel. encom. p. 218 BC. Theocr. XX (XXII), 1 sqq. ὑμνέομεν Λήδας τε καὶ αἰγιόχου Διὸς υἱώ,... |ἀνθρώπων σωτῆρας ἐπὶ ξυροῦ ἤδη ἐόντων,| ἵππων θ' αἱματόεντα ταρασσομένων καθ' ὅμιλον, |νηῶν θ', αἳ δόνοντα κατ' οὐρανοῦ ἢ ἀνίοντα |ἄστρα βραζόμεναι χαλεποῖς ἔγκυρσαν ἀήταις κτλ.

[5]) Myriantheus, S. 179, Anm. 4.

Итакъ общность идеи, положенной въ основу ученія объ арійскихъ Асвинахъ и греческихъ Діоскурахъ, не подлежитъ сомнѣнію, а Діоскуры были отожествлены съ Кавирами. Такимъ образомъ между арійскими божествами и греческими Кавирами устанавливается нѣкоторая связь. Была ли эта связь исторической? Заимствованъ ли культъ греческихъ Діоскуровъ-Кавировъ изъ Индіи? При рѣшеніи этого вопроса должно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Заимствованіе это не могло быть произведено раньше похода Александра въ Индію, а между тѣмъ ученіе о Діоскурахъ въ формѣ уже вполнѣ установившейся существовало въ Греціи въ то время, когда нельзя доказать не только сношеній Греціи съ Индіей, но когда и самыя представленія Грековъ объ этой странѣ были очень смутнаго характера. До Грековъ, конечно, доходили слухи объ Индіи, заходили къ нимъ быть можетъ, люди, которымъ удавалось побывать въ ней, но всего этого крайне недостаточно для заимствованія культа Асвиновъ.

Остается только одно изъ двухъ: или культъ Діоскуровъ былъ вынесенъ изъ этой страны еллинами при выходѣ ихъ праотцовъ изъ Индіи, или онъ развился совершенно самостоятельно на чисто греческой почвѣ и представляетъ созданіе греческаго духа.

Но былъ ли культъ Асвиновъ развитъ до такой степени во время раздѣленія народовъ, какимъ онъ представляется въ индійской литературѣ? Были ли въ то время прочно установлены черты этихъ боговъ, былъ ли такъ полно опредѣленъ ихъ типъ, что его не могли измѣнить никакія вліянія, пережитыя Еллинами до того времени, когда мы встрѣчаемъ у нихъ культъ Діоскуровъ? Какая дивная сила сохранила его въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ въ такой неизмѣнной формѣ?

Едва ли возможно отвѣтить утвердительно на эти вопросы, въ виду полнаго отсутствія фактовъ, которые дали бы право рѣшить ихъ такимъ образомъ. Легко представить теоріи, которыя вполнѣ правдоподобно подтверждали бы прямое заимствованіе культа Діоскуровъ изъ Индіи въ формѣ уже вполнѣ сложившейся, готовой, установившейся, но тутъ требуются факты, а не заманчивыя теоріи, и, не имѣя таковыхъ въ пользу заимствованія

этого культа изъ Индіи, слѣдуетъ полагать, что ученіе о Діоскурахъ развилось на греческой почвѣ независимо отъ Индіи, а что касается до сходства, то оно могло имѣть основы психологическія. Духъ человѣка, несомнѣнно подчиняющійся общимъ законамъ какъ у Индуса, такъ и у Еллина, сходныя общечеловѣческія чувства, сходныя бытовыя явленія—вотъ тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ слагались сходные миѳы объ Асвинахъ и Діоскурахъ. Подобное сходство замѣчается и между другими религіями въ тѣхъ случаяхъ, когда о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, нужно замѣтить и то, что не одно только сходство замѣчается между Асвинами и Діоскурами, но и различіе, явно указывающее, что у Грековъ надъ созданіемъ миѳовъ о Діоскурахъ работалъ не тотъ же духъ, который создалъ арійскихъ Асвиновъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому выводу, что заимствованіе культа Діоскуровъ изъ Индіи не можетъ быть доказано.

Г. *Италія.*

Культъ божествъ сходныхъ съ Кавирами существовалъ и въ Италіи. О немъ мало указаній у сохранившихся до настоящаго времени древнихъ авторовъ[1]), гораздо болѣе ихъ встрѣчается въ памятникахъ искусства. На этрусскихъ зеркалахъ можно указать значительное количество изображеній, въ которыхъ воспроизведены миѳы, относящіеся къ Кавирамъ. Выше, въ главѣ VI, при разсмотрѣніи культа Кавировъ въ Македоніи мы имѣли уже случай отмѣтить рядъ изображеній на этрусскихъ зеркалахъ, представляющихъ убійство Кавира его братьями, воскрешеніе Кавира Ерміемъ и его теогамію[2]). Теперь разсмотримъ тѣ этрусскія зеркала, на которыхъ изображено рожденіе Кавировъ.

На одномъ зеркалѣ, найденомъ въ Клузіи, помѣщена слѣдующая группа[3]). Въ центрѣ сцены находятся Аѳина и Афродита.

---

[1]) Dion. Halic. I, 68, II, 22. Cf. Plut. Camill. c. 20.

[2]) См. выше стр. 143.

[3]) Зеркало это находится въ Берлинскомъ музеѣ древностей. Снимокъ съ него помѣщенъ у Gerhard, Die Geburt der Kabiren, Berl.,

Первая изображена со всѣми обыкновенно присоединяемыми къ ней атрибутами: со шлемомъ на головѣ, копьемъ въ правой рукѣ и головой Горгоны на груди. Вторая является на картинѣ безъ своихъ обычныхъ атрибутовъ, совершенно закутанной въ одежду; только лицо ея открыто. Можно было бы колебаться признать въ этой богинѣ Афродиту, если бы надпись надъ ней не указывала, что это Turan—этрусская Венера. Аѳина вынимаетъ изъ урны ребенка Кавира. Подлѣ Аѳины стоитъ Ермій, опираясь правой рукой на свой жезлъ; лѣвой рукой онъ поддерживаетъ другого ребенка, упирающагося туловищемъ, правой рукой и ногой объ его слегка приподнятую лѣвую ногу выше колѣна. Вблизи Афродиты стоитъ совершенно обнаженный юноша съ копьемъ въ лѣвой рукѣ. Надпись сверху: Laran. Далѣе, направо, обнаженная женщина держитъ правой рукой третьяго ребенка. Надпись: Amatutun или Amatutunia. Этотъ эпитетъ, по замѣчанію Гергарда, сближаетъ данную богиню съ Афродитой, которая была почитаема въ городѣ Амаѳунтѣ на Кипрѣ.

Е. Гергардъ высказалъ мысль, что эта сцена представляетъ рожденіе Кавировъ [1]). Разсматривая приписанныя имъ имена Maristhalna, Marisisminthias и Maristhusrnana, нельзя не замѣтить общности всѣмъ имъ прозванія maris, которое, по мнѣнію Гергарда, выражаетъ вообще ихъ „демоническія“ свойства. Что касается до отдѣльныхъ предикатовъ этихъ божествъ, то thalna и isminthias, по мнѣнію Гергарда, обнаруживаютъ явную связь со словами θάλλειν и σμινθεύς, которыя указываютъ на производительную и разрушительную силу Аполлона; происхожденіе thusrnana не можетъ быть выведено изъ этрусскихъ собственныхъ именъ и значеніе этого слова совершенно темно.

Мнѣніе Гергарда о томъ, что эти дѣти-Кавиры, кромѣ приведенныхъ имъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ двухъ аналогичныхъ этрусскихъ зеркалъ, въ которыхъ рожденіе Кавировъ характеризуется болѣе опредѣленно, чѣмъ въ разсмотрѣнномъ нами памятникѣ, можетъ быть еще подтверждено неотмѣченнымъ имъ фактомъ сходства построенія ихъ именъ съ именами Мнасеевыхъ Кавировъ: Ἀξίερος, Ἀξιόκερσος и Ἀξιόκερσα. Какъ тамъ является общимъ эпитетъ ἄξι (ος), такъ здѣсь въ именахъ этрусскихъ божественныхъ младенцевъ является общимъ maris. Это общее индивидуализируется присоединеніемъ къ каждому существу особаго лично ему принадлежащаго предиката.

Внизу этой сцены изображенъ молодой человѣкъ, обнаженный до пояса, съ дубиной на правомъ плечѣ. Легко узнать въ немъ Иракла. Фактъ изображенія Иракла совмѣстно съ Кавирами имѣетъ важное значеніе, указывая на связь въ этрусскихъ миѳахъ этого героя съ Кавирами.

Интересно также изображеніе одной группы на другомъ этрусскомъ зеркалѣ, находящемся въ Луврскомъ музеѣ [1]). Композиція ея очень проста. Въ центрѣ помѣщены двѣ женщины; одна совершенно обнажена, другая совершенно окутана въ одежду и даже ротъ свой закрываетъ кончикомъ своего платья. Е. Гергардъ признаетъ первую за Афродиту Пандимосъ, вторую — за Уранію. Къ этой группѣ присоединено трое обнаженныхъ юношей-Кавировъ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукѣ тонкую палку, другой—копье, третій—ящикъ. Е. Гергардъ замѣтилъ, что этотъ ящикъ напоминаетъ о томъ ящикѣ, въ которомъ было положено, по миѳу, αἰδοῖον Кавира, убитаго своими братьями [2]). Внизу этой сцены представлена выходящая изъ земли женщина. Появленіе ея изъ земли напоминаетъ миѳъ о возвращеніи Персефоны изъ области подземнаго міра и даетъ основаніе видѣть въ ней эту богиню. Взоры ея, равно какъ и всѣхъ другихъ лицъ этой группы, обращены на Кавира, держащаго ящикъ. Видно, что онъ составляетъ центръ всей группы, что онъ главное лицо. Слѣдовательно здѣсь изображено появленіе воскрешеннаго Кавира.

Установившаяся въ Греціи синкрасія Кавировъ съ Діоскурами замѣчается и въ Италіи. Эта синкрасія замѣчается въ

1862 (Separatabdr. aus der Abhandl. d. philosoph.-hist. Klasse der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berl. 1861, S. 401—410). Taf. I.

[1]) Abhandl. der philos.-hist. Klasse der Königl. Akademie zu Berl. 1861, S. 402.

[1]) E. Gerhard, Die Geburt der Kabiren, Taf. II.

[2]) E. Gerhard, ibid. S. 407.

одной латинской поздней надписи, представляющей благодарственное посвященіе Римлянки Сульпиціи, дочери Кв. Сульпиція, Кастору и Поллуксу, великимъ богамъ [1]). Но не только соединенный съ культомъ Кавировъ миѳъ о Діоскурахъ проникъ въ Италію; памятники искусства указываютъ, что въ Италіи былъ извѣстенъ также миѳъ о Кадмѣ и Армоніи. Изображенія, въ основу которыхъ легъ этотъ миѳъ, встрѣчаются на двухъ Калабрійскихъ вазахъ [2]).

Среди народа, покорившаго себѣ всю Италію, среди Римлянъ, не замѣтно ясныхъ слѣдовъ почитанія Кавировъ. Римляне не имѣли боговъ, которые назывались бы Кавирами, но видѣли этихъ боговъ въ своихъ пенатахъ [3]). Соотвѣтственно этому отожествленію составился цѣлый рядъ сказаній, въ которыхъ устанавливалась связь между миѳами Самоѳракіи и Рима, причемъ посредствующимъ звеномъ являлись миѳы объ Энеѣ, перенесшемъ своихъ пенатовъ на Самоѳракію, а оттуда въ Италію [4]). Прошелъ цѣлый рядъ вѣковъ и культъ боговъ, представлявшихъ сходство съ Кавирами, все еще сохранялся въ Италіи. Объ этомъ находимъ свидѣтельство у Тертулліана; онъ прямо говоритъ, что въ римскомъ циркѣ стояли три статуи, посвященныя тремъ богамъ, великимъ, могучимъ, сильнымъ, которыхъ признаютъ самоѳракійскими божествами [5]).

Вотъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія извѣстны въ настоящее время о культѣ среди жителей Италіи божествъ, имѣвшихъ общія черты съ Кавирами. Признавать ихъ тожество съ Кави-

---

[1]) Cf. Kaibel. IGS n⁰ 2406. 108.

[2]) Bull. dell' Inst. 1886, p. 180, Helbig, Due vasi dipinti di Calabria.

[3]) Serv. Aen. II, 325. ibid.: Tusci penates Cererem et Palem et Fortunam dicunt. Cf. Macrob. Sat. III, 4. Dionys. Hal. I, 55. Кромѣ пенатовъ замѣчается сходство между сицилійскими Паликами, какъ божествами огня, и Кавирами. E. Gerhard, Hyperb.—Römische Studien, II, 216.

[4]) Serv. Aen. III, 12, VII, 27. Dion. Halic. I, 69. Plut. Camill. c. 20.

[5]) Tertull. De spectac. c. 8: in circo Romano tres arae trinis diis parent, magnis, potentibus, valentibus, eosdem Samothraces vocant.

рами, полную общность ихъ чертъ, нѣтъ основанія. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о сходствѣ, которое не подлежитъ сомнѣнію, какъ фактъ прочно установленный цѣлымъ рядомъ памятниковъ искусства и, хотя немногими, но заслуживающими довѣрія свидѣтельствами древнихъ авторовъ. Если бы Римляне въ какихъ-нибудь своихъ божествахъ могли признать тожество съ Кавирами, то было бы совершенно непонятно ихъ стремленіе на Самоѳракію, ихъ желаніе принять тамъ посвященіе. Чѣмъ бы это вызывалось, если бы можно было принять посвященіе на своей родинѣ? Что могло бы побуждать Римлянъ ѣхать въ далекую Самоѳракію, если она не представляла ничего новаго, ничего особаго сравнительно съ тѣмъ, что они имѣли у себя? Очевидно, между культомъ греческихъ Кавировъ и тѣми божествами Рима, которыя были сопоставляемы съ Кавирами, при близкомъ сходствѣ было существенное различіе, которое сознавалось самими Римлянами. Будемъ ли мы отрицать его? [1])

Д. Британія. Кельты. Германцы. Швеція. Общіе выводы.

Стравонъ сообщаетъ свидѣтельство стоика Посидонія о томъ, что на одномъ островѣ вблизи Британіи совершались священнодѣйствія, подобныя самоѳракійскимъ [2]). Французскій ученый А. Пиктэ задался цѣлью изслѣдовать эти священнодѣйствія, этотъ культъ [3]). Тщательно прослѣдивъ данныя, представляемыя миѳологіей Ирландцевъ, Пиктэ пришелъ къ тому выводу, что свидѣтельство Посидонія основано на дѣйствительныхъ фактахъ, что въ религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Ирландцевъ были божества, соотвѣтствовавшія греческимъ Кавирамъ не только по сход-

---

[1]) Культъ Кавировъ въ Акціи, о которомъ упоминаетъ Діонисій аликарнасскій I, 50, какъ о культѣ „великихъ боговъ“, сомнителенъ.

[2]) Strab. IV, 4, 6 p. 198: ταῦτα μὲν οὖν μυθωδέστερα λέγει (ὁ Ποσειδώνιος), περὶ δὲ τῆς Δήμητρος καὶ Κόρης πιστότερα, ὅτι φησὶν εἶναι νῆσον πρὸς τῇ Βρεταννικῇ, καθ' ἣν ὅμοια τοῖς ἐν Σαμοθράκῃ περὶ τὴν Δήμητρα καὶ τὴν Κόρην ἱεροποιεῖται.

[3]) A. Pictet, Du culte des Cabirs chez les anciens Irlandais, Genève—Paris, 1824.

ству тѣхъ представленій, какія съ ними были соединяемы, но и по звуковому сходству ихъ именъ. Относительно сходства представленій о Кавирахъ и божествахъ ирландскихъ Пиктэ пишетъ слѣдующее: connexion entre l'idée de puissence magique et de métallurgie se retrouve dans toutes les mythologies du nord, et on remarque quelques traces dans les traditions irlandais[1]). По вопросу объ основной идеѣ, выраженной въ системѣ Кавировъ, Пиктэ руководился мнѣніями Асторія, Гутберлета, Релянда и Шеллинга[2]). Хотя проявленіе магическихъ силъ и искусство обрабатывать металлы не лежитъ въ основѣ ученія о Кавирахъ, какъ полагалъ Пиктэ, но тѣмъ не менѣе послѣдняя черта была имъ не чужда и сходство въ этомъ отношеніи между греческими Кавирами и ирландскими древними божествами, отмѣченное Пиктэ, представляетъ очень интересный и важный фактъ въ области сравнительной миѳологіи, указанный Посидоніемъ въ глубокой древности и подтвержденный въ XIX вѣкѣ изслѣдованіями французскаго ученаго.

Относительно звукового сходства отдѣльныхъ именъ Кавировъ, сообщаемыхъ Мнасеемъ, съ именами соотвѣтствовавшихъ имъ ирландскихъ божествъ Пиктэ пишетъ: Un de nom de la lune chez les anciens Irlandais était Ire, qui est identique à Eire. Elle était appelée Easire ou Axire, dénomination remarquable par son analogie avec l'Axieros de Samothrace[3]). Относительно Аксіокерса Пиктэ замѣчаетъ слѣдующее: Cearas s'identifie ainsi avec l'Axiokersos de la Samothrace non seulement pour l'idée, mais pour le nom, car il était appelé Axcearas[4]). Пиктэ находитъ также соотвѣтствіе между ирландскимъ божествомъ Samhan и греческимъ Κάδμιλος[5]), между

[1]) Pictet, p. 114.

[2]) Pictet, l. c. p. 112: l'idée de magie était intimément liée à celle de Cabires de Samothrace, et le nom même de Cabires, d'aprés l'étymologie hébraique, signifie magiciens en même temps qu'associés.

[3]) Pictet, l. c. p. 27.

[4]) Pictet, l. c. p. 55.

[5]) Pictet, l. c. p. 87.

Κόης и ирландскимъ словомъ coïs, которое по его словамъ значитъ „святой“[1]).

Въ заключеніе своего изслѣдованія Пиктэ высказываетъ слѣдующій выводъ. „Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе всѣ факты, представленные въ моей работѣ, нельзя отвергнуть слѣдующаго заключенія: существовалъ въ глубокой древности въ Ирландіи особый культъ, который по природѣ проводившихся въ немъ доктринъ, по характеру его символовъ, по самымъ именамъ боговъ имѣлъ тѣсную связь съ религіей самоѳракійскихъ Кавировъ, имѣя своимъ источникомъ, вѣроятно, Финикію“[2]).

Сходныя съ Діоскурами—Кавирами божества можно указать и у древнихъ Германцевъ. К. Бартъ посвятилъ разсмотрѣнію этого вопроса отдѣльную монографію[3]); въ ней, впрочемъ, несравненно болѣе мѣста посвящено разсужденію о Кавирахъ греческихъ, чѣмъ о соотвѣтствовавшихъ имъ древнегерманскихъ божествахъ. Сходное съ Кавирами существо Бартъ признаетъ въ божествѣ Наганарваловъ Алкѣ, о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія Тацитъ[4]). По словамъ Тацита Римляне находили въ этомъ божествѣ черты сходныя съ Касторомъ и Поллуксомъ, которые такъ часто были отожествляемы съ Кавирами. Бартъ придаетъ этому соотвѣтствію слишкомъ большое значеніе. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что „нѣмецкая Алка Наганарваловъ принадлежитъ самоѳракійскому ученію о Кавирахъ“, и по этому поводу замѣчаетъ, что его домыслы „открываютъ новый путь къ познанію религіи древнихъ Германцевъ, а также сношеній народовъ въ тѣ времена, которыхъ почти не коснулось историческое изслѣдова-

[1]) Pictet, p. 89, adnot. 1.

[2]) Pictet, p. 153. Діодоръ свидѣтельствуетъ, что Кельты болѣе всѣхъ боговъ почитали Діоскуровъ, которые тамъ часто были отожествляемы съ Кавирами. Diod. IV, 56, 4.

[3]) K. Barth, Die Kabiren in Teutschland, Erlang. 1832.

[4]) Tacit. German. c. 43: apud Nahanarvalos antiquae religionis lucus ostenditur. praesidet sacerdos muliebri ornatu, sed deos interpretatione romana Castorem Pollucemque memorant. ea vis numinis, nomen Alcis.

ніе“ [1]). Нельзя не замѣтить, что историческая связь представленій объ Алкѣ съ ученіемъ о самоѳракійскихъ Кавирахъ крайне сомнительна. Тацитъ не отмѣчаетъ въ этомъ божествѣ ни одной существенной черты, которая принадлежала бы Кавирамъ.

На основаніи словъ Тацита можно съ большой натяжкой усматривать только нѣкоторое соотвѣтствіе между Алкой и Кавирами чрезъ посредство сходныхъ съ ними Діоскуровъ. Такимъ образомъ тотъ путь, открытію котораго Бартъ посвятилъ такъ много труда, представляется путемъ крайне сомнительнымъ.

Разсмотрѣнными нами странами не ограничиваются тѣ области, гдѣ ученые находили божества, сходныя съ греческими Кавирами. Гелленбергъ указалъ на слѣды существованія культа Кавировъ въ Швеціи [2]). Сходныя съ Кавирами черты усматривалъ въ шведскомъ Одинѣ и Шеллингъ [3]). Если присоединить сюда соображенія Пиктэ, который находилъ звуковое сходство съ именемъ Кавировъ въ славянскихъ словахъ, обозначающихъ понятіе объ огнѣ [4]),—а представленіе объ огнѣ соединялось съ Кавирами,—то едва ли остается какой-нибудь народъ стараго свѣта, среди божествъ котораго проницательные взоры ученыхъ не находили бы нѣкоторыхъ чертъ сходныхъ съ Кавирами или даже прямого, историческаго заимствованія культа этихъ божествъ. Но непосредственный переходъ культа этихъ божествъ изъ Греціи не можетъ быть въ настоящее время доказанъ ни для одного изъ этихъ народовъ, а при переходѣ его изъ другихъ странъ въ Грецію наиболѣе основаній считать посредствующимъ звеномъ Ѳракію.

Присутствіе въ религіозныхъ системахъ множества народовъ такихъ божествъ, въ которыхъ замѣчается сходство съ греческими Кавирами, представляетъ очень интересное и важное явленіе.

---

[1]) Barth, Die Kabiren, S. 204.

[2]) Hellenberg, Antiquariske Annaler, I, 217. Khavn. 1812. Указаніе заимствовано изъ Бендстена, Miscell. Hafn. II, 97, adn. 1.

[3]) Schelling, Die Gotth. von Samothr. S. 65, Anm. 56.

[4]) Pictet Du culte des Cabires, p. 114.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать послѣдовательное распространеніе этого культа изъ одного общаго центра; нѣтъ основаній возводить его къ арійскому первоисточнику, такъ какъ сходныя съ Кавирами существа встрѣчаются и у семитовъ, также какъ и у народовъ арійскаго происхожденія. Основы этого сходства лежатъ гораздо глубже, не въ племенномъ родствѣ, а въ родствѣ общечеловѣческомъ. Сходство тѣхъ духовныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ создаются религіозныя вѣрованія у всѣхъ народовъ, должно было вызвать и сходство въ произведеніи. Тутъ, въ основахъ культа Кавировъ, видимъ великую картину сходства основныхъ проявленій религіозной жизни человѣка вообще, каковы бы ни были его племенныя различія. Но такъ какъ дѣйствительная жизнь проявляется не въ общихъ родовыхъ формахъ, а въ формахъ видовыхъ, то и эти общія основы обнаружились въ формахъ культовъ отдѣльныхъ народовъ, наложившихъ на нихъ своеобразныя особенности своего національнаго духа. Въ этихъ формахъ отразились также особенности той земли и того неба, подъ воздѣйствіемъ которыхъ онѣ развивались. Отсюда ясно, что путемъ сравнительнаго изученія культа Кавировъ могутъ быть опредѣлены лишь однѣ общія, абстрактныя основы культа этого въ Греціи, а дѣйствительныя, реальныя его формы могутъ быть выяснены только путемъ изученія его проявленій среди греческихъ племенъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Стр.

Литература вопроса о кавирахъ въ древности. Изслѣдованія о кавирахъ въ западно-европейской литературѣ . 1—21.

Кавиры въ несохранившихся до настоящаго времени произведеніяхъ древнихъ авторовъ. Изслѣдованія о Кавирахъ западно-европейскихъ ученыхъ. Меурсій. Фабретти. Асторій. Реляндъ. Гутберлетъ. Фрерэ. Шеллингъ. С. Круа. Велькеръ. Лобекъ. Нейгайзеръ. Россиньоль. Конце. Изслѣдованія на Самоѳракіи австрійской археологической коммиссіи. Ленорманъ. Крузіусъ. Раскопки германскаго археологическаго института въ віотійскомъ святилищѣ Кавировъ.

ГЛАВА II.

Время установленія культа Кавировъ въ Греціи и мѣсто его происхожденія . . . . . 22—45.

Мнѣнія древнихъ по этимъ вопросамъ. Мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ. Три главныхъ направленія по вопросу о происхожденіи именъ Кавировъ. Цоега. Фрерэ. Велькеръ. Вейске. Нейгайзеръ. К. О. Миллеръ. Асторій и Гутберлетъ. Бохартъ. Шеллингъ. Крузіусъ.

ГЛАВА III.

Культъ Кавировъ на Самоѳракіи . . . . . 45—85.

Миѳы объ его учрежденіи. Самоѳракійскіе Кавиры. Сообщаемыя Мнасеемъ патарскимъ имена Кавировъ—не мистическія имена. Неточность замѣтки о Кавирахъ въ схоліяхъ къ

Аполлонію родосскому. Черты, приписывавшіяся древними Греками Кавирамъ. Божества, съ которыми Кавиры были отожествляемы и выводъ отсюда характеристичныхъ чертъ Кавировъ. Кавиры—боги свѣта. Сходство миѳовъ о Кавирахъ съ миѳами объ Аполлонѣ. Греческія божества, культъ которыхъ былъ соединенъ на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ. Ермій, Димитра, Кора и герои, соединенные съ культомъ этихъ божествъ. Афродита Каліада. Левкоѳея и „восточныя божества". Еката. Герои цикла похода Аргонавтовъ и троянской войны. Фригійскія божества, соединенныя на Самоѳракіи съ культомъ Кавировъ. Финикійское вліяніе на культъ самоѳракійскихъ Кавировъ.

Стр.

ГЛАВА IV.

Самоѳракійскіе жрецы и мисты. Самоѳракійскія оргіи. 86—106.

Цари. Саи. Кой. Обрядъ покаянія въ самоѳракійскихъ мистеріяхъ. Могильный памятникъ изъ Волатерры и его ложное пониманіе Асторіемъ. Самоѳракійскіе агораномы. Самоѳракійскіе мисты. Степени посвященія. Обряды посвященія. Торжества въ честь Кавировъ на Самоѳракіи.

ГЛАВА V.

Культъ Кавировъ на Лимносѣ, Имвросѣ и въ Віотіи .106—142.

А. Кавиры на Лимносѣ . . . . . 106.

Вліяніе природы Лимноса на особыя черты лимносскихъ Кавировъ. Представленія древнихъ Грековъ о лимносскихъ Кавирахъ. Божества, культъ которыхъ былъ соединенъ на Лимносѣ съ культомъ Кавировъ. Герои, соединенные съ культомъ Кавировъ на этомъ островѣ Лимносскія торжества въ честь Кавировъ.

Б. Культъ Кавировъ на Имвросѣ . . . . . 118.

Черты имвросскихъ Кавировъ. Имвросская надпись, изданная Конце. Невозможность чтенія въ ней πάτ(εκ)οι. Ошибочность мнѣнія Конце объ отожествленіи въ этой надписи Кавировъ съ титанами. Основы связи миѳовъ о титанахъ съ имвросскими миѳами о Кавирахъ. Греческія божества и герои, соединявшіеся на Имвросѣ съ культомъ Кавировъ. Фригійское вліяніе на имвросскій культъ Кавировъ.

В. Культъ Кавировъ въ Віотіи . . . . . 126.

Сообщаемое Павсаніемъ преданіе объ установленіи культа Кавировъ въ Віотіи. Анализъ его содержанія. Слѣды вліянія на него лимносскихъ, елевсинскихъ и самоѳракійскихъ миѳовъ. Раскопки германскаго археологическаго Института въ віотійскомъ Кавиріи. Объясненіе изображеній на віотійской вазѣ, помѣщенной въ Mittheilungen d. d. arch. Inst., Athen. 1888, Taf. IX. Параллель между миѳами объ Іакхѣ и о сынѣ Кавира. Вліяніе ученія Орфиковъ на культъ Кавировъ въ Віотіи. Божества и герои, соединенные съ віотійскими Кавирами. Жрецы віотійскаго культа Кавировъ.

Стр.

ГЛАВА VI.

Культъ Кавировъ въ Македоніи и въ другихъ областяхъ древнегреческаго міра . . . . . 142—161.

А. Культъ Кавировъ въ Македоніи . . . . . 142.

Свидѣтельства о существованіи этого культа въ Македоніи. Климентъ александрійскій. Керамическія изображенія, представляющія убійство Кавира и его воскрешеніе. Памятники искусства и монеты, имѣющія отношеніе къ македонскому культу Кавировъ. Торжества и состязанія въ честь Кавировъ въ Македоніи.

Б. Распространеніе культа Кавировъ и его вліяніе на религіозныя вѣрованія въ различныхъ областяхъ древнегреческаго міра . . . . . 150.

Троада. Понтъ. Кизикъ. Пергамъ. Фокея. Смирна. Милитъ. Вранхиды. Культъ Кавировъ въ Сиріи и на греческихъ островахъ. Вліяніе культа Кавировъ на религіозныя вѣрованія Аттики. Культъ Кавировъ въ Анѳидонѣ и Амфиссѣ. Культъ Кавировъ принадлежалъ іонійскому и эолическому племенамъ.

ГЛАВА VII.

Ученіе, излагавшееся въ мистеріяхъ Кавировъ . . 162—185.

Господство отрицательнаго направленія по вопросу объ ученіи, проводившемся въ этихъ мистеріяхъ. Лобекъ и его вліяніе. Указанія древнихъ авторовъ на ученіе проводившееся въ мистеріяхъ Кавировъ. Мнѣнія западно-европейскихъ ученыхъ о сущности этого ученія. Шеллингъ. Крейцеръ Швейгеръ. Содержаніе ученія, раскрывавшагося въ мисте-

ріяхъ Кавировъ. Ученіе о божествѣ. Сходство между мистеріями Кавировъ и елевсинскими. Ученіе о человѣкѣ и природѣ. Время прекращенія культа Кавировъ. Остатки культа Діоскуровъ-Кавировъ въ современныхъ греческихъ суевѣріяхъ. Стр.

ГЛАВА VIII.

Божества различныхъ народовъ, представлявшія сходство съ Кавирами . . . . . 186—205.

Сходныя съ греческими Кавирами божества у Финикіянъ, Египтянъ, Индусовъ, жителей Италіи, Британіи, Кельтовъ, древнихъ Германцевъ и Шведовъ. Общіе выводы.

А. Финикія . . . . . 188.
Б. Египетъ . . . . . 190.
В. Индія . . . . . 193.
Г. Италія . . . . . 197.
Д. Британія. Кельты. Германцы. Швеція. Общіе выводы. 201.

Опечатки и добавленія.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
1	enciens	anciens
2	Орѳиковъ	Орфиковъ
7	Миллеромъ	Крейцеромъ
17	ето	его
31	cri, cad	kri, kad
38	V, 251	V^a, 251
55	страшнаа	страшная
57	Chante, pie	Chante-pie
71	черты	черты,
108	Протея	Протея,
153	263—27	263—270.
175	Исіодовыхъ,	Исіодовыхъ
180	служитъ	служить
185	Νεοελλινιχὴ	Νεοελληνιχὴ

Къ стр. 80. Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ замѣтить, что тутъ приведены всѣ участники похода Аргонавтовъ по самоѳракійскимъ миѳамъ въ сообщеніи Діодора, при чемъ къ числу миѳовъ, внесенныхъ въ позднѣйшее время, не относятся, конечно, миѳы объ Ясонѣ.

На стран. 154 я употребляю терминъ „Сирія“ въ обширномъ значеніи этого слова, въ какомъ оно встрѣчается у многихъ римскихъ авторовъ. См., напр., Plin. NH. V, 12 (66).